

18+

Ирина Ногина

Надуйте наши души

Swell Our Souls

Ирина Ногина

**Надуйте наши души.
Swell Our Souls**

«Издательские решения»

Ногина И.

Надуйте наши души. Swell Our Souls / И. Ногина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517934-0

Сюжет романа закручивается спиралью вокруг студентки-биолога, которая хранит источник свободы воли, мистической женщины, которая намерена завладеть им, университетского психолога, который основывает популярную секту, инвестора-новатора, который внедряет компьютерную программу, обещающую сделать счастливым каждого пользователя, и учёного-физика, который благодаря жемчужине пространственно-временной сети бога Индры постигает сущность сознания и роль свободы воли для человеческой самости. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-517934-0

© Ногина И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ 1. ИМАНОН	10
Глава 1. Две жены	10
Глава 2. Подспудная игра	16
Глава 3. Верю не верю	21
Глава 4. Наверное, это чудо	26
Глава 5. Свидание с фантазиями	31
Глава 6. Докопаться до силы	37
Глава 7. Фуга ветров	43
ЧАСТЬ 2. СЧАСТЬЕ	44
Глава 1. Преступный романтик	44
Глава 2. Сражённый совершенством	51
Глава 3. Отчаянные решения	58
Глава 4. Фестиваль «Избранник ветров»	63
ЧАСТЬ 3. ВЫБОР	74
Глава 1. Лукавая исповедь	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Надуйте наши души Swell Our Souls

Ирина Ногина

Дизайнер обложки Ирина Ногина

© Ирина Ногина, 2021

© Ирина Ногина, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0051-7934-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

День был уже укутан в сумеречный саван. Глотая слёзы, он окинул мутным взглядом брюзжащее море, и отсыревший пляж, и отстранённо капризничающее небо, с ревнивой досадою всякого уходящего по отношению к тем, кто остаётся.

Они шли вдоль берега – почти неприличная в своей странности пара: хромой мужчина в сером, под стать мелкому дождю, пиджаке, в тёмных брюках столь простого кроя, что сгодились бы и для рыбалки, с открытой головой, на которой почти не было волос, словно ею пренебрегли, лишив и покрова, и убора, и молодая красивая женщина. Он двигался неуклюже, кренился то влево, то вправо, часто спотыкался, но старался не сбавлять темп, словно только в конце пути мог избавиться от муки, исказившей его лицо.

Приступ агрессивного, бесполезного кашля уже второй раз за пять минут одолел мужчину. Отбившись, он втянул воздух, грудь его всколыхнулась, он судорожно вытер пот со лба.

– Ты умрёшь? – напряжённо спросила она.

– Очень скоро, – прокричал он.

– Это мучительно? – с сострадательным отвращением уточнила она то, что и так было ясно.

– Чем чаще возвращаюсь сюда... тем острее здешний фон чувствует во мне чужого... тем скорее и мучительнее меня отсюда выталкивает, – тяжело дыша, объяснил он. – У меня совсем мало времени.

– Почему я не чувствую ничего подобного? – насторожилась она.

– Потому что тебе придётся остаться, – он бросил на неё короткий оценивающий взгляд, едва ли не первый за всю прогулку. Она испугалась, но он ожидал такой реакции. – Я поделился с тобой своими запасами, чтобы тебе легче дышалось до той минуты, когда ты поймёшь, как стать здесь своей.

– Простите, отец, но какая цель?..

– Иманон.

Он взглянул на горизонт, а брошенное им слово повисло в воздухе и каждое мгновение отдавалось тревожным эхом в ушах женщины, словно вобрало в себя смысл того, что должно было быть сказано в будущем, словно одним этим словом он хотел избавить себя от муки долгих объяснений.

Основам искусства речи он обучил её много лет назад – тогда она заучивала элементарные сочетания частоты, интенсивности и скорости звука, необходимые для желаемого воздействия слов. Отец владел этой азбукой в совершенстве, доведённом до автоматизма. Наверняка, сейчас он заставил это «Иманон» вызвать в её голове раздражающий резонанс.

Когда её отец вновь закашлялся, она, удостоверив его страдание, посмотрела на него с невольным злорадством.

– Это твоя цель, – поморщился он, пощадив её. Эхо тут же покинуло сознание, спокойно переключившееся на новую фразу. – Человек-ось. Человек ветров.

Она глянула на него, проверяя, не думает ли он, будто эти фразы что-то прояснили.

– Есть один особый ток, Тэфон, идущий от истока творения. Сознание, пронизанное им, способно развивать свойство, благодаря которому обретает целостность и стабильность своих форм.

Она прищурилась, соображая, желая опередить его констатацию собственной догадкой, но он не стал испытывать её в этом.

– Это свойство – предпосылка вечного и гармоничного разнообразия, импульс развития и залог молодости бытия. Оно подобно искре, освещающей и оживляющей вездесущую и под-

линную взаимосвязь. Через него постигается сущность явлений. С ним помысел обретает значение, а действие – значимость.

– Свобода воли.

– Свобода воли, – подтвердил мужчина. – Здесь сейчас, – он шевельнул пальцами, будто сжал что-то невидимое. – Сконцентрирован колоссальный запас её движущей силы. Вся эта мощь пригодится там, где имеются лучшие условия для её воплощения. Ты понимаешь, к чему я веду?

– Ты хочешь забрать отсюда свободу воли?

– Вернее будет сказать – силу, которая питает её, – он преобразился: из облика исчезла болезненность, и на миг ей показалось, что смерть уже доконала его, и он теперь говорит с нею в образе духа. – Ты умна, Тэфон. Я думаю, из всех преданных мне детей ты самая умная. Поэтому именно тебя я посвящаю цели овладеть Иманон.

– Кто такой Иманон?

– Иманон – человек, заключающий в себе центр притяжения энергии свободы воли. Проводник, передающий её ток человеческому сознанию. Это потенциал огромной мощности, изолированный вакуумом иллюзий и захороненный под свалкой мнимых смыслов! Если передать эту энергию туда, где она сможет воплотиться в качественно ином сознании, она даст жизнь качественно иному творению. Для этого ты, Тэфон, должна найти Иманон и заставить его отдать тебе силу.

– Как я могу это сделать?

– Ищи его по ветру, – он сделал движение, как будто поймал на лету каплю дождя, а потом поднёс к ней на ладони крошечный бриллиант. – Когда останешься одна, выпей это. Здесь знание обо всём необходимом, чтобы выжить и найти Иманон. Я вижу сомнение в тебе, Тэфон. Ты боишься...

– Меня пугает масштаб задачи. Я задаюсь вопросом, почему вы хотите поручить дело мне, вместо того чтобы уладить его самому?

– Дело, которое я поручил тебе, потребует времени, а я связан законами своего положения. Всё здесь сопротивляется мне – взгляни, что происходит со мной из-за нескольких мгновений, – он развёл руками, и на секунду она явственно ощутила его муку. – Но ты – другое дело. Ты не связана обязательствами и вольна путешествовать, где только вздумается. Ну, почти, – он покосился на неё с подобием усмешки. – Теперь слушай внимательно! Мы в эпицентре силы Иманон. Он где-то рядом. Ищи его в этом городе. Будь внимательна и осторожна. Я укреплю тебя, как только смогу. И дам тебе совет: обрати в свою пользу силу человеческого заблуждения. Из всех человеческих сил эта – наибольшая. Пусть она служит твоей цели.

Женщина не сводила глаз с крошечного бриллианта, одолеваемая странной жадой поскорее проглотить его.

– Что станет, когда отсюда исчезнет энергия свободы воли? – праздно спросила она.

– Кое-какие фундаментальные связи нарушатся. Но они будут настолько тонкими, что внешне даже не проявятся.

– То есть, их могут не заметить?

Он уклончиво поджал губы.

В эту минуту свистнули доски сёрфингистов, рассекая воздух, прежде чем плюхнуться на воду, вновь человеческие голоса приглушили шорох моря. Дождь кончился, и люди вернулись на пляж.

– Смотри, какое небо! Ох, завтра задует! Дождаться бы, – крикнул неизвестный, кивая на горизонт, озарённый багровым сигнальным огнём приближающейся ночи.

На песке, в десятке метров от воды, спали на подстилке мужчина и женщина, защищённые от дождя широким зонтом. Их годовалый ребёнок, проснувшись, выбрался из коляски и направился к морю. Пухлый и неуклюжий, едва-едва ставший на ноги, он смешно расто-

пырил руки, балансируя на зыбкой почве, но не продержался и минуты, шлёпнулся на песок и раздосадованно захныкал. На лицах его спящих родителей трепетала тень покоя. Их головы склонились друг к другу, женская рука машинально, с обманутой бдительностью, придерживала коляску. Когда малыш заплакал, на переносице его отца появилась тревожная складка, но вскоре разгладилась.

Не получив отклика на жалобу, малыш сообразил встать на четвереньки. И здесь его ждал успех. На минуту он отвлёкся, заметив две приблизившиеся фигуры: ловко перекатившись через бедро, уселся, всплеснул руками и одарил встречных приветливым мычанием. Но не встретив восторга по поводу подобной любезности, порыв его быстро сник: он опять встал на четвереньки и продолжил путь к большой воде, пока не погряз в морской пене. Испугавшись, малыш отпрянул, опять оказался на попе и стал следить с возрастающим интересом, как хитрые волны тянутся к нему пенистыми язычками...

Описав круг над головой ребёнка, истошно завопила крупная чайка. Он захлопал в ладоши, после чего решительно поднялся на ноги. Здесь песок был уже влажным и плотным, и мальчик без труда сделал несколько твёрдых шагов к морю, но, ступив на то место, где вода размягчила берег, снова упал, и его тут же окатила волна.

Мрачная пара безучастно миновала маленькое тельце, неприспособленное к сопротивлению силе, затягивающей его в море. Малыш, изумлённый неизведанными ощущениями, не плакал, но лишь ошарашенно взирал, как вокруг него, прибывая, бурлит голодная пена.

В эту секунду под зонтом инстинктивно пробудилась его мать. Первым делом она склонилась над коляской и, не обнаружив там дитя, издала рычащий стон, а уже в следующее мгновение и она, и её очнувшийся супруг мчались к сыну.

– Помогите ему! – завопила женщина, заметив две человеческие фигуры рядом с малышом.

Мужчина добежал первым и вырвал обмякшее тело сына из цепких объятий моря, воды которого безразлично отхлынули, словно возвращая испорченную игрушку. Он перевесил его через руку и сунул палец ему в рот. Из рта, очерченного посиневшими губами, потекла вода, а вскоре счастливчик прокашлялся и закричал.

– Он дышит, – выдохнул отец.

Мать рухнула на колени, с воплем облегчения уткнулась головой в песок, а затем подняла испачканное лицо и с булькающим хрипом, отразившим боль, радость и стыд одновременно, прижалась к сыну.

– Мы забыли его пристегнуть, – тихо сказал муж. – Ещё мгновение, и...

Эти слова немного отрезвили мать. Она обернулась на невольных свидетелей чудом предотвращённой трагедии и пробормотала:

– Он ведь тонул! А вы...

Мужчина вскинул отрешённый взгляд на северный край небесного купола, где, как огненный язык всепоглощающего времени, блеснула молния, затем недоумённо посмотрел на вопрошающую и закашлялся. Раздираемый изнутри безжалостным врагом, он был столь жалок и безобразен, что женщина отшатнулась, будто опасаясь, как бы он не заразил её своей мукой, но он схватил её за плечо. Женщина инстинктивно дёрнулась, желая сбросить чужую руку, но он держал её очень крепко, буквально пригвоздив к земле. Она заглянула ему в глаза и вскрикнула от ужаса, увидев в них собственную смерть: сокрушительная дрожь прошла по её волосам, лишая их цвета...

Когда же муж, встревоженный её воплем, оторвался от мальчика и бросился на помощь, незнакомец прекратил кашлять и тут же отшвырнул её от себя.

– Вот, посмотри, – с отвращением обратился он к своей спутнице. – Они желают, чтобы за них устроили то, что им угодно, пренебрегая ходом вещей! А как бы им понравилось, если бы я пожелал устроить заодно и судьбу этого ребёнка по своему усмотрению? Нет уж! Им требу-

ется, чтобы я спас ему жизнь и исчез до того момента, пока новые невзгоды не заставят их возопить о помощи! Независимость здесь в ходу лишь как валюта, которою платят за беспечность. Пойдём же!

Они двинулись дальше вдоль берега. Вода глянцевой полиролью уничтожала их следы.

ЧАСТЬ 1. ИМАНОН

Глава 1. Две жены

Над коричневым забором выступал, точно маршмеллоу над кофе, осанистый белый особнячок. У его калитки притормозил седан, и из водительской двери появилась женщина лет тридцати. У неё был аккуратное остробородое лицо с несколько старомодной формой бровей и безупречными стрелками на веках, а волосы собраны в высокий тугий хвост. Пока она забирала из машины сумочку, с пассажирского сиденья выпрыгнула другая – молодая, по-детски растрёпанная и по-мальчишески одетая, – позвонила, толкнула клацнувшую калитку и исчезла во дворе вместе с пригревшимся у неё на спине массивным рюкзаком. Первая женщина тоже направилась к дому, который вблизи ещё сильнее напоминал зефир и невольно заставлял гостью чувствовать себя маленькой Гретель.

Дверь открылась сразу – её поджидали: на пороге стояла толстая и очень опрятная пожилая женщина с косой вокруг головы, недостаток проницательности на лице которой компенсировала аристократическая строгость.

– Добрый день, Анна, – высокомерно поздоровалась она. – Входите, я сейчас предупрежу о вас, – и, словно огромная утка, преследующая утят на мелком пруду, она деловито и неуклюже проследовала через холл к домофону, который избавлял её от необходимости носиться по всякому поводу к хозяйке на второй этаж.

Ольга появилась раньше, чем Анна успела в очередной раз наглядеться на великолепное витражное окно, которое украшало лестничный пролёт. С приветливым нетерпением, выдававшим её страстную, идущую из детства и пренебрегающую даже правилами гостеприимства, любовь к гостям, в белоснежном шёлковом халате и с почему-то только одним ярко накрашенным глазом хозяйка пронеслась вдоль своего бесподобного окна, как цапля по маковому полю, такая уместная и резвая (тогда как, подумала Анна, другая фигура на её месте смотрелась бы точно тень беспокойного зрителя на экране в пиратской версии фильма), и сбежала навстречу Анне.

– А я услышала, что вы приехали, – сказала она и закричала домработнице. – Я уже внизу, забираю Анну, спасибо! И можно нам кофе, пожалуйста? – и снова обратилась к госте. – А где Илай? Умчалась к себе? У неё всё нормально? – получив, вполне ожидаемо, положительные ответы, Ольга дунула на нос и несколько раз моргнула. – Анна, ты не возражаешь, если мы поговорим наверху? Поднимемся?

Перед Анной замелькали каблучки хозяйки, заставляя отметить очередное чудачество Ольги – носить дома мюли. По пути в спальню Ольги Анна старалась обозреть все помещения, не упустить ни одного новшества; хоть она и считала вкус Ольги немного странным, в целом, дом ей нравился: светлый, удобно спланированный, без нелепых форм и лишних углов. Но было в его завоздушенности, колышущихся тюлях, неразбавленном белом цвете, в барельефах и колоннах в холле второго этажа, в этой неосознанной эклектике, нечто инфантильное, сдвигающее сей отнюдь недешёвый каприз Ольги на грань пафоса.

Спальня Ольги была самым большим помещением второго этажа: в три вертикальных окна, обрамлённых льняным тюлем, с круглой кроватью по центру и массивным трюмо. Анна устроилась в кресле у изящного кофейного столика и узнала ковёр под своими ногами: он был родом ещё из той комнатухи, где молодые Ольга и Леонард, нынешний муж Анны, провели лучшие годы своего супружества.

– Анна, ты не смутишься, если я продолжу? – Ольга кивнула на свой ненакрашенный глаз. – Слишком нелепо смотрится, а я хочу тебя расспросить о новой работе Леонарда. Сам он как будто избегает этой темы. Видимо, желает свалить разговор на тебя.

– Ты ведь знаешь, Леонард не фанат долгих бесед, – сказала Анна с некоторой гордостью. – Что касается работы, его взяли управляющим в санаторий «Асседия». Через несколько дней заканчивается испытательный срок, и к началу сезона он полноценно вступит в должность.

– Санаторий «Асседия» – это тот, что на Пятнадцатой дороге, над морем?

– Он самый. Ты там бывала?

– Очень давно, ещё в студенческие годы. Помню, вид у него был довольно заброшенный, и ещё помню невероятную панораму из окон главного корпуса.

– Не только из окон, но и с прогулочной аллеи, – кивнула Анна. – Изумительные виды. Такими больше ни один санаторий на побережье не может похвастаться.

– Сейчас там наверняка комфортабельные номера с круглосуточным обслуживанием. Деревянные панели на стенах, торшеры-трапедии, ротанговые диванчики в вестибюлях – что-то в таком духе?

– Думаю, не так много изменилось с твоих студенческих времён. Только в коммерческом корпусе современные номера, а в остальных сделан косметический ремонт. Развернуться шире не позволяет скудное бюджетное финансирование.

Ольга помычала, нанося на веко основу под тени.

– И на что же прельстился Леонард? Не на красивые же виды?

– На красивые виды прельстилась твоя дочь, – усмехнулась Анна. – А Леонарда привлекла возможность, как он выразился, приносить пользу ещё не освоенным способом.

– А что с жильём? Вас поселили в санатории? – уточнила Ольга, растушёвывая тени в уголке глаза.

– Леонарду выделили домик на склонах, на границе с санаторием, – скромный, но вид оттуда зачётный, и никаких соседей. Илайя в восторге и собирается поселиться там после сессии, – вдруг вырвалось у Анны то, ради чего она приехала, для чего подбирала подходящий момент и правильные слова. – Ей предложили летнюю подработку в санатории, и она согласилась. Так что, если, как я надеюсь, ты не будешь возражать, нас троих ждёт совместное продуктивное лето.

Их взгляды встретились в зеркале, и Анна никак не могла понять по её несуразно выρισованным глазам, что творится в голове у Ольги: с одинаковой вероятностью можно было сказать, что та расстроена, обижена, покороблена, причём, верней всего, последнее.

– Ты опасаясь за своё реноме? – решила брать быка за рога Анна. – Но подумай сама: даже если кто-то узнает, что Илайя подрабатывает в санатории, твоя репутация только выиграет – ведь это практически волонтерство. Всякому ясно, что подработка в санатории – не work&travel: на велосипед не заработаешь, на сигвей и подавно. Внучка уважаемого дипломата и дочь известного общественного деятеля трудится на благо города и туристов – чем плохо?

– Мне категорически не нравится эта идея, – любезно улыбаясь, отрезала Ольга.

В эту минуту в дверь настойчиво постучали и, не дожидаясь разрешения, вошли – то была домработница с двумя чашками кофе и двумя заварными пирожными.

– Что же вы принесли, Дарья? – всполошилась Ольга, отвлёкшись от своего глаза. – Вернитесь, пожалуйста, и захватите коробку, которую привезли из кондитерской, – она обернулась к Анне. – Ты любишь макаронс? Я их обожаю! Будь у меня твоя комплекция, я бы съедала по килограмму в день! Но моя диетолог с боем уступила мне только триста грамм в неделю, но зато, уж поверь, это лучшие макаронс в городе. Я провела авторское исследование, посвятила ему три публикации и всё ещё держу интригу вокруг первого места. Но ты не читаешь мой

блог, к тому же, ты – родня, поэтому от тебя я своего поставщика скрывать не стану, и у меня там скидка: сможете заказывать на моё имя, если, конечно, тебе понравится, – Ольга умудрилась говорить с неподвижным лицом, так что её исполненный самодовольного дружелюбия монолог не мешал ей орудовать тушью для ресниц.

– Я понятия не имею, о чём ты говоришь, – нахмурилась Анна.

– Макаронс! Пирожные! Кругленькие разноцветные. Бизе с кремом. Ты не могла не...

– Понятия не имею, – мотнула головой Анна. Она начинала злиться из-за того, что восхитительные планы на лето, построенные тремя людьми, могли так бестолково рухнуть от одного слова Ольги; из-за того, что не только Илайя, но и она сама, и Леонард должны были зависеть от самодурства этой женщины. – Ольга, почему Илайе не провести лето на побережье? Ты знаешь, что для неё нет большего удовольствия. Поставь себя на её место.

– Вот именно! – Ольга разделалась с глазами и теперь собирала перед собой тональные средства. Анна вдруг сообразила, что Ольга делает отнюдь не повседневный макияж – она готовится к какому-то мероприятию. – Дай угадаю, чем занималась Илайя в эти выходные: каждые полчаса купалась в море, уверяя, что вода вовсе не ледяная, а в остальное время возилась со своим бурьяном – благо, на склонах его, должно быть, предостаточно.

– Угу, и ещё составила опись всех гусениц санатория, и каждой дала имя, – с ненавистью глядя на Ольгу, добавила Анна.

– Вот-вот. И не нужно быть провидцем, чтобы понимать: аналогичным образом пройдёт для неё всё лето на побережье. А ведь это последнее студенческое лето, Анна. Через год наступит то будущее, о котором Илайя, как я ни умоляю её, думать не хочет. Да, я проявила слабость и, невзирая на нелепость такой профессии, позволила ей получить диплом биолога. Но она была ребёнком и так горела этим желанием, что мне было жаль давить на неё и стать источником такого разочарования. Но, Анна, рано или поздно пора взрослеть и принимать на себя ответственность.

Анну так и подмывало возразить, что Илайе нельзя не отдать должного в последовательности выбора, равно как и в заботе о своём будущем, поскольку она уже полгода работает экологом в ботаническом саду и, пусть там не ахти какая зарплата, воодушевлена полученным опытом, а также перспективой трудоустройства в лесостепной заповедник, куда она уже трижды выезжала на практику; да и вообще, сказала бы Анна, Илайя на хорошем счету на факультете, и на её профильной кафедре сильно удивились бы, узнав о наличии у неё тех прискорбных качеств, которые так огорчают её мать; но Анна слишком хорошо знала, что вести с Ольгой аргументированные споры столь же бесполезно, сколь доказывать теорему Пифагора Колобку и поэтому спросила без обиняков.

– У тебя есть какие-то конкретные планы, связанные с Илайей, на это лето?

Как и ожидала Анна, этот вопрос застал Ольгу врасплох: никаких планов у неё не было, но Ольга быстро сочинила веский ответ.

– Я думала взять её с собой в итальянский тур. К тому же, ей надо подтянуть английский: когда, если не сейчас. А на досуге походит на гастрономические девичники – одна моя знакомая организует; очень увлекательно и в духе Илайи.

– Я слушаю тебя и не верю, что мы говорим не о пятилетнем ребёнке, а о двадцатилетней женщине.

В дверь тихонько постучали.

– Да? – гаркнула Ольга. – Входи, Илайя!

– Как ты узнала, что это я? – улыбнулась её дочь, входя.

– Всё моя материнская интуиция, – пошутила Ольга.

– Ты чересчур деликатна для этого дома, – брякнула Анна. – Это выдаёт тебя.

Илайя с опаской глянула в зеркало на мать – не вызовут ли слова Анны её гнева, а Ольга посмотрела на девушку, замершую в дверях – тонкую, белёсую и ясную как молодой месяц,

не ведающий о пятнах и прочих превратностях полной луны; а затем на себя – всё ещё красивую, но уже потихоньку увядающую женщину, так и не простившуюся с надеждами своей юности, которые давно простились с нею; а затем, – снова на Илайю, чьё круглое лицо с узким подбородком и парой крупных веснушек было в точности лицом Леонарда, её первого мужчины, её мужа, главной слабости её молодости, которая обошлась Ольге очень дорого.

Судьба свела их в выпускном классе гимназии благодаря тому, что отец Ольги был назначен первым секретарём Международной федерации работников морского транспорта в южном регионе и переехал с семьёй из столицы. Яркая самоуверенная модница-Ольга, наделённая от природы не только пылким темпераментом, но и выдающейся внешностью, которая позволяла всюду завоёвывать столь любимый ею центр внимания, легко обворовала юного Леонарда и сбила его с годами прокладываемого курса учёного математика. А вот что привлекло Ольгу в Леонарде – так и осталось загадкой для её родителей, и ни разу за двадцать три года со дня их знакомства не стало предметом размышлений самой Ольги; но если бы кто-то предположил, что её покорила его спокойный жизнеутверждающий юмор, его сдержанность, которую Ольге так нравилось отдавать на растерзание поднимаемым ею бурям страстей, ибо ничто не давало ей так ясно ощутить, что этот человек принадлежит ей, как томление и тревога на его хладнокровном лице, – то она подписалась бы под каждым словом.

Они сходили друг по другу с ума, пренебрегая детскими мечтами Леонарда, в которых он открывал новые закономерности в экономике, и волей влиятельных родителей Ольги, которые никогда, будучи в здравом уме, не пожелали бы себе в зятя жителя окраинной малоэтажки, бывшего единственным ребёнком в семье лишь по той причине, что наличие второго выселило бы их за грань нищеты. Результатом того, что родители Ольги создавали влюбленным всяческие препятствия, стало объявление восемнадцатилетней Ольгой о своей беременности и немедленное вслед за тем замужество. К тому моменту Леонард уже поступил в политехнический институт на инженера-энергетика. От физико-математического факультета он отказался, осознавая непрактичность этой специальности в свете того, что ему теперь нужно было содержать семью. Идею учиться на моряка, которой одно время горел Леонард, отвергла Ольга, предупредив, что он отправится в свой первый рейс только через её труп. Ольга же после разоблачения утки о беременности поступила на филологический и за следующие пять лет выучила английский, немецкий и французский, успела попробовать себя в роли радиоведущей, корреспондента светской хроники, актрисы и режиссёра музыкальных клипов и даже продюсера короткометражного фильма об эволюции женского белья. Она с лёгкостью переключалась с одного занятия на другое, и лишь одно её увлечение оставалось неизменным – Леонард. Леонард, который хватался за возможность любого заработка и из-за хронической нехватки времени проваливал сессии, валился с ног после ночных смен на теплоэлектростанции и засыпал под воодушевлённые рассказы супруги об её очередных достижениях. Леонард, над которым посмеивалось богемное окружение Ольги и которого при каждом удобном случае норовил уязвить её отец.

Ольга забеременела. Понимая, что скоро придётся оставить свои проекты, а скудных доходов Леонарда не хватит даже на то, чтобы обеспечить их двоих, не говоря о ребёнке, она обратилась к отцу, и тот, несмотря на давнишний конфликт с зятем, согласился помочь. Прежде всего, отец купил для Ольги квартиру, поскольку не мог допустить, чтобы его наследник родился в съёмном дупле, где проживала молодая семья. Разумеется, этот поступок задел Леонарда, но Ольга, находившаяся накануне родов, была до того нежна и внимательна, а её отец сделался до того деликатным, что Леонард нашёл в себе силы не допустить произвола гордыни, и скоро обнаружил, что в его сердце нет обиды на тестя.

Вместо ожидаемого сына родилась дочь. В тот момент Ольга поняла, что жизнь – не составленный ею план, в который она лишь вносит изменения, соответствующие её настроению. Материнство довольно скоро утомило её и заставило чувствовать себя так, как если бы

она, купив дорогое кольцо, обнаружила, что оно инкрустировано стекляшками. Пока Леонард набирался опыта на предприятиях энергетической сферы, Ольга вернулась к журналистике, стала проявлять интерес к моделированию одежды и мало-помалу приобрела некоторый авторитет в своих кругах. Работа не только удовлетворяла амбиции, но и приносила деньги. Ольга расцветала внешне, черствела внутренне, отдалялась от семьи, превращалась в светскую даму. Несмотря на растущее расстояние между ними, Ольга дорожила Леонардом и в отношениях с ним, сколько могла, сохраняла отзывчивость. Она с аккуратностью решала одну за другой их финансовые проблемы, нередко с помощью отца, не подозревая, что тем самым роет могилу своему браку. Ибо благородства последнего, увы, не хватило на то, чтобы воздержаться от навязывания Леонарду своих соображений о подходящем для их семьи образе жизни. Он делал внушения Леонарду, в том числе, и устами Ольги, что было особенно оскорбительно.

Полярные потребности супругов плодили недоразумения на каждом шагу, и к пятилетней годовщине рождения семьи накопленными обидами были заполнены все углы их скромного жилища. Обнаружив это, Леонард дал себе слово, что в тот день, когда Илайе удастся самой сложить из бумаги самолётик-иглу, он уйдёт. И когда этот день настал, он так и сделал. Ольга, опьянённая успехом, затосковала по нему лишь спустя время и даже попыталась его вернуть, но тут вмешался отец: он подарил ей фабрику по пошиву одежды и добился контракта о сотрудничестве с популярным дизайнером. Головокружительные перспективы и новые знакомства, вылившиеся даже в небольшой роман, как он и рассчитывал, отвлекли дочь от прошлого и предопределили её дальнейшую судьбу.

За шестнадцать лет, прошедшие после развода с Леонардом, послужной список Ольги стал длиннее списка продуктов, с которым еженедельно отправлялась в магазин Анна. Вдобавок к тому, что пользовалась спросом как дизайнер одежды, радиоведущая и продюсер, Ольга слыла одним из самых популярных блогеров. Она больше не вышла замуж.

Леонард после двухлетних скитаний по разным работам нашёл своё место в научно-исследовательском институте, где занялся опытными испытаниями и экспертными исследованиями. В институте же он познакомился с молодой стажёркой Анной, выросшей на его глазах до помощника главного бухгалтера. Три года длился их полушутливый флирт, пока однажды утром Леонард, придя на работу, не обнаружил, что она уволилась. Тогда он взял отгул, получил за шоколадку начальнице отдела кадров адрес Анны, приехал к ней и перевёз её к себе, в ту самую комнату в малоэтажке, которая досталась ему от родителей и которую так презирал его бывший тесть. С того дня они жили душа в душу вот уже десять лет.

Ольга слэпом касалась нижней губы, нанося на середину мерцающую помаду. Закончила, отодвинулась от зеркала и придирчиво всмотрелась в отражение.

– Твой монархический образ, – сказала Илайя. – Это может означать вечеринку.

– В точку! – воскликнула Ольга, очень довольная этой догадкой. – Сегодня вечером я отправлюсь в Гарабону на презентацию новой книги Шкодного Жоржа, причём, в твоей компании.

– Нет, – вздрогнула Илайя.

– Конечно же, да! – хохоча, отмахнулась Ольга. – Посторонись, Илайя! Наконец-то явились наши макаронс. Как же долго, Дарья! Пекли вы их, что ли? Кофе остыл! Ладно уж, оставляйте!

– Мама! Я не пойду, – сказала Илайя, как только за Дарьей захлопнулась дверь.

– Нет, ты пойдёшь, Илайя, – сглотнула Ольга и встала со стула. В её глазах блеснуло что-то вроде угрозы, но тон оставался увещательным. – Ты не только пойдёшь, но и наденешь то платье, которое я для тебя выберу, а также позволишь моему мастеру поколдовать над тобой – обещаю, без фанатизма, – Ольга словно не замечала готовую взорваться Анну, и когда та уже открыла рот, чтобы прекратить это несносное соло, – вдруг с великодушной беспечностью,

совсем как ребёнок, выпускающий пойманную рыбку, обнаружив, что та задыхается без воды, заявила. – Я прошу тебя всего об одном вечере, Илайя. Летом отец от тебя этого не потребует.

Илайя обнадёженно запнулась и лукаво нахмурилась.

– Один вечер за целое лето?

– Сама видишь, не так уж дорого, – Ольга самодовольно изогнула брови и улыбнулась победителем.

Илайя вздохнула и взялась за ручку двери.

– Наряд, макияж и причёска, – повторила Ольга.

– Да, – снова вздохнула Илайя.

Они вышли вместе с Анной. Отойдя от двери, Илайя взяла её за руку с улыбкой, которая требовала не принимать близко к сердцу эпизод в спальне Ольги. Анна с минуту выпускала из ноздрей ядовитый пар, а потом сказала:

– Тебе надо кардинально перестроить отношения с матерью.

– Всё получилось так, как мы хотели. Что ещё может иметь значение? – и она расплылась в зубастой улыбке. – Ну, всё, я бегу приводить в чувство свои азалии – их, оказывается, забыли полить, пока меня не было. До встречи, Анна!

– Чао, – проворчала Анна и побрела по коридору.

У лестницы она обнаружила поднос с эклерами, по неясной причине так и не донесённый Дарьей до кухни, стянула одно пирожное, сунула в рот и, энергично жуя, поторопилась прочь из этого дома.

Глава 2. Подспудная игра

Клуб «Гарабона», расположенный под крышей исторического здания в центре города, Ольга приобрела за гонорар от серии креативных рекламных роликов для популярного бренда косметики. Точнее, тогда это был не клуб, а заброшенная мансарда, и Ольге потребовалось четыре года, чтобы превратить её в элитную площадку для закрытых вечеринок.

Гостевую часть клуба – длинное прямоугольное помещение с открытой террасой – Ольга с помощью оборудования для гибкой планировки меняла на разные лады: то делила на зоны, то отгораживала уголки для частных бесед, то зашторивала окна и стены, превращая клуб в крошечный театр, то, наоборот, белила стены, убирала из зала всю ткань и позволяла ему наполниться солнечным светом через те низкие, но многочисленные арочные окна, которыми старинные архитекторы щедро наградили здание.

Сегодня зал был поделен на две половины, разные, как день и ночь. В первой по потолку тянулись крошечные лампочки, заливающие помещение мягким светом, а пол был застелен серым ковром с красочными зигзагами; кое-где помещались фуршетные столики, а возле них громоздились белые и тёмно-синие кресла-мешки. На стенах висели репродукции Модильяни и множество других картин неизвестного авторства, но в духе того же Модильяни, – Ольга испытывала слабость к творчеству молодых художников и покупку картин на местных ярмарках расценивала почти как благотворительность.

По центру зала, как бы мостиком между двумя его частями, была оборудована презентационная галерея Шкодного Жоржа: несколько стендов с иллюстрациями и цитатами из его романа. Сам Шкодный Жорж давал видео интервью у стенда с обложкой книги. Это был приземистый человек под пятьдесят с гладко выбритым лицом, искажённым широкой ухмылкой.

– Красота субъективно оценивается по уникальности черт лица, а не только лишь по их пропорции, – вещал он. Голос у него был тонкий, почти писклявый. – Это значит, что, если бы все женщины выглядели, к примеру, как Моника Белуччи, то популярностью пользовалась бы единственная оставшаяся дурнушка. Сюжет книги развивает эту догадку: молодой парень влюбляется в девушку невероятной красоты, очень долго добивается её, и, наконец, становится её мужем. Представьте себе: эдакие юные, ничего не знающие друг о друге, поддавшиеся порыву, – типично-очаровательные влюблённые. Молодая семья под давлением обстоятельств (финансовые партнёры мужа предают его, и он лишается сбережений; к этому добавляется болезнь тестя) уезжает на родину жены и селится в большом доме, где живут пять её незамужних сестёр, причём четверо из них – её близнецы, очень похожие на красавца-отца, а пятая – старшая сестра – невзрачная девушка, напоминающая свою мать в молодости. Мать, к слову, умерла при родах пятерни, и всё в доме посвящено памяти о ней (что в действительности лишь ширма, за которой скрывается равнодушие отца к погибшей жене, и чувство облегчения, которое он испытал после её смерти). И вот, счастливые молодожёны оказываются в мире, который населяют отец, сражённый тяжёлой болезнью, пять одинаковых женщин удивительной красоты и одна простушка.

– По оценкам экспертов ваша книга на сорок процентов состоит из эротических сцен, а остальные шестьдесят – это умопомрачительные тайны и тонкие интриги. Но в итоге наш юноша, конечно, влюбится в старшую сестру? – провокационно полюбопытствовала девушка-интервьюер.

Оказавшись в клубе, Илайя сразу прошмыгнула во вторую половину зала, где было темно (светились только плинтусы и ультрафиолетовые лампы под потолком), звучала ласковая музыка и сочился ароматный дым – курили кальян, а вся фасадная стена была увешана спиннерами. Десятки, может быть, сотни – они крепились на крошечных стержнях сантимет-

рах в тридцати друг от друга, так что можно было запускать их, не снимая. Илайя запустила несколько, и, наблюдая, как они вращаются, почувствовала щекотку под лопатками.

– Бааа! Живая дочь живой легенды! Нечасто балует нас своим обществом. Вот это везение!

Илайя испуганно обернулась и оказалась лицом к лицу со смутно знакомой долговязой женщиной с живым ироническим взглядом и пепельно-русыми волосами, в причудливом берете и пёстром платье-рубашке поверх рваных леггинсов.

– Ух ты, Илайя! – в то же мгновение рядом появилась Ольга, смерила дочь оценивающим взглядом, удовлетворённо сверкнула глазами и потянула её за плечо. – Пойдём со мной.

Они вышли на террасу, где оказалось довольнолюдно. О местной публике – журналистах, чиновниках, предпринимателях, менеджерах, врачах, волонтерах, художниках, поэтах, шоуменах – Илайя могла знать меньше, чем знала, лишь если бы была глухой и слепой. С неприятным холодком она заметила, что Ольга направляется к кружку, образованному Шкодным Жоржем, Анатолием Красуцким, её близким другом и партнёром, и итальянским импресарио синьором Помбо – баснословным богачом и спонсором многих её проектов. Одновременно к компании присоединились проныра Витас Блябов, новостной репортёр, который ради высокого полёта сбросил балласт такта и вежливости, а также супруга импресарио – синьора Роза в пышном платье, с десятисантиметровым начёсом, иссиня чёрными глазами и бордовым ртом. Она никогда не вступала в беседы, но зато щедро и ослепительно улыбалась. Глядя на неё, казалось, что если бы однажды она открыла рот, то из него вырвалась бы ария Царицы Ночи.

– Это она! Та таинственная девушка, которую Ольга сняла в буктрейлере! – вскричал импресарио, протягивая руки к Илайе.

– Нет, – сказал Анатолий.

– Нет, – покачала головой Ольга.

Рядом вновь возникла ироничная женщина в берете. Илайя заметила её ухмылку в ответ на возглас импресарио.

– Чёртовы интриганы! – возопил импресарио с лёгким акцентом, бесцеремонно ткнув пальцем в Анатолия, поскольку не мог позволить себе сделать этого в отношении Ольги, хотя его слова адресовались, безусловно, ей.

– Ольга такая! – поддакнул Анатолий. – Убедена, что искушённого зрителя очаровывают люди, разочаровывающие их прогнозы.

– Не воспринимай то, что слышишь, слишком всерьёз, – шепнула Илайе женщина в берете. – Вижу, тебе тут не по себе.

Здесь, при свете, в её облике стали заметны черты скрупулёзной небрежности: тщательно взлохмаченные волосы, искусно подплывший макияж, ненавязчиво смазанная, словно после страстного поцелуя, помада. Если бы Илайя была более внимательна к окружению матери, она знала бы, что перед нею никто иная как Лиза Бронс, признанный эксперт в области маркетинга и одно из самых многообещающих лиц отечественного блоггинга. По своей популярности в медиа обществе она наступала на пятки Ольге, что та упорно игнорировала.

– И всё же буктрейлер хорош! – взболтнул тему Шкодный Жорж, желая вспенить игристое в бокале своих лавров. – Почти миллион просмотров на ютубе – какова реклама для книги! Будем надеяться, в следующий раз мы соберёмся здесь по случаю экранизации.

– Нет, в следующий раз мы соберёмся по случаю победы одной талантливой дивы в рейтинге успешных женщин, – с угодливой улыбочкой глядя на Ольгу, возразила дочь оперного дирижёра.

– Что-что? Топ-сто успешных женщин? – вклинилась дама в чёрном платье и красной шляпе с бантом, обнаруживая удивительный контраст между недовольством на лице и мелодичным голосом. – Поздравляю, Ольга!

– Ну, итоги подведут только через три недели. Но у Ольги очень высокий шанс на победу.

– Очень даже может победить, – вставил Витас с провокационным прищуром. – Если Лиза Бронс позволит.

На фоне прошелестевшего ропота Ольга лишь повела плечом.

– Сама невозмутимость, правда? – Анатолий подмигнул Витасу. – Но на твоём месте я бы сильно обиделся на то, что она сейчас о тебе подумала.

– А по каким критериям составлен этот рейтинг? – поинтересовался молодой человек, строгий вид и въедливый взгляд которого выдавали в нём адвоката.

– Найдите тему получше, – утомлённо вздохнула Лиза Бронс и покосилась на Илайю. – Вот девочка заскучала. Предметы ваших дискуссий старят вас. Топ-сто успешных женщин – это такая архаика, почти пошлятина.

– И это говорит та, которая в десятке! Я лолирую! – заплотировал Витас.

– Если равняться на Илайю, то впору закрыть блог и податься в отшельники, – сказала Ольга. – Уступлю на неделю свою скидочную карту инициатору темы, которая не окажется для неё скучной.

– Нестандартные интересы? Тем любопытнее узнать, за что голосует Илайя: за блог Ольги или за «Хорошего полицейского»? – напирал Витас.

– Простите моё невежество, но я понятия не имею, – пробормотала Илайя.

Шкодный Жорж только рот раскрыл. Ольга самодовольно усмехнулась.

– То есть, блог Fash'On, буктрейлер к роману Шкодного Жоржа, номинация на премию «Медиабренд года», журнал «Хороший полицейский» с топовыми показателями подписчиков – это ни о чём вам не говорит? – демонстративно уточнил Витас. – Ну, ладно – блог, но вы даже не смотрели буктрейлер? – он дождался, когда Илайя недоумённо пожмёт плечами, и кивнул с видом психиатра на приёме. – Хорошо, а презентация двенадцатого айфона, землетрясение в Мексике, премьера нового сезона «Юного папы», открытие выставки Маноло Бланника, победа нашей артистки на Европении?

Илайя развела руками с обезоруживающей улыбкой.

– Погодите, «Хороший полицейский» – это журнал хороших новостей? – вдруг вспомнила она, заставляя Витаса победно умолкнуть. Она перевела взгляд на Лизу Бронс, которая кивнула. – Теперь я поняла, почему вы показались мне знакомой. Вы автор этого журнала.

– Создатель и главный редактор, – подтвердила Лиза. – Приятно познакомиться. А особенно – быть узнанной в таких обстоятельствах, – казалось удивительным, что она продолжает стоять и улыбаться, как ни в чём не бывало, под испепеляющим взглядом Ольги.

– Моя университетская подруга все уши прожужжала мне про этот журнал – отсюда и знаю, – пояснила Илайя. – Другие девочки с курса тоже его читают. Говорят, серьёзным информационным изданиям сильно не хватает позитива.

– Именно поэтому я создала журнал, призванный напомнить людям, что, помимо жести, в мире много приятного.

– Занимательное издание, – отозвалась Ольга. – Как бальзам на душу инфантильному обывателю, формирующему представление о мире из постов в социальных сетях.

– Будто бы в наши дни чьё-то представление о мире формируется иначе... – негромко возразил Анатолий.

– Что ни говори, а цель любого издания – расширить аудиторию, – с беспощадной вескостью урезонил Ольгу Витас. – Инфантильная эта аудитория или ещё хуже названная с досады, – важно, что она есть.

– О боги, иной восхитится упражнением для скорости пальцев и примет его за Шопена, а другой нащепчет ему, что о вкусах не спорят, – пожала плечом Ольга и отступила к кому-то из гостей, разрушая круг.

Илайя догадывалась, что оказалась вовлечена в какую-то игру, и их короткий разговор с Лизой Бронс шёл вразрез с интересами матери, и теперь, воспользовавшись тем, что Ольга

отвлекалась, сконфуженно улепетнула с террасы обратно в тёмный зал. Она бросила тоскливый взгляд на спиннеры, которые пятнадцать минут назад рассматривала с таким чистым, неомрачённым виною наслаждением, и тут вспомнила, что рядом есть дверь, ведущая в служебную часть клуба. Недолго думая, Илайя сорвала со стены первый попавшийся спиннер, выскользнула в эту дверь и оказалась в коридоре, откуда можно было попасть в кухню, зал для переговоров или одну из комнат для персонала.

Решив пересидеть где-нибудь здесь, Илайя увидела Григория – администратора клуба. Он вышел из кухни с подносом, на котором стояло несколько чашек и миска с конфетами – угощение чересчур простое, чтобы предназначаться гостям Ольги. Для обслуживающего персонала? Но тогда зачем выносить из кухни? Администратор заметил Илайю и на секунду замер, а потом поник, развернулся и суетливо вернулся в кухню. Озадачившись, Илайя вернулась в зал, растерянн потопталась у стены со спиннерами и поплелась в дальний угол клуба, где уселась за столик и дала себе слово стать на ближайшие два часа невидимой. Но нарушила его уже через минуту, потому что из боковой дверь появился сосредоточенно-спокойный молодой человек, который целенаправленно нашёл её глазами и двинулся прямо к ней.

– Илайя, – сказал он, подойдя. – Привет.

Значит, точно, этого человека направил Григорий. И назвал ему её имя.

– Привет.

Он сел напротив и доверительно придвинулся к ней.

– Послушай, сложилась довольно рискованная ситуация. Мне будет спокойней, если я всё объясню.

Илайя развела руками, и его лицо – широкое, с плавными линиями, довольно приятное – немного отодвинулось. Взгляд у него был прозрачный и деликатный, похожий на горный ручей, который в своём бурном течении не угрожает выйти из берегов.

– Прежде всего, кто я такой? Меня зовут Юлий Лаевский. Я капитан команды в игре «Когитатум». Суть этой игры такова: участникам задают вопрос, и через минуту команда должна написать ответ. Вопросов бывает по тридцать-сорок за игру, и за каждый правильный ответ присваивают баллы. Побеждает, естественно, команда с самым высоким баллом. Залог успеха в «Когитатум» – командные тренировки, – Юлий сделал многозначительную паузу. – Найти удобное место для тренировок – вечная проблема студентов. Что-то арендовать – мы, ясное дело, не потянем. Правда, университет выделил нам аудиторию, но с учётом очереди из других команд она достаётся нам от силы два раза в месяц. А тут ваш вечно пустующий конференц-зал и его распорядитель Григорий, по счастью, старинный приятель моего отца. И мы сочли, что сам Бог велел, чтобы наши ребята инкогнито наращивали тут свои интеллектуальные мускулы. Без ущерба для целей Ольги, конечно, – он улыбнулся.

– Значит, в конференц-зале сейчас идёт чемпионат по «Когитатум»?

– Тренировочный мини-чемпионат, – уточнил Юлий.

– И часто вы тут собираетесь?

– Дважды в неделю, как минимум.

– И Григорий, встретив меня, испугался, что я выслежу вас и сообщу матери?

– Ну, закономерное опасение. Если бы она узнала – это стоило бы ему работы.

– Пожалуй, что так.

– Поэтому я настоял на том, чтобы всё тебе объяснить и просить сохранить наш секрет. Я обещал всё устроить.

– Смелчак! Тебе-то терять нечего – не ты рискуешь работой.

– Чтобы уравнять позиции, я дал слово: если ты расскажешь матери, я уволюсь с работы и не стану устраиваться на другую, пока и он не найдёт новую.

– Очень благородно.

– Как бы там ни было, наша судьба в твоих руках.

– Ты бы серьёзно так сделал?

– Если скажу: поверь, – будет неубедительно, а если скажу: проверь, – слишком жестоко.

Илайя потупила взгляд от неприятного действия этой безобидной манипуляции, палец её машинально скользнул по лопасти спиннера.

– Успокой их на мой счёт, – сказала она. – Но будьте осторожны. В любой момент Ольга или кто-то ещё могут зайти в кухню или в переговорную, – и отвела глаза, давая понять, что с её стороны вопросов больше не будет.

– Так вот куда он делся! – Юлий вытаращился на спиннер, вращающийся в её руках. – А я думал: неужели его упустили? Не мог же я допустить, что кому-то придёт в голову стащить спиннер. Признаться, у самого руки чесались, особенно, когда я заметил, что одного не достаёт. Разрешить? – он с некоторой жадностью потянулся к спиннеру, и Илайя уступила ему игрушку.

Юлий запустил вертушку на указательном пальце, потом подкинул и подхватил на средний, снова подкинул и подхватил на безымянный, затем вернул на средний и обратно на указательный.

– Здорово! – признала Илайя. – Мне такие фокусы в жизни не осилить.

– Глупости. Если хочешь научиться, начни запускать на выступающих точках руки, потом на каждом пальце, – Юлий двигал спиннер по ладони, иллюстрируя свои слова. – В своё время у меня была мозоль на холме Юпитера. Можешь сначала попробовать на холме Венеры, но так кисть быстро устаёт, к тому же, на холме Юпитера красивее смотрится. Гляди, – он взял её ладонь, распрямил, поставил спиннер на подушечку в основании указательного пальца и, придерживая запястье, толкнул лопасть. Блики света на иллюзорной окружности крутящегося спиннера отражались полумесяцем. – Будто держишь на руках галактику.

– Он похож на бабочку, – сказала Илайя, когда спиннер стал замедляться.

– Прости, можно? – пристально глядя на её ладонь, Юлий снял спиннер. – Интересно, мне знаком этот знак.

– Какой знак? – Илайя пригляделась: тонкие складки у основания линии жизни сплели хорошо различимую спираль. – Ты об этом?

Он кивнул.

– Да просто случайное сечение.

– Я видел это случайное сечение в старинной энциклопедии символов. Не могу вспомнить названия, но он связан с энергией.

Илайя странно посмотрела на него.

– Не думай, что я какой-нибудь фанатик или сектант, – сухо предостерёг он, заметив её взгляд. – Я немного интересуюсь разными знаниями.

– Я догадалась об этом по характеру твоих увлечений.

– Слишком удивительное совпадение, – сказал он вслух, но самому себе. – Надо будет заглянуть в ту библиотеку, где я наткнулся на эту книгу, и помозговать, что он делает у тебя на руке.

– Мне тоже интересно, – тихонько заметила Илайя.

– Тогда поступим так: когда мне будет, что сказать, я тебя найду.

– Договорились.

Тем временем, с террасы повалили люди, у двери замаячила и фигура Ольги – эпицентр событий, похоже, смещался в зал Гарабоны. Для Юлия настал момент теряться из вида, и чтобы он его не упустил, Илайя сказала:

– Пора. Тебя ждёт игра, а меня, похоже, водевиль.

Глава 3. Верю не верю

Территория Асседии простиралась на девять гектаров на высоте полсотни метров над морем. Эти полсотни – пологие двухъярусные склоны, облагороженные пешеходными трассами, туалетами и спортивными площадками, а вдалеке на севере прерванные разноэтажной застройкой, – тянулись под грудью Асседии ажурным поясом, что обрывался пышной текущей юбкой благодатного моря. Санаторий с его лаконичными строениями, похожими на ветхие непрочитанные книги, которые, стоит им попасться на глаза, зовут бросить дела и пройти хоть по нескольким страницам (так, проходя мимо зданий, Илайя испытывала желание немедленно войти и раствориться в атмосфере прохладных холлов и затенённых террас), с его вековыми платанами, уютными аллеями, живописными полянками, с его тысячей потайных местечек, включая и автомобильное кладбище, и руины клубного корпуса, и гранитный валун у высохшего пруда, были для Илайи самой сладкой грёзой, миражом из унылой пустыни лекционного зала, её Елеонской горой и её Голокой Вриндаваной. Особенно теперь, когда на неё свалилось счастье не только любить это место, но и стать для него родной. Да ещё в начале мая, когда мир свеж, как стакан фермерского молока. Пройдёт несколько недель, и побережье просядет под туристами, и солнце высосет цвет из этих трав. Но пока...

Она сбегала по лестнице – сто с лишним ступенек: каждая, словно кресло в пустом зрительном зале, по-своему выигрышна, – и вот уже кожа иначе осязает ветер, и время течёт медленнее, и воздух тяжелеет и набирается соли на каждом шагу. А совсем скоро он станет плотным и опасным, сомкнётся над её головой пружинистым космосом, где ей отведено всего несколько бездыханных секунд, но их хватит, чтобы успела надышаться её свобода. А потом Илайя вынырнет и увидит надвигающийся вал, несущий, словно мать на своей спине, две резвые волны, норовящие перепрыгнуть одна через другую.

Ей часто снилась волна. Она появлялась на месте скошенного газона Ольги, поднималась из недр центральной улицы города, догоняла её в вагоне уходящего поезда, настигала в окне комнаты. Она вырастала до неба, заменяя его собой и, казалось, готова была обрушиться, но так и оставалась висеть над головой. И всякий раз Илайя напрасно набирала в лёгкие воздуха, ожидая неизбежного, которое не наступало.

Ветер усилился. Завертелись деревья, задрожали и рухнули склоны, окружающие предметы столкнулись друг с другом и, разбившись, рассыпались брызгами. Земля больше не давала опоры, воздух не оказывал давления, голова, отбросив контроль над телом и отвергнув все мысли, стала невесомой. С дерзостью наркомана врывалась Илайя в этот чужой мир, не задумываясь, что может наткнуться на какие-то барьеры, не веря в них. Она ступала сюда без тени сомнения в том, что это место принадлежит ей, что она заслужила его своей любовью, неудержимым стремлением к нему.

Открыв глаза, Илайя почувствовала в них песок. Ветер полностью стих. Смеркалось. Её мокрые вещи лежали поблизости. Луны она не нашла. Несколько камней на берегу, один из которых ей захотелось поднять. Она лежала без единой мысли, пока не стемнело, а потом поднялась, отряхнула песок и двинулась в сторону санатория.

Анна и Леонард в кухне играли в шахматы.

– Тебя не было четыре часа. Мы уже начали волноваться, – сказала Анна, на секунду отрывая взгляд от доски.

– Я думала, меня не было несколько лет, – сказала Илайя.

– Купалась? – спросил Леонард, нашаривая кружку с чаем.

– Катала душу на волнах, – усмехнулась Анна, коротко глянув на Илайю. – У тебя не постелено. Возмёшь постель в нашем шкафу? Или подожди меня: сейчас мой ход, а потом я тебе помогу.

– Не нужно, Анна, я справлюсь.

Домик, выделенный Леонарду по должности, насилу натягивал метров на шестьдесят и был разделён на кухню, прихожую и три комнаты. Туалет и душ располагались во дворе, там же была и деревянная веранда. Забора перед домом не было: от нежелательных гостей он был защищён невысоким, но довольно крутым обрывом, который можно было обойти по пологой тропке, спрятанной под склоном. И отсюда ничего не стоило пробраться в Асседию: достаточно было немного спуститься по склону, перейти условную границу и подняться уже в санатории. Илайя давно открыла этот маршрут и, предвкушая ночные вылазки, попросила занять тёмную комнатку, в окно которой эта тропка упиралась.

Зайдя в спальню Анны и Леонарда за постельным бельём, Илайя узнала шкаф – старинный, дубовый, с резьбой – в детстве он служил ей и подземным бункером, и космическим кораблём, и вагоном метро, и неприступной крепостью, и алтарём фантазий. Теперь же верхнюю полку занимали вещи отца, три нижние – вещи Анны. В одном из ящиков Илайя нашла пухлый незапечатанный конверт, на котором стояла дата – примерно три года после развода родителей. Вытянув находку, Илайя села на пол и стала доставать из конверта сокровища: книжечку с правилами дорожного движения, компакт диск группы Квин, блокнот с латинскими пословицами, дюжину поздравительных открыток, детские рисунки, обрывки журналов и газет, пару засохших ручек, кучу скрепок, кнопок, верёвок и резинок, несколько неудачных фотографий отца и одну – матери. Молодую Ольгу с роскошными чёрными локонами, аккуратными густыми бровями и ярким улыбающимся ртом можно было принять за диву со старой голливудской афиши. Великолепная и бессовестная, женщина на снимке была недостижима как Фортуна и так же великодушна. И, глядя на неё, казалось так просто добиться того, чтобы она выслушала Илайю, поняла и простила каждое её неуместное слово, каждый нелепый поступок. И раскрыла благословляющие объятья и озарила путь светлой, пусть и чуть снисходительной, улыбкой. Но образ на фотографии обнажил иглу упрёка, вонзившуюся точно в её чувство вины.

Илайя спрятала обнаруженные артефакты обратно в конверт, нашла в нижнем ящике бельё и укрылась в своей комнате. Засыпая, она долго ворочалась: вспоминала фотографию из конверта и не могла поверить, что женщина на ней была её матерью. Однако целительные силы безмятежности, в конце концов, привели её к мысли, что размолвка с матерью, хоть и не исчерпана, но осталась в прошлом, а впереди ждёт фантастическое лето.

В одиннадцать утра Анна разбудила её стуком в дверь.

– Я на пляж. Ты со мной?

– Дай мне пятнадцать минут, – прозевала Илайя.

– Завтрак у меня с собой.

Она взяла с собой большую подстилку, термос с кофе, ряжанку, картонные стаканчики и бокс с творожником. Они уселись вдвоём лицом к морю и приступили к завтраку.

– Да, жизнь определённо удалась, – сказала Анна и закурила. – Если бы десять лет назад кто-то показал мне меня в тридцать три в этом райском местечке, без ненавистной бухгалтерской рутины, рядом с любимым мужчиной, я решила бы, что это сам дьявол-искуситель.

– Разве ты веришь в дьявола? – с любопытством спросила Илайя.

Анна расхохоталась с видимым удовольствием.

– Обожаю твою серьёзность по отношению ко всему, что ты слышишь и видишь, Илайя. Но, откровенно говоря: нет, я не верю в дьявола.

– А вдруг это как раз его работа? Вдруг он сейчас демонстрирует тебе воплощение твоей мечты, чтобы после потребовать расплаты? – Илайя ухмыльнулась в ответ на новую довольную улыбку Анны.

– Нет, – Анна благосклонно покосилась на Илайю. – За этим воплощением стоят тысячи выверенных шагов и десятки выстраданных решений. Это моё воплощение. На сто процентов.

А дьявол – всего лишь изобретённый человеком способ снять с себя ответственность за свои помыслы и поступки.

– А что тогда Бог?

– Бог – это надежда на прощение, – подумав, сказала Анна. – Я знаю, о чём ты думаешь: если религия, какую ни возьми, совершенный вымысел, то откуда же она черпает силу, которая позволяет ей так долго и прочно владеть умами людей

– Я думала не об этом, но мне интересно, как ты ответила себе на этот вопрос.

– Религия основана на проницательной догадке о поголовном человеческом чаянии: человеку требуется некто более совершенный, чем он сам; некто, на кого останется уповать в минуту самого горького разочарования; некто, принимающий решение, когда все до единого растерялись; некто, способный оценить в человеке не оценённое, – Анна бросила сигарету на дно пустой бутылки. – Неисчерпаемый и бесперебойный источник спасения и утешения, бессрочное обещание счастья. Бог, как олицетворённая совокупность этих абстрактных ожиданий, появлялся везде, где жил человек: в самых диких, удалённых от цивилизации уголках, где знать не знали о Вишну, Иегове, Иисусе и Аллахе. Я думаю, фантазировать о боге – это одно из базовых свойств человеческой психики. В этих фантазиях кроется колоссальная мотивация. Но нашему мышлению сложно работать с абстракциями, и поэтому абстрактные фантазии о боге стали приобретать конкретные формы – так родились всевозможные божества. Их образы лишены гибкости, которая свойственна фантазиям, но зато практически пригодны для выращивания вокруг них всевозможных поведенческих концепций – то есть, различных религий. Но, как я уже сказала, в корне религиозной склонности человека остаётся его инфантильное стремление, с одной стороны, уйти от ответственности, с другой – довериться тому, кто лучше него.

– Ты сказала, что фантазии о Боге – естественное свойство человеческой психики. Откуда же оно берётся? Почему человек, независимо ни от каких условий существования, ищет эту связь?

– Я не знаю, Илайя. Но точно знаю, что ответы, которые предлагают религии, меня не удовлетворяют, – Анна улыбнулась мечтательной увлечённости на лице Илайи. – Сама-то ты уже поняла, во что веришь?

– Я верю в человеческое предназначение, – Илайя пожала плечами, как бы признавая наивность своих слов.

– Надеюсь, объясняя матери выбор факультета, ты не использовала этот аргумент? – Анна подмигнула хохочущей Илайе. – Затрудняюсь представить, какие у Ольги отношения с богом, но не удивилась бы, если бы она сделала его завсегдатаем своих раутов и постаралась переубедить... – она обернулась, заметив, что Илайя выпрямилась и заглядывает ей за спину. – Что там?

На краю небольшого плато, нависающего над склоном, стояла женщина. Волосы почти полностью заслоняли её лицо, но в напряжённой позе ощущалась воинственность.

– Как она туда забралась? – удивилась Илайя. – Такая странная...

– Не более чем одна моя знакомая любительница маринических пейзажей.

Женщина на плато, похоже, заметила, что стала объектом внимания, и через секунду исчезла. Илайя тщетно ждала, пока та спустится с плато или выглянет снова, – никто так и не появился.

Анна, тем временем, намазала ноги кремом для загара, надела наушники и улеглась на спину. Илайя окинула взглядом её тело, на котором не было ни одной лишней складки, как на коже – ни одного изъяна, и стала думать об Анне: как всё у неё выходило безусильно, незамысловато и ладно. Действия её, будь то приготовление еды или уборка квартиры или помощь Леонарду с отчётностью санатория или обработка фотографий после очередной фотосессии или обычный маникюр, были неуловимы. Заметен был только результат – словно возник

кал по взмаху волшебной палочки. Илайя знала, какой нервотрёпки и суеты стоили её матери подбор гардероба, сочинение меню, декорирование клуба, организация развлекательной программы и прочие хозяйские заботы, у Анны же житейские дела улаживались словно сами собой. Её одежда не могла стоить дорого, но смотрелась на ней безупречно. Держа в уме её провинциальное происхождение, её нельзя было уличить в безвкусице, как и в примитивном следовании тенденциям. Недаром Ольга с её небрежностью, некоторой даже неопрятностью, прониклась к Анне уважением и придавала её мнению особое значение.

Обед они пропустили, и поэтому решили ужинать пораньше. Ужинали, как обычно, на веранде. Леонард, хотя его рабочий день формально кончился, торопился вернуться в административный корпус Асседии и продолжить разбор бумаг, чтобы скорее войти в курс дел, но Анна удержала его анонсом яблочной шарлотки, и, как только все расправились с гречкой и бефстроганов, собрала грязную посуду и отправилась за десертом в кухню.

Илайя уложила подбородок в ладонь и защекотала надгубье.

– О чём так самозабвенно думаешь? – спросил Леонард.

– Я думаю: разве возможно, чтобы атеисты действительно существовали?

– Анна поделилась с тобой своими размышлениями? – усмехнулся Леонард. – И они тебя смутили...

– Нет, не смутили. Скорее, показались неправдоподобными. Потому что когда я пытаюсь увидеть мир глазами человека, отрицающего невидимые взаимосвязи, мне чудится подвох. Атеисты напоминают мне активные металлы. То есть, в чистом виде могут существовать только в лабораторных условиях. А в природе к ним тут же присоединяется кислород и... они уже минералы.

Леонард вздохнул.

– Анна не атеист. В этом ты права, Илайя. Она очень умная женщина, и, как положено мыслящему человеку, строит фундамент для своего мировоззрения. И для такого конструктивного и оптимистичного человека как Анна богоотрицание – слишком шаткая опора. Это не финальный результат её изысканий. Скорее, этап. Как жёлтый свет на светофоре. Неопределённость. Рано или поздно ему на смену придёт нечто более устойчивое.

На пороге появилась Анна с шарлоткой в одной руке и подносом с чашками в другой. Леонард поднялся помочь ей.

– Я кое-что нашла в кухне, – Анна сняла с подноса почтовый конверт. – На твоё имя, Илайя.

– Я совсем забыл о нём! – воскликнул Леонард. – Пришло в адрес санатория с остальными письмами.

Илайя взяла конверт, на котором не было данных отправителя, сунула в карман и встала из-за стола.

– Спасибо за ужин, Анна. Очень вкусно, как всегда. Я буду у себя.

– По крайней мере, пока не соскучишься по морю, – крикнул Леонард.

Прошмыгнув в комнату, Илайя вскрыла конверт. Внутри был тетрадный листок с надписью от руки: «Илайя! Жду тебя послезавтра, пятнадцатого мая, в 18:00, в библиотеке Университета. Очень важно. Будущий друг».

После дневного затишья разразилась гроза. Только успела унести в догонку севшему солнцу дуга облаков, словно ожившая корона, оборонённая монархом, как стало темно. Ливень лупил по стёклам, как пьяный хозяин, ошибившийся домом. Сквозь растрескавшееся небо сочился огонь.

Дождавшись ночи, Илайя выбралась из дома, промчалась по прогулочной аллее притихшего, погасившего огни под этой блокадой санатория, понеслась вниз по лестнице, глотая дождь, задыхаясь от ветра и волнения, за считанные секунды достигла пляжа и остановилась

на пороге хаоса. Душа её рвалась смешаться с ним, нырнуть, вынырнуть, взлететь в потоке лунного света, медленно снизиться, чтобы строптивые гребни пощекотали ступни, но Илайя стояла на месте, плача от величия зрелища и проклиная собственную трусость.

И вдруг в свете луны она увидела, как из моря выходит женщина. И хотя Илайя не могла знать этого наверняка, она почувствовала, что это та самая женщина, которая нынче днём виднелась на склоне. Она надвинулась на Илайю, не совершая попыток скрыть свою наготу, не проявляя ни одного признака того, что испытывает холод после купания, – словно волна из её сна, и, точно как та волна, бездеятельно замерла. Глаза её, сверкающие и кипящие, полные неизведанные жизни, были похожи на мутные стёкла, за которыми таится нечто чрезвычайное.

– Море не тронуло вас, – пробормотала Илайя.

Таинственная женщина сонно мигнула.

– Я не тронула его.

И с этими словами исчезла как сон.

Глава 4. Наверное, это чудо

Будущий друг ждал её у входа в университет. Довольно высокий человек с покладистыми чёрными волосами, он был одет в джинсы и коричневую рубашку поверх серой футболки. Как только Илайя сошла с трамвая, он зацепил её взглядом и повёл между тающими группками студентов мимо примарафеченных пихт к раздвижным дверям. При встрече он пожал ей руку.

– Здравствуй, Юлий.

– Ты же догадалась, с какой целью я пригласил тебя? – строго спросил он.

– У меня была только одна идея...

– Тогда идём, познакомлю тебя с альма матер.

Они поднялись на второй этаж и пошли в конец коридора, где сверкали стеклянные двери библиотеки.

– Кафедра социальных наук, деканат философского факультета, – кивал по сторонам Юлий. – А там – гордость университета: зал синхронного перевода, активно используется властями и дипломатами для приёма иностранных делегаций. А вот, обрати внимание, лаборатория геофизиков. Когда-нибудь она будет названа в честь моего приятеля. Он настоящий гений! Проводит геотермические испытания, моделирует тепловые поля. Когда мне всё осточертеет, я спускаюсь сюда со своей кафедры на третьем и наблюдаю, как он работает. Это лучшее средство от хандры. Прямо под лабораторией – студенческое кафе. Кухня у них так себе, но кофе отличный, а главное – круглосуточный. Иногда по вечерам мы с Костей сходимся там и травим пошлые анекдоты – отлично помогает проветрить мозги. Вот такие подробности аспирантских будней, – Юлий пропустил её перед собой в библиотеку.

Это было просторное, сильно освещённое помещение с множеством ноутбуков на крошечных столиках. Людей там было немного. Юлий провёл её через читальный зал к столу, на котором возвышались две стопки книг. «Энциклопедия символов», прочла девушка на верхней обложке.

– Чтобы собрать всё это, – Юлий хлопнул по одной из книжных стопок. – Мне пришлось обойти пять библиотек. И это только начало.

Он подвинул ей стул, и она заёрзала, усаживаясь удобней.

– Дай-ка руку, – Юлий нетерпеливо схватил её ладонь и, снова увидев сплетение линий, удовлетворённо кивнул. – Во время своего мини-расследования я вспомнил, что видел этот знак дважды, а не однажды, как сказал тебе. Получается, ты – это уже третий случай.

– Так что же он означает?

– Однозначного ответа я ещё не нашёл – пока только фрагменты истории. Но давай по порядку. Вот, – он снял одну из книг, раскрыл её в месте закладки и придвинул к Илайе. – В этой книге собрано самое подробное описание всевозможных спиралевидных символов. Ты увидишь, что многие значения не имеют между собой ничего общего, но и вариаций спирали существует не меньше, чем значений. Тогда я стал искать идентичную спираль, и это кое-что прояснило, – Юлий раскрыл сразу две книги и показал два рисунка. – Твоя спираль называется энергетической.

Илайя перевела взгляд со своей ладони на изображение и кивнула.

– Отличительная особенность нашей спирали: она вписана в круг и как бы приплюснута сбоку. Видишь?

– Ну да.

– Тогда я прочитаю самое важное из того, что нашёл: «последние документальные сведения об энергетической спирали обнаружены в китайском томе восемнадцатого века „Религиозная отметина“. Автор заметки неизвестен, но она написана от первого лица, что довольно странно, учитывая энциклопедический характер книги». Так, – Юлий пропустил кусок тек-

ста. – Вот. «Энергетическая спираль – спираль, вписанная в круг, завитая по часовой стрелке. Витки спирали имеют эллипсовидную форму. Древние китайцы связывали этот знак с управлением силами стихии. Энергетическая спираль окрашена у них в зелёный цвет, в чём наблюдается намёк на божественного зелёного дракона. Подобный знак использовали также синды – одна из древних народностей Северного Причерноморья; по некоторым данным, он символизировал у них бога ветра, и его часто изображали на носках кораблей. История знака уходит на тысячелетия в прошлое, точное время его рождения неизвестно», – Юлий снова переключился. – «Из „Религиозной отметины“ следует, что подобная спираль – знак колоссальной энергии. А различные намёки в этой книге в совокупности с данными И. А. Грачова и Стивена Ф Мангейма позволяют сделать вывод о принадлежности такой энергии ветру», – Юлий коротко глянул на слушательницу и включил планшет. – Сразу же, без паузы, прочту тебе статью из интернета: «Адвокат ответчика объяснил в суде, что термин „Артеос“, который его клиент использовал для названия компьютерной игры, не может считаться нарушением прав истца на торговую марку, поскольку этот термин был заимствован его клиентом из верований бушменов в людей, управляющих ветром. Известны случаи, когда отчаянные представители племени вырезали у себя на груди или на животе характерную спираль, а зажившие шрамы выдавали за великое знамение Артеос, благодаря чему становились почитаемы как божества». Дальше статья сводится к судебным баталиям. Я пытался нарыть в сети подробности о верованиях бушменов, как и самом Артеос, но там ничего. Мой следующий шаг – электронные библиотеки, – он отложил планшет и кивнул, как бы приглашая Илайю прокомментировать услышанное.

– Ты говорил, что дважды встречал этот знак. Где именно?

– В одном египетском поселении вблизи пирамид есть необычный храм. Он посвящён богам разных культур и народов. Но всех этих богов объединяет одно – они правят ветром. Там имеются статуи и атрибуты и египетского Шу, и шумерского Ишкура, и славянского Стрибога, и греческого Эола. У входа в храм выдавлена такая же спираль. Второй раз этот знак встретился мне на могиле человека в Германии. К сожалению, я не помню ни имени, ни даты смерти, да и вряд ли бы вообще обратил внимание на ту могилу, если бы прежде уже не встречал этот знак.

Илайя озадаченно выдохнула.

– Значит, энергетическая спираль... Энергия ветра...

– Или для ветра, – пробормотал Юлий. – Если твоя спираль – не просто символ, а заключает в себе какое-то физическое свойство, то, мне кажется, ты должна его чувствовать.

– Хотела бы я чувствовать!

– Значит, не чувствуешь... Но я намерен продолжить расследование и задать тебе ещё много вопросов, если ты готова...

– Я готова!

– Рад слышать, – Юлий встал и выразительно качнул головой, как бы одобряя собственное решение. – Ладно, пойдём.

– Куда?

– Провожу тебя домой – давно не навещался в Асседию, – он выбрал несколько книг и сгрёб их в кучу. – Дай мне четверть минуты – отнесу это к себе.

Пока они ехали в трамвае, Илайя украдкой наблюдала, как вздрагивают его ресницы от витиеватых кроссов глаз по узенькой лагунке, как деформируются поры, когда их стягивает к переносице, словно невидимая рука застёгивает невидимую змейку на оси лица, как съёживаются клетки от мимических спазмов губ, как взмывает в воздух фонтан волосков, ошмётков отмерших тканей, капелек пота и неорганической крупы от лёгкого хлопка по плечу:

– Мы приехали!

Сходя с трамвая, Юлий выдал привычку ходить одному, не подав ей руки и ринувшись вперёд, но вовремя опомнился и вернулся исправиться. Оказавшись на центральной аллее Асседии, он стал шумно вдыхать воздух и вертеть головой.

– А ведь место, и правда, волшебное! Я и забыл, как здесь хорошо. И ведь знаешь – мой прапрадед проектировал этот санаторий.

Илайя недоверчиво улыбнулась.

– Участвовал в проектировке, если быть точным, – уязвлённо поправился Юлий. – Я вижу, тебе требуются доказательства. Изволь! Здесь есть потайные места, о которых тебе не расскажет никто, кроме меня.

– Да ладно! Я сама знаю Асседию как свои пять пальцев!

– Угу, – закивал Юлий. – А что скажешь насчёт Николаевской колокольни? Ага? – он ухватил хвост вопроса, мелькнувшего в её глазах.

– Николаевская колокольня... В смысле, развалины Южной башни?

– Пфффф, развалины Южной башни! Ты о том горе-памятнике погранпункта над бывшим прудом? Об этом вот – метр на метр – перевёрнутом вверх дном колодце? Южная башня! Как бы она не лопнула от важности после этих слов. Я говорю о колокольне Николая Чудотворца, спрятанной во впадине между Собачьим холмом и забором свалки, прямо под эстакадой. Вижу, что ты не знала о ней.

– Удивительно, – согласилась Илайя.

– А ведь казалось бы! В полукилометре от пляжа, в двухстах метрах от туристической зоны и в пятидесяти – от автобусной остановки. Фокус в том, что она находится ниже уровня склонов, да ещё перекрыта эстакадой, к ней нет открытых подъездов, и если кто не знает, что она там есть – то случайно обнаружить её практически нереально. Раньше она стояла на одной высоте с городской застройкой и относилась к монастырю: её возвели, чтобы дублировать колокольный звон основной монастырской колокольни – так создавался стереоэффект, но когда строили эстакаду, склон пополз вниз, и утянул её за собой. А постройка-то изумительной красоты! Трёхъярусная свеча из розового кирпича – словно перст, указывающий в небо. С арочными окнами, скошенными гранями и уже, увы, без крыши. Жемчужина под грудой урбанистического мусора. И ведь таких мест, о которых даже коренные жители забыли, в нашем городе десятки. И я не вижу причин, чтобы не сходить туда прямо сейчас.

– В колокольню? – Илайя вскинула взгляд поверх его головы, и её вдруг обдало настоящим позднелетним холодом. И краски поблекли, и небо затянулось. А стены административного корпуса, закрывающие горизонт, качнулись и растворились в этой неожиданной мгле, и на их месте появился силуэт башни, точь в точь, как её описал Юлий, только более величественной и мрачной, похожей на отвергнутую деву, которая так долго оплакивала своё одиночество, что от горя стала бессмертной.

Илайя опомнилась, заметив что, повинаясь какой-то силе, движется к выходу из Асседии, а Юлий, держа её за руку, идёт на таран Анны и Леонарда, которые, видимо, только что вышли из административного корпуса.

– Свободный ход на выход? – спросила Анна, своими словами останавливая Юлия.

– Добрый вечер, – сказал Леонард.

– А вы опять так поздно задержались, – сказала Илайя, почувствовав, наконец, свободу в руках – Юлий отпустил её.

– А, кажется, я понимаю, – пробормотал Юлий с еле скрываемой досадой.

Он поймал любопытно-оценивающий взгляд Анны, в то время как Леонард проследил за Илайей, глядящей поверх голов со столь непривычной для её лица тенью тревоги.

– Сегодня вечером приходил курьер, – сказала Анна, повернувшись к Леонарду. – Я ожидаю, что это, наконец, мой жасминовый чай, который из-за каких-то злоключений не может попасть к нам уже две недели. Между прочим, из Китая. Я почти уверена, что это он. И очень

кстати. Пирогом, к сожалению, сегодня не побалую, но горячие сэндвичи с сыром и шпротами будут готовы через пятнадцать минут. Пойдёмте, – Анна взяла мужа под руку, и они обогнали Юлия и Илайю, которые с видом разоблачённых заговорщиков поплелись следом.

– Довольно скромное должностное жилище, – позволил себе заметить Юлий, когда они расселись в кухне. – Всё же, директор такого санатория – важная персона. Топ-менеджер, можно сказать. А условия, мягко говоря, далеки от конкурентных.

– Ну, моя специальность и мой опыт не позволяют мне слишком перебирать условиями, – мягко возразил Леонард. – Как и моя неприхотливость, благодаря которой я вполне доволен располагать этим пристанищем.

Юлий кивнул, как бы выражая почтение к такой позиции.

– А ваша специальность?

– Инженер-энергетик. Не очень подходящая для такой должности – так вы подумали?

Юлий уклончиво повёл головой.

– Я наверняка не открою для вас Америку, если сошлюсь на слух, будто бы Асседию хотят довести до банкротства, чтобы потом продать под жилую застройку.

Леонард нахмурился.

– Слухи тем и хороши, что не запрещены законом. Но прежде чем повторять эту идею, задумайтесь вот о чём: санаторий самоокупаемый. Он не приносит большой прибыли, но и не убыточен. Чтобы довести это хозяйство до банкротства, потребовался бы грамотный финансист, но на должность директора берут инженера-энергетика, перед которым ставят задачу модернизировать устаревшие коммуникации. Город лоббирует дотационную программу, которая позволит нам обновить основные средства, не привлекая кредитов, после чего мы перейдём к задаче номер два: пересмотру коммерческой политики и повышению ликвидности. К чему я веду: если бы вы, сидя в верхах, вынашивали идею банкротства – стали бы вы прилагать усилия для поддержания жизнеспособности санатория? Вряд ли, правда?

Юлий с живым интересом выслушал эту тираду и кивнул с явно успокоенным видом.

– А чем вы сами занимаетесь? – с иронической любезностью поинтересовалась Анна, подавая к чаю притомленные в духовке бутерброды.

Юлий выдохнул рой захвативших его мыслей и деловито пригубил чай.

– Я почти всем занимаюсь. По мере необходимости или желания. Самое постоянное из моих занятий – история. В данный момент я занимаюсь Илайей.

– Интересное занятие.

– Это уж точно, – крикнул Юлий.

Анна улыбнулась одними губами.

– А откуда вы знаете друг друга? Учитесь вместе?

– Наша встреча – одна из экстравагантных выходов рандома. Учимся мы не вместе. Честно говоря, – Юлий упёрся взглядом в Илайю и запнулся. – Мне не пришло в голову...

– Поинтересоваться, на кого учится Илайя? – перебила Анна. – А ведь она – бакалавр политэкономии. В следующем году защитится и получит степень магистра.

– Вот как? – пробубнил Юлий с набитым ртом.

– Она пишет для Коммерсанта и Экономической Лиги, а в следующем семестре её ждут на стажировку в Национальном совете реформ.

– Политэкономия, – продолжая жевать, Юлий покачал головой, как бы взвешивая удачность выбора.

Анна покосилась на Илайю – не собирается ли та разоблачить её враки, но Илайя молчливо баюкала свою усталость. В кухню вползло молчание, от которого навязчиво веяло неловкостью. Дожевав третий бутерброд, Юлий покосился на пустую тарелку, которая всё меньше желала принадлежать ему, и заторопился домой.

– Оказывается, предок Юлия проектировал этот санаторий, – сказала Илайя, когда за ним закрылась дверь.

– Так вот откуда такая озабоченность его судьбой! – воскликнула Анна.

– Угу, – прозевала Илайя. – Я спать.

Глава 5. Свидание с фантазиями

Улица была такой узкой, что, расставив руки, можно было касаться салатовых стен домов по обе стороны от неё. Пробегаая многочисленные перекрёстки, Илайя замечала в переулках скопления мрачно одетой молодёжи. Неожиданно стены раздвинулись, и она оказалась на пороге кухни. На столе стояла одна чашка, но исходящий от неё аромат был так крепок, словно по кухне протекала кофейная река.

Илайя вырвалась из сна, утянув за собой шлейф кофейного запаха, встала с постели и побрела в кухню. Там был Леонард. Она глянула на часы – десять утра.

– Ты дома?

Он улыбнулся.

– Сегодня выходной.

– Точно, – Илайя потёрла висок.

– Не выпалась? Кофе разбудил? – он улыбнулся шире, когда она кивнула. – Как в давней рекламе. Хочешь?

Она покачала головой и села на стул.

– Я ещё не чистила зубы.

– Какие планы? – Леонард сделал глоток и трогательно причмокнул губами.

– Море, – Илайя пожала плечами.

– Увидишься с Юлием?

– Мы не договаривались о встрече сегодня, – с лёгким напряжением ответила Илайя.

– Он твой парень?

Илайя скрыла смущение смешком.

– Пап, вчера я видела его второй раз в жизни.

– Но он тебе нравится.

Илайя неопределённо мотнула головой.

– Он кажется умным и азартным. Много читает. Любит загадки. Играет в Когитатум. Знаешь такую игру?

– Не слышал, – Леонард оттопырил губу и посмотрел на неё со сдержанной нежностью. – Нечто новое для тебя, да, Илайя?

– Наверное.

Он сполоснул чашку, вытер руки, повернулся к ней с бодрой улыбкой и поправил пиджак.

– Будешь работать в выходной? – спросила она с состраданием.

– Не сегодня! – сверкнул глазами Леонард. – Сегодня Анна везёт меня на ярмарку ковров и текстиля! Пока она будет кормить свои дизайнерские идеи, я займусь бельгийским пивом и баварскими сосисками.

– Прячь лицо от солнца, а то оно у тебя такое белое, а печёт уже прилично.

По случаю выходного и тёплой погоды людей у моря прибыло. Пока это были местные жители – они держались с сонливым достоинством и лишённой жадности радостью. Прогуливались по набережной, многие загорали, кое-кто купался. При виде этой утренней идиллии Илайя почувствовала щемящую радость и странный стыд перед морем за допущенную в разговоре с отцом неискренность, и вдруг над этими ощущениями возвысилась, как дирижёр над оркестром, мысль о Юлие, сулящая столь увлекательную затею, что ей удастся вытеснить все тревоги.

– Илайя!

Это был он. Здесь, на пляже. Заметил издали, подбежал.

– Не ошибся, что встречу тебя здесь, – глаза у него были красные и сухие.

– Ого! Выглядишь, как будто совсем не спал.

– Поспал два часа, – Юлий строптиво мотнул головой, прогоняя тему, и пригласительно кивнул на набережную. – Слушай, а ты действительно политолог?

– Нет, конечно, – Илайя рассмеялась. – Анна пошутила.

– Я так сильно ей не понравился?

– Просто Анна такая.

– Вздорная?

– Озорная.

– Вы с ней ладите? В том смысле, что она, как никак, твоя мачеха.

Илайя с улыбкой пожала плечами.

– Итак, ты не политолог. Не экономист. Кто же ты, Илайя Плерова?

– Заканчиваю биофак. Специальность – гидробиология и общая экология.

– Опыты, прикладные исследования, летние экспедиции?

– Научно-экспериментальные квесты, – кивнула Илайя.

– Стремление постичь устройство мира вдали от пыли библиотек и лабораторной затхлости. Право работать в непосредственном контакте с объектом исследования. Как раз по твоему вкусу – я успел заметить твою тягу к морю.

– Стремление к спокойной радости, которую оно мне внушает.

– В перспективе – работа на гидробиологической станции, программы обмена экспертами, научная степень, симпозиумы, международные исследовательские группы.

– Предел моих мечтаний. Пока же я вполне довольна своими практиками в ботаническом саду.

– Студенческие попойки? Шумные компании? Полуночные посиделки с подружками?

Илайя отрицательно покачала головой.

– Спортивные состязания? Научные конференции? Художественная самодеятельность?

Илайя снова покачала головой и улыбнулась. Юлий покосился на неё.

– А ты не очень разговорчивая.

– У тебя отлично получается говорить за меня.

– Встречаешься с кем-нибудь на курсе?

– У-у.

– Я мог и не задавать этот вопрос, чтобы быть уверенным в ответе, – ухмыльнулся Юлий не без лёгкого самодовольства. – Я бы даже посмел предположить, что отношения с мужчинами – где-то в финале списка твоих приоритетов.

– Ну, если мужчина мне нравится – то отношения с ним точно не будут на последнем месте.

– Да? А часто случается, что мужчина тебе нравится?

– Довольно-таки. Правда, недолго.

– И что? Ты заводила отношения со всеми, кто тебе нравился?

– Да, – прикинув, сказала она.

– И многие тебе... нравились?

– Ну, не знаю. Может быть, с десятков парней в разное время.

– Хочешь сказать, к своим двадцати годам ты успела десять раз влюбиться? Повстречаться с десятью парнями? – опешил Юлий и вдруг добавил с неожиданной злобой. – Ладно, проехали.

Всё это время они машинально брели по набережной и как раз подошли к кофемобилю. Юлий взял себе американо, а для Илайи – капучино.

– Вот что, Илайя, – он размешал сахар и, жмурясь от жара, сделал три больших глотка. – Я вознамерился узнать тебя поближе, но дальше коротких ответов на плоские вопросы мы не ушли. А если я спрошу о таком, что заставит тебя задействовать фантазию?

– Какая-то психология? – прищурилась Илайя.

– Намного интереснее, – Юлий показал ей на лестницу, ведущую на склон. Они поднялись несколько пролётов, перелезли через перила и сели на склоне в том месте, где прореха между деревьями позволяла любоваться морем, а прохожие не могли стать свидетелями разговора. – Я буду моделировать ситуации, а ты станешь их участницей.

Тон его стал мягче и слаще, выдавая предвкушение.

– А ты?

– Я уже был участником этих ситуаций. Если захочешь, я озвучу свои ответы, – Юлий нетерпеливо кашлянул

– Обязательно! Так будет честно.

– Тогда начнём. Задача такая: нужно выбрать двух персонажей, которые максимально соответствуют тебе – из кино, литературы, можно исторических личностей. Один персонаж положительный. Другой отрицательный. Двух людей, с кем ты себя ассоциируешь.

Илайя на несколько секунд закрыла глаза.

– Хорошо... Пусть мой положительный персонаж – мойра Клото. А отрицательный – старик из сказки о рыбаке и рыбке.

– Интересно. Чем они тебе близки?

– Клото занята прядением. Спокойным сосредоточенным трудом без динамики, без начала и конца. Она не озабочена размышлениями, не обременена выбором, не отвлечена мечтами. Она точно знает своё предназначение, скрупулёзно и беспристрастно выполняет свою работу, – Илайя говорила повествовательным тоном. – Таким мог быть и старик, удящий рыбу, но он, потакая слабостям окружающих, оставил своё дело и стал безвольным посредником в чужом противостоянии.

– А теперь представь, что Клото и Старик встречаются. В какой обстановке? Что происходит между ними?

– Старик засыпает на берегу моря, – Илайя продолжала с закрытыми глазами. – И во сне видит Клото. Он просит её зашить ему уши, чтобы он не слышал чужих приказов и не мешал совершаться чужой судьбе. А Клото отвечает: если я зашью твои уши, ты перестанешь слышать чаек, что возвещают приход рыбы, будят тебя и развлекают, пока ты бодрствуешь, но чужие приказы ты услышишь своими глазами. Если тогда ты попросишь меня зашить твои веки, то лишишься зрения: не увидишь ни моря, ни дельфиных стай, не будешь знать, куда забросить невод, но чужие приказы ты научишься слышать руками. Если я зашью твои руки, ты больше не сможешь ловить рыбу, но чужие приказы достигнут тебя через сердце. И, сказав так, Клото уходит. А старик просыпается от криков чаек и видит перед собой синее море, гладкое, как зеркало, – Илайя открыла глаза.

– Потрясающе, – пробормотал Юлий. – А если мы возьмём Клото и Старика и поместим их в другую обстановку. Например, на порог Комнаты, в которой исполняются сокровенные желания, но только те, что исходят из глубины души, а не те, что срываются с губ. Итак, Клото и Старик на пороге Комнаты, готовой исполнить искреннее желание одного из них. Что они будут делать и кто из них, в конце концов, войдёт в Комнату?

– Клото и Старик в растерянности замирают на пороге Комнаты. Никто из них не готов ни войти, ни пропустить вперёд другого. Тогда они решают бросить жребий. Клото отрывает кусок нити, а Старик вынимает из кармана старое грузило. Они продевают нить в отверстие для лески и подвешивают над дверью в Комнату, как маятник. Затем становятся рядом, произносят молитвы, чтобы через жребий им явилась высшая воля, и толкают дверь в Комнату. От возникшего сквозняка маятник начинает качаться в сторону Клото. Но Клото не входит в Комнату, потому что у неё нет никаких желаний. И Старик не входит в комнату, потому что не он избран жребием. И оба уходят – как герои Тарковского, но вовсе не потому, что в них нет веры, а напротив: потому что исполнены веры и желают подчиниться той воле, что направила

жребий на Клото, предвидя, что она не войдёт, и отвела жребий от Старика, лишив его права войти, и, таким образом, предостерегла их обоих от входа в Комнату.

Юлий смотрел на неё во все глаза.

– Я впечатлён, – сказал он. – Ответ на этот вопрос отражает внутренний конфликт и степень его остроты.

– И что означают мои ответы?

– Как минимум, что у тебя великолепно развито образное мышление и высокая внушаемость. Не припомню, чтобы кто-то с такой грациозностью передвигался по своим мирам.

– Расскажи мне о своих персонажах.

– Я назвал агента Дейла Купера из Твин Пикса и Джесси Пинкмана из сериала «Во все тяжкие» – смотрела? – Юлий вздохнул, когда Илайя покачала головой. – Агент Купер – талантливый детектив, который находит нетривиальные выходы благодаря светлому уму и тонкому чувству сверхъестественного. Джесси Пинкман – торчок и раздолбай, который постоянно тупит и портачит в самый ответственный момент. Они были монтажниками, чинили проводку на шпиле Бурдж-Халифа. Пинкман был под кайфом. Когда они закончили работу, он догнал очередную дозу метамфетамина, оступился, сорвался с башни и повис на страховочном тросе. Купер схватил его за руку, не решаясь скинуть с небоскрёба (проклятая нравственность) и не в силах затянуть обратно. Видимо, так до сих пор и держит, – Юлий стыдливо пожал плечами. – Это было давно. Я был увлечён кино. Наверное, сейчас я нашёл бы героев пообъёмнее, но не так скоро, как ты.

Юлий завозился, вытаскивая телефон – что-то пришло ему, он прочёл и виновато посмотрел на неё.

– Илайя, сейчас я должен идти. Сегодня ночью через коллег в пекинском университете я отправил запрос на «Религиозную отметину» в Национальную библиотеку Китая. Они что-то прислали на мою домашнюю почту. Но позже мы увидимся, – спохватился Юлий. – Сегодня в девять вечера. В колокольне. Ты встретишься со мной?

– Да, – она смотрела на него с ласковым любопытством. – Только обещай хоть немного поспать.

Он пожал её руку, прежде чем вскочить, и сосредоточенно кивнул:

– Обещаю постараться!

Контуры колокольни чертились в скудных, похожих на смог, россыпях света, доставшихся ей, словно пожертвование, от фонаря на шоссе.

Сердце Илайи ёкнуло отголоском того странного ощущения, что охватило её в Асседии. Оно не было похоже на привычный для неё страх перед стихией, который она испытывала бросаясь в штормящий океан, – сладостный ужас покорности благоволящему ей могуществу. Это был новый, смешанный со стыдом, страх перед силой, с которой чуждые ей миры грозили отреагировать на непрошенное внимание, на нежелательное для них вмешательство.

Она подступила к конфузливо высящейся башне и не могла понять, на кого та похожа больше: на блаженную сиротку или коварную юродивую. Входная арка была давно разлучена с дверью. Шагнув внутрь, Илайя наткнулась на балку и шаркнула тишину. Эхо не отозвалось – улетучилось отсюда вместе с крышей.

– Илайя?!

Голос Юлия прозвучал откуда-то сверху, и, задрав голову, Илайя заметила лестницу вдоль стены, упирающуюся в площадку на высоте примерно трёх метров. Там что-то светилось.

– Смотри под ноги, тут куча мусора. А лучше подожди, – Юлий показался на лестнице, сбежал вниз и подал ей руку. – Я устроился на втором этаже – там чище, – он подвёл её к небольшому светильнику у подножья двух раскладных кресел. – И захватил для нас стулья.

– Прекрасно, – Илайя с наслаждением уселась в кресло. – Светодиодный фонарь?

– Газовый. У него свет мягче.

– Как у луны, – мечтательно сказала Илайя.

Юлий стоял перед ней, расправив плечи, загадочный, мрачно-величественный, и смотрел на неё с каким-то чуть ли не священным ужасом и, в то же время, с торжественно-возбуждённым нетерпением.

– Где твои книги? – насторожилась Илайя.

Юлий покачал головой.

– Планшет?

Юлий кивнул, качнулся и, наконец, сдвинулся с места, чтобы сесть в своё кресло. Планшет был у него в руках.

– Ты помнишь, в чём ценность «Религиозной отметины»?

– Это самый свежий источник более-менее подробного описания спирали?

– Да. И статья о спирали написана от первого лица.

– Да, мы читали об этом.

– Я запросил в китайской библиотеке электронный экземпляр «Религиозной отметины», в идеале – с переводом. Но оказалось, что эта книга имеет гриф «строгое секретно». К счастью, когда писал коллегам, я уточнил, что меня интересует главным образом заметка об энергетической спирали, и они догадались пойти чуть дальше моей просьбы и, не сумев раздобыть нам «Религиозную отметину», прислали «Записки Ци Зео» – это источник, цитируемый в нашей статье про спираль, – Юлий потряс планшетом и сглотнул. – У нас в руках дневник обладателя энергетической спирали, жившего в Цисяне триста с лишним лет тому назад, Переведённый специально для меня. Конечно, это далеко не вся его жизнь и даже не сколько-нибудь значительный её отрезок, а только несколько записей, но то, что я здесь нашёл, Илайя... – он включил экран и протянул ей.

– «... из дальнего конца неба наплывает тёплый хрустящий туман ци, и окутывает меня, и внутри него сыпется снег и летят водные брызги и взмывают искры костра, и глаза находят путь через него. А ноги ступают по лестницам белоснежной пагоды, что выше гималаев, а усталости нет, и оказываются у цели. Уши слышат чудесную мелодию, забытую много лет назад. Перелетаю со звезды на звезду, убегаю от стаи волков по зимнему лесу, проплываю над рисовым полем, упираюсь руками в две соседние горы, раскачиваюсь, взвиваюсь ввысь, и на берегу зеркального озера обретаю себя. Я вижу всё, что совершается на поверхности озера, от моего слова или дыхания или от дрожания века или от одной только мысли. Учитель объяснил мне: ветер знает все мои языки. Я созерцаю в покое, как он дует коридорами моих писем и пустотами моих дорог, следует за моим танцем, повторяет мои жесты, воплощается призванными мною образами, отзывается на невысказанную потребность усилиться, расшириться или прекратиться вовсе. И после Учитель рассказывает мне, как ветер дул в тех местах, где находился он, и смотрит: знаю ли я заранее, что он скажет. Он проверяет, видел ли я в точности то, что происходило, и уследил ли за мельчайшим движением ветра. Он следит, чтобы я оставался в покое и сохранял контроль...» – Илайя оторвала взгляд от экрана. – Он говорит об управлении ветром?

Юлий жёг её напряжённо-испытующим взглядом.

– Прошлой ночью я обратился к своему другу геофизику Косте и попросил его пофантазировать на тему того, как мог бы действовать механизм искусственного управления ветром, если бы имелся источник достаточной энергии. Сегодня вечером мы встретились, чтобы обсудить это, и Костя сказал, что теоретически воздушные массы могли бы приходить в движение и ускоряться под действием импульса, который равен произведению силы на время, в течение которого она действует. В процессе естественного ветрообразования в качестве движущей выступает сила, с которой атмосферный фронт давит на воздушные массы, вытесняя их в область более низкого давления. В процессе искусственного ветрообразования принцип

тот же, меняется лишь источник силы. Это можно сравнить с работой гигантского вентилятора, имеющего множество режимов мощности, который врубается в космическую розетку и начинает вертеться с той или иной скоростью.

– Хочешь сказать, что обладатель спирали...

– Ты, Илайя...

– Я... являюсь этим вентилятором? Или этой розеткой?

– Нет. Ты – его вилка. Ключ, соединяющий вентилятор с источником энергии.

– А сам источник?

Юлий развёл руками и, глянув вверх, покачал головой.

– И как этот ключ работает?

– Если верить Ци Зею, то, очевидно, через ассоциации.

Илайя дважды кивнула и замолчала, растворив взгляд в окружающем сумраке.

– Сегодня я наблюдал, как рождаются твои ассоциации. Сходу, без потуг, гибкие, красочные, сюжетные. Что произойдёт, если взять время, сконцентрироваться на конкретной задаче; что произойдёт под гипнозом – нелепо отгадывать, это можно узнать только путём пробы.

Илайя почувствовала странную тяжесть в теле – члены её стали похожи на древесину, набравшуюся влаги, а сердце накрыла тупая тоска, которая приходит к человеку, осознающему, что нечто дорогое в его жизни уже никогда не будет прежним. Внезапное воспоминание об Асседии вызвало у неё грусть, а давешний страх перед колокольней показался наивным.

– Ты не уверена, хочешь ли погружаться в это? – догадался Юлий.

– Я просто не понимаю, что всё это значит. И почему именно я.

Юлий встал с кресла и присел на корточки возле неё.

– Вопросов так много, и мы оба понимаем, что пока бессмысленно их задавать. Тем более, главные... Я вижу, что ты растеряна и полна сомнений, – он взял её руки с подлокотников и стянул на колени. – Надо принять решение – просто, интуитивно, без вопросов: двигаться дальше или забыть всё, как сон.

– Сон... – повторила Илайя.

Ей вдруг показалось, что она в заточении на далёкой планете и понятия не имеет, как выбраться. Она не верила, что может просто встать и уйти отсюда и через каких-нибудь десять минут вернуться домой.

– Ты же будешь рядом? Поможешь мне? – спросила она неизвестно у кого.

Юлий крепче сжал её руки.

Глава 6. Докопаться до силы

День за днём проходили в сеансах медитации для поиска пути к источнику силы ветра. И хотя Юлий сразу заявил, что ассоциации Ци Зео бесполезны и требуется что-то этнически своё, он всё же начал именно с них. Пока Илайя была под гипнозом, он внушал ей прогулки по пагоде, полёты над рисовыми полями, паломничество по Млечному пути, во время которых у неё в голове звучали считалки и фальшивые песенки и очень хотелось мороженого. Их посиделки проходили в тех редких укромных местах, что не прельщали даже самых неискушённых туристов, пока они окончательно не обосновались среди руин клубного корпуса. Убедившись в тупиковости маршрутов Ци Зео, Юлий стал помещать её в ночной трамвай, идущий из городских окраин в камышовую местность (раз они проехали на таком в действительности), заставлял карабкаться на крутой склон, у самой вершины которого рос куст мяты, иногда превращавшийся в крапиву, и водил по лестничной клетке вечернего госпиталя. Это была любимая ассоциация Юлия: тёмная лестничная площадка, подсвеченная снизу – символ блаженного уединения в пределах стабильного прибежища с правом в любую секунду вернуться в палату, присоединиться к беззатейливому обществу, воспользоваться помощью и заботой.

Потом Илайя стала уходить так глубоко в транс, что уже не слышала его голос, и сами собой стали проявляться её собственные маршруты: лабиринты кровеносных сосудов, по которым она плыла глянцево-белым, как леденец, эритроцитом; верёвочная лестница между двумя платанами; гейзер, подбрасывающий её до тропосферы, где в отсутствие всякой мудрости и усталости она становилась тем, что ощущала своей самой подлинной формой – высококучевым облаком, вечно трансформирующимся, исчезающим и возникающим вновь, не теряющим своей прелести, сиюминутно всеовещающим, существующим ровно настолько, насколько и не существующим.

И хотя раз за разом видения Илайи обретали всё большую цельность и скоро превратились в довольно экстравагантное развлечение, её блуждания по вымышленным пространствам оставались тщетными. И чем очевиднее становилась безуспешность их затей, тем более одержим идеей управления ветром становился Юлий: свободное от сеансов время он читал книги по оккультизму, консультировался с физиками, эзотериками и филологами, мастерил фетиши из дохлых червей, сплетая их в колосья и скатывая в клубки и, в конце концов, даже в самых будничных событиях стал видеть мистические проявления Абсолюта. На время летней сессии Илайи он сделал перерыв, убедив их обоих, что причиной неудачи служит её сосредоточенность на учёбе, и когда экзамены были сданы, вернулся к тренировкам, как он называл эти неуклюжие потуги, с удвоенным рвением.

К середине июля Илайя погружалась в транс в считанные секунды, а несколько раз это случилось непроизвольно, что должно было насторожить Юлия, если бы он не был так заиклен на ожидаемом результате. А потом произошло кое-что жуткое.

Однажды – это было в разгар самой беспощадной жары, когда воспоминания о зиме становятся небылью, – перемещаясь по сталагмитовой пещере, Илайя не могла найти дверь, которую Юлий назначил выходом из транса. Тыкаясь то в одно, то в другое отверстие, она, наконец, выбралась из пещеры, но оказалась на старообрядческом кладбище. Там было множество захоронений с белыми штaketниками и чёрными деревянными крестами. Булыжник между могилами порос мхом, потрескался и выглядел так, словно по этим тропам веками не ступала нога человека. Пройдя в глубину кладбища, Илайя стала замечать на надгробиях всё больше надписей, выполненных иероглифами, а ещё погода захоронения приняла привычный для неё вид холмиков с памятниками и коваными оградами. Миновав эту часть кладбища, она вышла на широкую лужайку, где под высокой пихтой рядами лежали десятки полусгнивших мертвецов. Илайя очнулась оттого, что Юлий тряс её за плечи.

- Что произошло? Ты перестала дышать!
- Мне привиделся жуткий кошмар. Пора заканчивать с этим...
- Даже не думай! – сверкнул глазами Юлий. – Не думай сдаваться!

Ещё несколькими днями ранее Илайя почувствовала изменения в восприятии окружающих вещей. После сдачи последнего экзамена, вечером, она спустилась к морю и с ужасом осознала, что треть лета осталась позади, а она не успела даже вкусить июнь – не говоря уж о том, чтобы насытиться им. Попыталась вспомнить события минувших недель: беседы с отцом, редкие прогулки с Анной, встречу с матерью, ночные купания – они были короткими, невнятными, лишёнными последовательности, как чепуховые сны. Хуже всего, что и в то мгновение она не ощущала привычной благостной безмятежности, была столь же далека от созерцания, сколь лёд от кипящей воды, и голова её, вместо того чтобы плодить эхо, квасилась в рассоле забальзамированных мыслей. И, верней всего, что она так и осталась бы сидеть на пляже весь остаток лета, постепенно возвращаясь к себе, если бы не Юлий и не её желание следовать за ним, её странная боязнь разочаровать его.

Он вновь вовлёк её в гипноз, который забросил её на зловещее кладбище. И с тех пор она попадала туда всякий раз: слонялась среди захоронений, обнаруживая всё новые и новые виды, которые, наверное, можно было приписать той или иной культуре, если бы у Илайи было достаточно знаний в этой области; сидела на скамейке у иной могилы или на лужайке под пихтой – закрыв глаза, чтобы не видеть наваленных мертвецов. Страх её не становился меньше, но что-то в душе надломилось в угоду ему, и Илайя повиновалась ему не только в том, чтобы продолжать визиты на кладбище, но даже в том, чтобы ни о чём не рассказывать Юлию. Зачем это было ей нужно, она не задумывалась, но подсознательно хваталась за этот страх, не понимая до конца, что лишь он может вытеснить её привязанность к Юлию и укрепить её стремление отказаться от него.

Примерно за неделю до того как Илайя приняла решение больше не видеться с Юлием, в её видениях стал появляться синий мусоровоз. Вначале он приехал на пик вулкана, затем следовал за ней по мосту Мехмеда-паши, а потом она увидела его припаркованным у забора химерического кладбища. Приободрённая надеждой на встречу с живым существом, Илайя хотела ринуться к нему, в душе уже лелея случай выбраться отсюда, но что-то мешало ей сдвинуться с места, словно она была здесь так долго, что призраки успели оплести её паутиной, или сама стала одним из этих покойников на лужайке. Тогда она замахала руками, всматриваясь в кабину мусоровоза, и тут сообразила, что в ней никого нет. Мусоровоз, тем временем, тронулся с места, ненадолго исчез из поля зрения, а потом появился на аллее кладбища, подъехал к лужайке и остановился, позволяя ей убедиться, что, и правда, ездит без водителя. Может быть, он приехал за этими телами, подумала она. Или привёз новые, с ужасом догадалась она – уже в ту секунду, когда Юлий вытянул её обратно в Асседию.

Следующим утром Илайя сидела в кухне, ища в себе силы приготовить завтрак. Хотя и проспала десять часов, она чувствовала себя такой вымотанной, словно ночь была трясинной. У неё оставалось около часа до встречи с Юлием, и она почувствовала, что впервые в жизни её не тянет посвятить это свободное время морю. И разрыдалась.

С того дня она стала избегать Юлия. Поначалу обходилось короткими отговорками, нацеленными на то, чтобы уязвить его достоинство и, тем самым, усмирить его предсказуемую настойчивость. Но заслоноподобная часть обиды Юлия быстро рухнула под натиском любопытства, а оставшаяся – преобразовалась в акселератор: он стал искать встреч с Илайей даже вопреки её желанию. Караулил на её любимых пляжах, прятался в кустах на склонах Асседии в расчёте поймать её во время прогулки, в конце концов, стал ошиваться у окон её комнаты, когда знал, что ни Анны, ни Леонарда нет дома. Илайя была осторожна: она угадывала, где может наткнуться на Юлия, и сторонилась этих мест; если не знала заранее, где он – всегда замечала его первая и ускользала; а также предусмотрительно переселилась в другую комнату.

Скоро она выучила его график и вычислила несколько безопасных часов для своих привычных маршрутов, по которым успела сильно соскучиться.

«Илайя, что произошло? Давай встретимся – ты просто объяснишь, что случилось, и всё. Никакого гипноза!».

«Мне нужна всего одна встреча. Илайя!!!»

«Илайя, имей совесть!..»

«Мне кажется, ты меня демонизируешь. Мы можем просто поговорить? Боюсь представить, что ты себе навоображала – дай мне помочь тебе!»

В иные вечера он отправлял ей по десятку сообщений, которые она удаляла, не читая. А однажды, увидав издали, как Юлий разговаривает с Леонардом, – приняла решение, которое месяц назад показалось бы ей безумием. Кое-как объяснившись с отцом и попросив не поощрять расспросы Юлия о себе, она вернулась в дом Ольги. В тот день она отправила ему такое послание: «Юлий, привет! Мне звонил отец и сказал, что ты спрашивал обо мне. Он проверил мессенджер и нашёл там кучу сообщений от тебя. Я сейчас живу у матери, а мессенджер – на отцовском планшете. Ты хотел встретиться, но я не готова продолжать наши занятия. Не думаю, что они имеют какой-то смысл. Затея хоть и забавная, но и в чём-то фантастическая, и теперь я отношусь к ней без доли серьёзности. Меня пригласили в группу по изучению морских лишайников, и я хочу все силы направить на это исследование. Как только мы закончим экспериментальный этап (думаю, это займёт не больше месяца), если ты найдёшь время и желание – буду рада увидеться». Илайя видела, что он прочёл сообщение, но не ответил на него.

Через пару дней, убедившись, что он прекратил донимать её, она вернулась в Асседию и постаралась посвятить себя тому образу жизни, который так беспечно предала.

Прошла неделя, но покой, который она надеялась обрести, избавившись от Юлия, его навязчивой идеи и мятежных трансов, так и не наступил. Она не видела снов и не мучилась кошмарами, стала забывать одинокое кладбище и почти не думала о синем мусоровозе, но её мучила тоска по Юлию и глубокая, смутная, ранее не изболеленная обида на него. Ничто не доставляло ей удовольствия, ничто не могло утешить её. Она была отравлена сомнением, и вскоре это сомнение поглотило всё, что было ей дорого, покрыло собой всю её жизнь. Была отравлена чувством к Юлию, которое не могла преодолеть. Хотела мечтать вернуться в те времена, когда ещё не была знакома с ним, и не могла мечтать об этом. Знание, которое она обрела, но которое не хотела принять, давило на неё. Не отступало от неё, пока она бежала вперёд, не глядя на указатели, не сразу осознав, что уходит всё дальше в пустоту.

Томясь от бесчувствия, Илайя лишила свои действия целей и полностью доверилась интуиции. Она бродила по побережью за пределы знакомых маршрутов, обнаруживала новые пляжи, новые панорамы и новые кустарники, по ночам любила ездить на двадцать седьмом трамвае или кататься на Очумелой стрелке – экстремальном аттракционе, крутящем кабинку с человеком в вертикальной плоскости с сумасшедшей скоростью. Однажды во сне она увидела таинственную женщину, некогда встреченную на пляже во время шторма. Та женщина стояла в арке Николаевской колокольни, защищая собою вход, и смотрела на Илайю с угрозой и, вместе с тем, выжидающе. С тех пор Илайя зачастила в колокольню, надеясь на реальную встречу с той женщиной, но поскольку у колокольни было так же пусто, как на душе у Илайи, чтобы занять себя чем-то, она принялась потихоньку разгребать тамошние завалы мусора. Несколько дней она провела в лаборатории экспериментальной ботаники, наблюдая за техникой смерти. Она срезала слои с листьев, стеблей, лепестков, плодов и, в конце концов, собственной кожи и смотрела в микроскоп, как гибнут клетки. Потом, дома, заклеив ранку скотчем, разглядывала себя: веки, губы, ноздри, ресницы, кожу, поры, родинки, веснушки: представляла, как с течением времени обезображивается её лицо; изучала своё тело: каждый изгиб и мускул, каждую впадинку и выпуклость, все его достоинства – такие непререкаемо собственные, гор-

деливо ценимые, приготовляющие для самолюбования ежедневные изысканные десерты (как домашний кондитер), – как бы со стороны. Будто это уже чужое тело и лицо, чья прелесть не обольщает её, а старение не страшит.

На рассвете августа она слушала шелест волн на пляже и оплакивала свою безучастность. Несколько отдыхающих с криками бросились в воду. Один из них, крижистый, с некрасивым прыщавым лицом и тонкими волосами, то и дело бросался на гребень, норовя оседлать волну. Илайя глубоко вздохнула и закрыла глаза, пытаясь воспроизвести среди миллиардов мгновений то, которое она угадывала, чтобы ухватиться за бурун и понестись за ним, как робкий младенец, свободный от хлопот и волнений, ощущая себя то щупальцем моллюска, то комком водорослей, то горсткой песка, то соляной крошкой, через растворение растянувшейся по всем водам мира. Очередная волна подхватила крепыша и понесла до берега, где он, подтянув плавки, вскочил на ноги и возбуждённо бросился навстречу следующей, которая охотно прокатила его опять, словно это было просто и общедоступно, как солнечный свет, не требовало никаких навыков или душевных качеств и даже не просило в залог обыкновенной благодарности.

Волна, скорость, ревность, параллельность, неисчерпаемость, ветер, желание, человек, бессчётное множество способов их воздействия друг на друга – так же естественны, как дыхание. Илайя потянулась к обточенной морем стекляшке, сверкнувшей в песке, будто подаваясь навстречу приблизившемуся, но ещё не достигшему её осознанию того, что всё, бывшее дорогим для неё, вся её жизнь во всех проявлениях была связана со спиралью, дремлющей на ладони. Каждый выбор, каждое сомнение и каждое колебание чувств от самого её рождения, а может, и раньше – могли быть обусловлены загадкой, которую Вселенная до поры таила от неё в ней самой. Её нейтральность, чистота её сознания, небрежность, граничащая с ленью, любопытство, лишённое страсти, свобода от убеждений и принципов, незнание боли, непонимание страдания, отсутствие человеческих привязанностей, неспособность не то что разработать жизненную стратегию, но даже определить цель – вся эта её наружная неопытность могла быть следствием того, что опыт, который она в действительности вобрала в себя, так разнообразен и во столько раз превосходит любой практический смысл, что обесценивается, как давно прочитанные книги. Илайя опасалась сторбатиться под бременем предвзятого жребия, и только теперь поняла, что похожа на высотника, которым вдруг овладел страх высоты.

С того дня Илайя вернулась к тренировкам и решила немного упорядочить свои ассоциации. Она попыталась объединить их через спираль, которую назначила чем-то вроде начала координат – универсальной призмой для отображения и конкретизации тех граней своих видений, которые максимально соотносились с искомым источником. С помощью самовнушения она перенесла спираль со своей руки на лоб, и по смене её состояний (она бывала холодной, горячей, размягчалась и затвердевала, могла вибрировать, зудеть, пульсировать, светиться) изучала язык своей интуиции. Часто спираль появлялась в зрачках, преломляя увиденное на свой манер, а когда в видениях Илайи появлялись звуки, она искажала траекторию звуковых волн, чтобы уловить альтернативное звучание. Иногда спираль материализовалась в плоскую брошку, которую Илайя сжимала в руках, как оберег. Спираль же служила выходом из транса – для этого Илайе достаточно было прикоснуться к ней.

Через пару дней Илайя вновь очутилась на фантасмагорическом кладбище. Пошупав лоб и убедившись, что спираль (а значит – и возможность выхода) никуда не исчезла, она направилась на лужайку – проверить, не прибыло ли захороненных мертвецов. Их по-прежнему покоилось два или три десятка – в два ряда. А правее, в тени пихты, почти касаясь их горчичных облысевших голов, скрестив ноги и уложив одну из стоп на противоположное бедро, сидел пожилой человек в чёрных очках. У него была крупная лохматая голова и полная бархатистая борода. В зубах у него торчал стебелёк, и от его горящего края поднималась струйка дыма, за которой он неотрывно следил, пока не заметил подошедшую Илайю.

Чудак, подумала она.

– А я сижу и думаю: странно, почему дым воронкой закручивается. Не догадался, что тут чья-то трафаретка заложена. Твоя, стало быть, – сказал он, уставившись на её лоб.

– Я заблудилась здесь.

Он покачал головой. По центру его лба прокатилась волнообразная морщина.

– Я не знаю, как попадаю сюда, и не могу выбраться отсюда. Кроме как...

Он опять покачал головой и описал рукой полукруг.

– Ты возвращаешься сюда, потому что это самое начало. И все пути отсюда открыты для тебя.

– Что значит начало?

Человек настороженно завис, что-то смекнул.

– Что ты видишь вокруг?

– Могилы. И мёртвых. Их привозит вон тот грузовик, – Илайя показала на мусоровоз, припаркованный у дороги.

– Глупости. Я водитель того мусоровоза и ничего сюда не вожу.

– Вы водитель мусоровоза? – вскричала Илайя. – Вы можете увезти меня отсюда?!

– Конечно, нет. Я вожу только мусор. К тому же, нельзя забрать человека из его дома.

– Вот это – мой дом? – вздрогнула Илайя.

– Что ты видишь вокруг? – повторил вопрос чудак.

– Я говорила: огромное кладбище с множеством могил.

– Чьи это могилы?

Илайя осеклась. Парализованной страхом, ей ни разу не пришло в голову почитать надгробные надписи. Она отбежала к ближайшему ряду могил, перегнулась через ограду.

– Там ничего не написано. Кое-где, правда, я встречала иероглифы.

Водитель мусоровоза закивал с таким видом, словно так и подозревал.

– Это вымышленное место. Но это твоё безусловное начало. Всё, что ты видишь здесь, принадлежит тебе. И если ты видишь могилы, то они могут быть только твоими.

– А эти мертвецы? – Илайя кивнула на лужайку.

Чудак мигнул в знак подтверждения.

– Вы не видите их?

– Ни одной могилы.

– А что видите вы?

– Я вижу большой стадион, вокруг пустые трибуны, а внизу музыканты настраивают инструменты и технику.

– И что это значит? Что значит моё кладбище? Каждый из нас видит то, что существует в начале?

– Скорее то, с помощью чего начало воздействует на нас.

– Пугает меня! Давит на меня!

– Как бремя прожитых жизней, – философски заключил чудак.

– А какова ваша роль?

– Этого я не знаю. Если я здесь – ты вызвала меня. Зачем – должна знать ты.

– Я? Или моё начало?

Он пожал плечами, но за стёклами его очков Илайе померещилась снисходительная укоризна.

– Я не понимаю...

Он не ответил.

– Вы останетесь здесь? Дождётесь, когда я пойму?

Он покачал головой и стал растворяться в пространстве. С его исчезновением наступила странная тишина: некоторые звуки, например, шелест листвы, карканье ворон, рокот отъезжа-

ющего мусоровоза отсутствовали, а другие – скрип травы под ногами, трение одежды о кожу, собственное дыхание и даже журчание крови – раздавались неестественно громко.

Илайя легла на траву и закрыла глаза, чувствуя, как расслабляются мышцы. Потом открыла глаза и увидела, что тоже потихоньку растворяется в пространстве, точнее, одно пространство как бы наслаивается на другое, и она материализуется в этом новом пространстве – на пляже Асседии. Над её головой было августовское небо, похожее на карту железных дорог. Илайя чувствовала себя так, будто только что вышла из комы – слабой, оглушённой, но взамен овладевшей чем-то бесценным – похожим на собственную судьбу. С того дня она стала постепенно возвращаться к жизни, обретать её прежние уровни, ощущать её ткани, различать привычные краски.

Была середина августа. Илайя навещала мать и по её настоянию перед возвращением в Асседию заехала на арбузную ярмарку в горсаду. Пройдясь по фудкорту, заразившись от горожан их воодушевлёнными лыбами, выпив три стакана сока, она остановилась понаблюдать, как мастера вырезают из арбузов и дынь цветы, как вдруг наткнулась на глаза, которые тут же вспыхнули и взорвались тысячей вопросов, восклицаний и многоточий, возбуждая в ней сладковато-горькую радость.

Это был Юлий.

Кто-то окликнул его. Илайя обернулась и увидела коренастого мужчину в бейсболке и рыжеволосую девушку в цветастом сарафане. Они махали руками и звали его. Юлий не шевелился. Теперь уже и Илайя не отводила глаз, следя за тем, как стираются причины, рушатся намерения и тонут сомнения, как повышается градус упоения в её лимфе и обретают гибкость материи, связывающие их друг с другом, и делаются, таким образом, неуязвимыми.

Глава 7. Фуга ветров

Это случилось двадцать девятого августа.

Ближе к концу прогулочной аллеи рос молодой дуб. На метровой высоте от его ствола расходилось пять крепких веток – эту развилину облюбовала Илайя: в малолюдные часы она взбиралась на дуб, устраивалась под кроной и любовалась панорамой. В тот день, расслабленная бестревожной дремой, она полетела с дерева и сильно ударилась о землю. Пережив первую, сокрушительную, атаку боли, после которой смогла разогнуться, Илайя подняла сжатые спазмом веки и неожиданно ощутила болезненную ясность, какая бывает, когда происходит что-то необратимое, например, разбивается ваза.

Внизу шуршало море, обнимая мир и источая тысячи запахов, и вились чайки, бойкие и крикливые, как акушерки, встречающие над ним приход новых жизней. А чуть поодаль шурились на солнечный свет окна санаторных корпусов. Красота этих зданий была теперь гораздо больше, чем архитектурным шедевром, гораздо больше, чем бесценным фетишем Илайи, заставляющим её сердце радостно ёкать при каждом взгляде на них; – это была эпическая красота их сущности, в которой развернулась вся их история: от судеб проектантов, строителей и гостей до памяти камней, из которых они возведены; их опыт, накопленный всеми формами их восприятия: их традиции, секреты и потери, внутренние изменения от погоды и подземных вибраций, их чувства к морю и деревьям, что выросли у них на глазах, объёмы всех их отрезков и пространства каждой из их граней.

Скоро Илайя заметила, что эта черта – развёрнутость сущности – проявляется в каждом предмете, и можно было подумать, что это следствие только что прогремевшего большого взрыва, из которого возникла новая Вселенная. Но Илайя отвергла эту иллюзию как последнюю невыметенную соринку, потому что яснее, чем когда-либо, видела, что не Вселенная возникала теперь, а она сама возникала и прилеплялась к этой Вселенной, единственной реальной, никогда прежде не ощущаемой так остро и подлинно, отдающей в распоряжение всё её прошлое и будущее в одном мгновении, стирающем грани секунд, но не так, как это бывает во сне, когда время обманывает нас, а совсем иначе – словно время лишается силы, а всё вокруг продолжается и не теряет смысла.

Мир и всё, что в нём, проникало в голову без всяких барьеров и так же вольно выходило из неё, точно не ваза разбилась тогда, а треснуло яйцо вылупившегося птенца, и не оставалось в голове ничего, что не происходило из окружающей действительности, которая отзывалась в Илайе чувством вещественной бесконечности – не таким, словно до неё не было мира, но таким, будто мир очень стар, и она всегда была.

Илайя сидела на земле и чувствовала исходящее от неё тепло и покалывание сухих травинки и щекотку от шевелящихся муравьёв, вдыхала запах собственной кожи, слышала биение своего сердца и лёгкий свист ветра, бегущего по жилам, вырывающегося через поры, и с каждой секундой всё сильнее саднили и вибрировали кончики пальцев.

И начинался шторм.

ЧАСТЬ 2. СЧАСТЬЕ

Глава 1. Преступный романтик

Ей удалось улизнуть с последней лекции сразу после переключки, и теперь они доедали мороженое на трамвайной остановке. Илайя водила глазами по линиям его профиля, такого с виду беспристрастного, и вновь, от воспоминания о той ночи, когда он оказался у окна её комнаты в Асседии, и она молча подняла щеколду, её захватило чувство как перед прыжком с обрыва в воду: подогнулись колени, по спине побежали мурашки и скопились внизу живота, волосы на руках встали дыбом. Она смотрела на его губы, томясь сладким предвкушением того мгновения, когда прикоснётся к ним, а они, тем временем, требовательно зашевелились.

Илайя вздрогнула и открыла рот на лязгнувшие жёлтые двери. Юлий провёл взглядом отъезжающий трамвай.

– Да что с тобой? – нахмурился он.

– Оставь меня в покое, я влюблена, – вздохнула Илайя.

Юлий обезоруженно шагнул назад, огляделся и с полоумным видом уставился на экскурсионную бричку в придорожном кармане, запряжённую неказистым рысачком, и вдруг, недолго думая, схватил Илайю за руку и устремился туда. С вороватой торопливостью он усадил Илайю в коляску, сам прыгнул на облучок и схватил вожжи.

С рысачком было не так легко управиться. С видом глубоко оскорблённого достоинства тот строптиво фыркал, переступал с ноги на ногу и мотал головой, не поддаваясь ни на ободрительные похлопывания, ни на увещательные «но, пошла!», ни на нервные встряхивания вожжами. Наконец, когда Юлий с досадой дёрнул вожжами, лошадь сдвинулась с места – уже под крики очнувшегося хозяина, который точил лясы у газетного киоска.

– Мы могли и пешком пройтись, если тебе так не хотелось ждать следующего трамвая, – на ходу прокричала Илайя.

Её слегка потряхнуло – это лошадь перешла на мелкую рысь.

– Держись крепче! – крикнул Юлий.

Он перебирал вожжи, пристраивая их к рукам. А лошадь, пользуясь его безыскусностью, резво затрусила по проезжей части. Она злорадно и даже с некоторой вульгарностью виляла боками перед Юлием, вздёрнув голову и презрительно похрипывая в сторону сигнализирующих автомобилей.

Илайя, взбудораженная тряской, думала об этом сумасбродстве – бегстве с пары, украденной повозке, своенравном рысаче, неуклюжей поездке с сомнительным исходом, смотрела на верхушки деревьев, крыши домов, фонарные столбы, мелькающие в калейдоскопе неба, и с каждой секундой улыбалась всё шире. И предчувствие чрезвычайных происшествий, и горько-сладкое беспокойство, и неслаженный дуэт Юлия и лошади внушали ей вздорное веселье.

Но тут вдали нравоучительно мигнул и вспыхнул красным светофор.

– Тпрууу!!! – зафырчал Юлий, натягивая вожжи. – Стой! Стой, за-ра-за!

Лошадь встряхнула гривой, как бы в знак того, что вопли Юлия её не касаются, но немного сбавила ход. Илайя схватилась за поручни. Они приближались к перекрёстку, по которому валил поток машин с поперечной улицы. Зазвучали гудки, несколько предостерегающих окликов. Юлий упёрся в подножник и, стиснув зубы, стал, что есть силы, набирать вожжи, отклоняясь назад. Хотела не хотела, но строптивница подчинилась: инстинкт и чужая подавляющая воля заставили её остановиться прямо перед светофором.

Юлий с Илайей облегчённо выдохнули и в ту же секунду встретились взглядами с двумя полицейскими, изумлённо высунувшимися из окон патрульного пыжика, что стоял на посту через улицу.

– Что же вы!.. – вскричал один из них.

Юлий беззвучно поднял руки, словно собирался то ли сдаваться, то ли очень убедительно объясняться, но не смог выдать из себя ни слова.

– Простите, пожалуйста! – закричала Илайя с виноватой улыбкой. – Хотелось быстрой езды. Глупый каприз!

– Дык, вожжи-то как зажал! – патрульный ткнул пальцем в Юлия. – Вот лошадь и легла! Надо верхом зажать, верхом накрой, взагреб!

Юлий с дурацкой миной накрыл вожжи рукой, пропустив их под ладонью, моргнул на моргающий светофор, сглотнул и повернулся поблагодарить полицейских, но те уже отвлеклись: сверху по улице бежал, спотыкаясь и безбожно бранясь, хозяин повозки. Полицейские вылезли из машины и замерли на краю тротуара, готовые перебежать дорогу, как только снова сменится свет.

Юлий, тем временем, тронул присмирившую лошадь и благополучно прокатил следующие три квартала, за которыми размещался супермаркет. С горем пополам, мотыляя вожжами, он затащил рысак на парковку, спрыгнул с облучка и оказался возле Илайи.

– Прошу прощения, сударыня, дальше нам, боюсь, придётся пешком, чтобы нас не повернули по неподходящему маршруту.

С этими словами Юлий помог ей спуститься на землю, и они побежали за супермаркет, откуда, лавируя между домами, через какой-нибудь километр можно было попасть во двор к Юлию. Но уже через минуту они услышали полицейскую сирену, а вскоре и топот погони.

– Чёрт! – Юлий остановился, нырнул пальцами в волосы, лихорадочно озираясь.

– Не останавливайся! Надо бежать! – забеспокоилась Илайя, обгоняя его и тоже сбавляя ход.

– Они нас догонят!

Где-то уже неподалёку колотили асфальт несколько пар бегущих ног. Юлий и Илайя устремились в подворотню, и тут, на их счастье, оказалась открыта дверь в арке. Заскочив в подъезд, они скользнули в затенённое углубление под лестницей. Скоро снаружи послышались голоса, углублённые эхом. Их преследователи, похоже, остановились в арке.

– Они где-то тут, далеко не могли убежать! – пропыхтел один из них, должно быть, бедолага-возничий. – Этот двор глухой. Наверняка прячутся здесь или в том, соседнем. Надо разделиться и обыскать.

– Мы не можем заниматься розыском, мы патрульная полиция, – возразил ему молодцевато-деликатный, но твёрдый голос. – Вам ведь вернули экипаж, чего же вам ещё?

– Они же воры! Грабители! – кровожадно взвизгнул возничий.

– Ну ладно! Пошалили немного, казнить их за это, что ли? Если хотите возбуждать дело – вам следует подать заявление в полицию, дать показания, выедут оперативники и будут искать. А нам пора возвращаться на пост.

– Смотрите, дверь приоткрыта! – возразил первый голос. – Они точно здесь.

Дверь зашлась фальшивым скрипом, как пьяная певица. Юлий инстинктивно подался назад, невольно напирая на Илайю. Она прижалась к его спине и уткнулась носом ему в шею. Он почувствовал, что она дрожит, и в первую секунду решил, что от страха, но потом услышал слабое сопение и понял, что она изо всех сил сдерживает смех. Юлий обернулся и скорчил страшную гримасу, которая ещё сильнее раззадорила её. Илайя зажала рот и вытаращила на него смеющиеся глаза.

– Попались! – рывкнул в пустоту возничий, сунувшись в подъезд.

Он прислушался, пошаркал ногами, имитируя шаги.

– Там ваш экипаж без присмотра, – напомнил полицейский. – Глядите, чтобы снова не увели.

Горемыка матюгнулся и шумно вывалился из подъезда.

Илайя вдыхала запах Юлия, легонько приобняв его, а как только стихли шаги и голоса, оттолкнула его и с хохотом выбежала из укрытия. В подворотне уже никого не было. Илайя неслась через дворы, словно вдохновлённая примером недавней лошадки, то и дело оборачиваясь, гримасничая и улюлюкая. Юлий, мрачно-счастливый, бежал за ней, чувствуя себя одновременно шутком гороховым, растравленным зверем и бесноватым романтиком.

Через пять минут Илайя остановилась отдышаться у его порога. Юлий жил в маленькой квартире первого этажа, выходившей окнами во двор и имевшей крошечный палисадник.

– Ну и какой дальше план? – Юлий опёрся о стену соседнего дома. – Есть мысли, как внутрь попасть?

И вдруг Илайя с бурным восторгом предъявила ему ключ – должно быть, вытащила у него из кармана, пока они прятались в подъезде. Она в два счёта одолела замок, влетела в квартиру, захлопнула дверь у него перед носом и, хихикая себе под нос, метнулась в кухню, где потрясённо застыла в дверном проёме.

Юлий грохнул дверью.

– Кто не спрятался, лучше берегись, – он ринулся, чтобы схватить её, но в следующий миг с таким же растерянным видом остановился на пороге кухни.

Там за столом сидели серьёзный пожилой мужчина и деловитая рыжеволосая девушка и переводили строго-недоумённые взгляды с одной на другого.

И хотя лица неожиданных визитёров Юлия сразу показались Илайе знакомыми, она вспомнила, где именно встречала их, только когда схлынула волна изумления, и они вчетвером оказались сидящими за кухонным столом. Мужчину звали Михаилом, это был отец Юлия. Он жил на другом конце страны, где содержал небольшую фирму по производству мягкой мебели. Юлий обмолвился, что отец с недавнего времени установил торговую линию с местными скупщиками, и потому стал бывать здесь довольно часто, соединяя возможности уладить дела и повидать сына. Именно во время его прошлой командировки и состоялась их случайная встреча с Илайей на арбузном фестивале.

Девушка, которая сопровождала его и тогда, и теперь, – давняя подруга их семьи, выросшая по соседству, ныне выпускница хореографического факультета. Больше ничего о ней, даже имя, Юлий не сообщил. Как выяснилось, они с Михаилом, ранее пробыв у Юлия всего два дня, условились, что, чуть только Михаилу удастся, они приедут насладиться бархатным сезоном.

– Вот, решили устроить сюрприз, – заключил Михаил. Голос его звучал внушительным баритональным басом.

Юлий кивнул и заметил на столе пышный пирог.

– Это мясной? – обрадовался он. – Откуда взялся?

– Танюша для тебя постаралась, – вновь певуче зазвучал Михаил.

Девушка при этих словах взялась за нож и тарелки, подготовленные на краю стола. Тарелок было три.

– Между прочим, пришлось повозиться с духовкой – она была в кошмарном состоянии, – с этими словами она коротко покосилась на Илайю.

– Подозреваю, что до встречи с тобой она была непорочна как бракованная утварь на складах ада, – пожал плечами Юлий, вызывая бурный смех девушки.

Она ловко разделила пирог на дольки и разложила по тарелкам, не забыв добавить ещё одну. Юлий тут же с аппетитом вгрызся в тесто.

– Я твоей матушки пироги ценю как образец, – сказал Михаил. – Уж и не знаю, как тебе удалось, и говорю сугубо между нами, но ты, – он благосклонно понизил голос. – Её превзошла.

– Добавила в мамин рецепт капельку приворотного зелья, – польщённо подмигнула девушка.

Илайя поймала вопросительный взгляд Юлия и кивнула в знак того, что пирог и ей понравился, а Михаил повёл речь о своих диванах: как снизился спрос на них на востоке, и в какой всё в целом пришло упадок, и что давно пора озаботиться переводом бизнеса в столицу, или, как вариант, сюда. Таня слушала его внимательно и, когда он запинаясь, помогала ему подбирать слова. Вспомнив, что она танцовщица, Илайя обратила внимание на её гибкие и лаконичные движения. Они были еле уловимы, но идеально согласованы, и вся она со своими оранжевыми волосами, уложенными на одно плечо, сосредоточенным лицом, привлекательность которого следовала не из естественной его красоты, но из самоуверенности в его красоте, казалась подчинённой неслышному ритму. Неподвижным оставался только её взгляд, устойчиво направленный на Михаила, но в отдельные мгновения он словно терял равновесие и срывался на Илайю, и тогда в нём читалось замешательство, смешанное с решимостью. Илайя же немедленно заметила, что всё, происходящее от Тани, пусть и неочевидно, но устремлено к Юлию: луч, проистекающий из её солнечного сплетения, линии, нарисованные её жестами – с их помощью Таня, ни разу не коснувшись Юлия даже взглядом, словно окружила его.

– И Танюше в нашем городе делать нечего, – продолжал, между тем, Михаил. – Школа там, несомненно, сильнее, но возможностей здесь больше: и публика утончённее, и постановки смелее, и к центру, опять же, ближе. Образование тамошнее будет здесь преимуществом. А что до мастерства, то оно само за себя скажет.

Таня театрально склонила голову в знак благодарности. Юлий повернулся к ней, приторно улыбнулся и закивал. А Илайя, минуту назад молчаливо-беспечная, вдруг поникла, как водоросль, вынутая из воды: её с опозданием захватило чувство чуждости, внушавшее желание поскорее уйти. Уставившийся на неё Юлий перестал слышать разговор и опомнился, лишь когда Михаил повысил голос.

– Что-что?

– Я говорю, может быть, представишь нам свою подругу?

– Илайя... – не представил, а будто позвал Юлий.

– Таня, – девушка привстала и протянула ей руку – точно фарфоровую против загорелой руки Илайи. В её взгляде читалось умеренно-благосклонное любопытство в паре с чувством собственного превосходства – так мог бы заезжий маэстро, потакая случайному своему капризу, смотреть премьеру провинциального театра, искренне считая пьесу неплохой лишь благодаря собственному к ней интересу, но обречённой утратить всякую прелесть, чуть только этот интерес иссякнет.

Михаил лишь коротко кивнул в сторону Илайи и продолжал:

– Сегодня уже поздно куда-то собираться, да и мы с дороги устали. А завтра выспимся, дождёмся тебя из университета и все вместе рванем в центр. Танюша уже сочинила культурную программу, и даже ресторан выбрала.

– «Империи» на Парижском бульваре, – воскликнула Таня. – Я посмотрела фотоотчёты гостей, почитала отзывы и загорелась там побывать. Мы ведь и диплом мой ещё не отметили, – тут она запнулась, заметив решительное намерение в лице Юлия.

– Квартира в вашем полном распоряжении, – проговорил он. – Но моё время принадлежит Илайе.

– Но не тогда, когда у тебя гости, – нахмурился Михаил. Он ответил так скоро, словно только и ждал этой фразы.

– Я бы не хотел ссориться, но если мы будем развивать тему, нам этого не избежать.

Михаил с полминуты сверлил его взглядом, но ничего не сказал.

– Ладно вам, чего вы надулись, – примирительно вмешалась Таня. – Мы-то не знали ничего... о твоих увлечениях. И, естественно, рассчитывали на твою компанию. А когда я

нашла вот это, – она отклонилась к холодильнику и стянула сверху какой-то буклет. – То решила, что ты собираешься пригласить нас на фестиваль ветра.

Юлий и Илайя одновременно вздрогнули.

– Что там такое? – кивнул Михаил.

– Фестиваль «Избранник ветров». Состоится в эту субботу в Летнем театре, – зачитала Таня. – В программе фестиваля: эксклюзивный иллюзионистский перформанс, черлидинг-балет «Квадрокоптер» с шоу «Полёт дрона», этно рок группа «Феникс», тематические квизы и экспромт-розыгрыши, экзотическое угощение от лучшего шеф-повара города, коктейльный мастер-класс, а также гвоздь программы – феерическое сражение на японских воздушных змеях роккаку. Самое грандиозное событие года, которое ждёт в гости весь бомонд страны. Победитель соревнования получит символ фестиваля – трехмерную спираль, вылитую из золота. Ископаемый какой-то приз, – покачала головой Таня. – Золотая спираль стоимостью десять тысяч долларов! А, вот приписка: по желанию победителя золотая спираль может быть заменена эквивалентным денежным призом. Участие бесплатно, – Таня покрутила буклет в руках. – Зачем человеку хранить приглашение на фестиваль, если он не собирается туда идти. Вот я и решила, что ты приготовил это для нас.

– Откровенно говоря, я не ждал вас так скоро, – сказал неожиданно присмиревший Юлий.

– У тебя есть возможность исправиться, – буркнул Михаил.

– Давайте пойдём! – загорелась Таня. – Это же явно ивент сверхъестественного масштаба. И совпало с нами! Ни за что вам не прощу, если вы откажетесь. Ну? Дядя Миша! Юлий!

– Кому, интересно, понадобилась такая шумиха? – заинтересовался Михаил. – А что там сказано: кто организатор фестиваля?

– Тут с десятков спонсоров, – Таня уткнулась в буклет. – Банк, супермаркет, агентство недвижимости, оператор связи. Ага, вот! Организатор – Мира Манн.

– Кто это? – спросил Михаил.

Юлий метнул недоумённый взгляд на Илайю. Та покачала головой.

– Вы не знаете Миру Манн? – раскрыла рот Таня. – Как её можно не знать? Она же самая красивая и утончённая женщина за всю историю человечества. Новейший кумир интернет-сообщества. Пару недель назад в сети появился снимок с Каннского кинофестиваля, где она сопровождает одиозного бизнесмена Марата Пандробана. Этот снимок взорвал сеть. И сегодня её рейтинги бьют все рекорды. Самое интересное, что до появления в Каннах она была совершенно непубличной фигурой – у неё нет даже профиля в социальных сетях. Личность-загадка. О её происхождении слагают легенды. Самая расхожая – будто бы она биоробот, разработанный по специальному заказу Пандробана, – слишком уж невероятная красавица. Я читала пост, в котором эксперты по робототехнике называют даже цену, которую олигарх выложил за свою электронную невесту – три миллиарда долларов. Поверить не могу, что её можно будет увидеть живьём.

– Угу, – с разоблачительным видом промычал Михаил. – Теперь понятнее. Видать, этот туз метит в губернаторы.

– Мы обязаны там быть! – возбуждённо встрепенулась Таня. – Пусть Юлий не ходит, если не желает, но мы с вами, дядя Миша, пойдём. А если и вы не согласитесь, – добавила она воинственно. – То я пойду одна!

Тут Юлий встал. Таня воодушевлённо шагнула к нему.

– Сейчас нам надо уйти, – сказал Юлий. – Извините. Илайя... – с этими словами он торопливо вышел из кухни.

Илайя послушно встала, кивнула в знак прощания, когда на ней сошлись взгляды Тани и Михаила, хранящие след недоумения, и, так и не произнеся ни слова, вышла за ним.

Юлий пошёл очень быстрым сердитым шагом вон со двора и дальше по улице, петляя между прохожими, и ни разу не обернулся, пока не оказался в невзрачном придорожном сквере. Здесь он развернулся, шагнул к Илайе и, прежде чем она успела дать волю рвущимся на свободу словам, крепко обнял её.

– Нужно немедленно снять квартиру, – сказал он спустя несколько минут.

– Мы сможем видаться в Асседии, – мягко возразила Илайя.

– Поедем прямо сейчас, – он взял её руку и прижал к губам.

– Не могу. Мама ждёт меня дома.

Он закивал с обречённым видом.

– Прегадко получилось с фестивалем. Я хотел подобрать правильный момент, чтобы рассказать тебе. Я опасался плохой реакции...

– Ты опасался, что возврат к спирали может оттолкнуть меня? Но всё изменилось...

– Так, – сказал Юлий, соображая. – Означают ли твои слова, что ты хочешь снова попытаться овладеть силой?

Илайя моргнула.

– Я хочу узнать всё, что возможно, о спирали. Найти в ней смысл, – сказала она. – Сложно поверить в случайность этого фестиваля – он как будто специально организован, чтобы пригласить нас. И, наверное, безопаснее проигнорировать его, но меня тянет сходить туда и попытаться понять, как это связано со мной.

Она заметила, что Юлий снова помрачнел.

– Юлий... – дрогнувшим голосом сказала Илайя. Её пальцы задрожали, она спрятала их в кулаки, но дрожь не унялась, а распространилась на руки. В сосудах начиналось бурление, предвещающее приступ силы.

Юлий качнул головой.

– Я вдруг вспомнил, как всё окончилось в прошлый раз, и засомневался...

– Юлий...

– Я же не потеряю тебя опять – как думаешь?

Он осёкся, ощутив пощёчину как с цепи сорвавшегося ветра. Тот пронёсся зигзагами снизу вверх, разметая пыль и скользя по кронам, поднялся к облакам, стягивая к себе, словно боевые отряды, мелкие порывы, и надвинулся на город теснящим куполом. Юлий увидел бесшаровые глаза Илайи, в глубине которых ему почудилось какое-то вращение, и реющие пряди её волос. И вдруг всё стихло.

Женщины в глубине сквера, перепуганно похватавшие детей, хоть и поглядывали на небо с опаской, похоже, уже передумали расходиться. Юлий смотрел на Илайю и понимал, что в его глазах отражается именно то, что он чувствует – страх.

– Значит, эта фантазия стала реальностью? – пробормотал он. – Каким образом?

– Я упала, – сказала она. – И как бы треснула. И потом как будто очистилась. От фантазий, от целей, даже от чувства времени. Всё внутри стало каким-то беспредельным и проходным. Оно пропускало всё и входило во всё само, понимаешь? Я могла дотянуться до чего угодно. И оно само пришло ко мне. Нахлынуло на меня. Вот как сейчас...

– Выходит, я только мешал тебе.

– Ты был прав! – воскликнула Илайя. – Может быть, не во всём. Но в главном ты был прав!

Юлий глубоко вздохнул.

– Поэтому ты решила вернуться? Потому что всё получилось?

Илайя замотала головой.

– Я не возвращалась, Юлий. Это ты вернулся за мной. А я с самой первой минуты просто последовала за тобой. Но в какой-то момент не смогла справиться одновременно со своими чувствами к тебе и... с тем, чего ты требовал от меня, – Илайя говорила, взмахивая руками,

не позволяя Юлию, который хотел вставить слово, прервать себя. – Это было мучительно – понимать, что человек, к которому меня так сильно влечёт, увлечён мною лишь как феноменом. Я надеялась, что смогу освободиться, если остановлюсь. Но, видимо, что-то уже бесповоротно сместилось во мне, и я не могла обходиться ни без одного, ни без другого. Когда ты пришёл ко мне в Асседию в ту ночь, я увидела, что тебя привели не твой азарт и не твоё любопытство, и позволила себе дерзкую надежду, что и ты не вполне равнодушен лично ко мне, а не к той головоломке, которая нас объединила поначалу. Нет, дай мне сказать, Юлий, – она отступила от его протянутых рук. – Меня огорчает, что ты снова пытаешь связывать вещи, которые существуют для меня без всякой связи друг с другом: ты и спираль...

– Я всё понял, не говори!

– Я боюсь, что мои слова звучат так, словно я придираюсь к тебе. Но я ничего не требую от тебя! Меня захватила какая-то эйфория, и потом... твой отец и эта девушка – их появление сбilo меня с толку. Это твои близкие люди, я осознаю это, но, прости мне эти слова, лучше бы я никогда не встречалась с ними. Я должна взять себя в руки, но... что я могу поделать?

Юлий решительно шагнул к ней и, преодолевая уже слабое сопротивление, прижал её к себе, одновременно роняя на землю жужжащий телефон.

Глава 2. Сражённый совершенством

Таких домов, как этот, в городе было раз, два и обчёлся. Его и домом назвать бестактно – особняк с замковым геном. Внебрачная дочь мюнхенского Нойшванштайна, заточённая в малоосные координаты провинции, с фарфорово-белыми стенами, выдающими её породу; она скрыла от глаз прохожих свою безукоризненную конституцию и диковатое величие за сплошным четырёхметровым забором, и лишь гордо поднятый над ним лоб с затеняющим его пурпурным зонтиком крыши позволяли вообразить масштаб и глубину её неприступной роскоши. Экзотический экстерьер и характерная судьба дома послужили причиной тому, что в народе его прозвали Гейшей.

Гейша занимала баснословный, по прибрежным меркам, участок – в 20 соток. Кроме Неё в тихом переулке, который кончался удобным спуском к Золотому побережью, было ещё пять домов, тоже красивых, но существенно скромнее.

В четверг 12 сентября около одиннадцати утра хозяин Гейши, Марат Игильманович Пандробан, подъехал к дому на чужой красной феррари. Марат Игильманович был чистопёрым жаворонком и очень гордился этим свойством, которому приписывал львиную долю своего успеха: он вставал в половине пятого, чистил зубы электрической щёткой, наряжался в хрустящую рубашку и тёмный полосатый костюм, выпивал чашку растворимого кофе с круассаном, а по особым дням – с маковым кренделем, и в пять утра уже нырял в нагретый или охлаждённый, по сезону, рендж ровер. Иногда у него случалось романтическое настроение, и тогда он велел водителю сделать небольшой крюк и заехать на пруды в дендропарк, где, предаваясь меланхолии, встречал рассвет. И хотя этот четверг существенно не отличался от других будней Марата Игильмановича, он приехал именно на феррари, а не на своём ровере неслучайно, и, первым делом, бросил взвинченный взгляд на три верхних окна, которые были плотно зашторены, затем заглянул в жерло автомойки: убедился, что ровер благополучно добрался до дома, с приятным чувством констатировал удачное его сочетание с чутко дремлющим по соседству астон мартином, и вошёл в дом, моментально ощущая на себе бесшумную и круглосуточную его суету. Она производилась ловким и многочисленным, как муравьиный рой, домашним персоналом, в выверенном, оптимальном для хозяина ритме, неразличимая, но смутно улавливаемая, как радиоволна, проходящая по границе восприятия, и действовала на него успокаивающе.

Марат Игильманович был невысокий, мелкой комплекции человек с миловидным, но плохо отёсанным лицом, линии которого немного просели под грузом его авторитета, и какой-то непродуманной стрижкой с запущенными висками и топорщащейся чёлкой. Кое-кто уверял, что невзрачно-располагающий вид Пандробана (тогда как от человека с такой фамилией ожидалось, что он крупный длинноногий изувер-педант), имел парализующее действие на оппонентов, а довершали эффект глаза: под слоем разноцветного, приветливо блестящего на солнце льда в них таилась беспощадность. Несмотря на свою заурядную внешность, Марат Игильманович имел большой успех у женщин самых разных возрастов, и всех, как на подбор, не только роскошных и состоятельных, а и самодостаточных в своей состоятельности, и подавляющее большинство его любовниц были к нему искренне привязаны.

– Машину, что я просил для неё, помыли? – спросил он, проходя каминный зал, отделанный в классическом английском стиле и со вкусом обставленный, на что получил короткий глухой ответ от незримого человека. – Почему я не видел на мойке? Она попросила поставить во двор? Сама? Или запиской?

Марат Игильманович вдруг развернулся и направился в кухню, где бывал за всю жизнь, может, раз десять.

– Кофе закупили, что она любит? – спросил он с порога у женщины с измождённым старостью лицом.

– А как же, – ахнула та, расплескав от неожиданности мыльную воду, в которой купала посуду.

Марат Игильманович поморщился на пенную крошку на столешнице и ретировался.

– Отчёт по прессе у вас на электронной почте, – сообщил ему голос, старавшийся звучать ровно и глухо, но на четвёртом слоге предательски прорезался его металлический тенор.

– Где?! – рывкнул Марат.

В результате полусекундной перетасовки по правую руку от хозяина возник Аркадий, управляющий делами, который устраивал Марата всем, кроме своего труднопроизносимого имени.

– Всё распечатано, вот, – он сунул в смуглую руку Марата ворох глянцевої бумаги.

– Это новенький, что ли?

– Относительно.

– Так чего лезет?

Аркадий не стал объяснять, что ждал хозяина у лифта, тогда как тот вдруг предпочёл лестницу и наткнулся на новичка.

– Это не тот холостяк, которого я забраковал?

– Это другой. У него жена...

– А дети? – грубо перебил Марат Игильманович, исходящий из принципа, что услуга, которой нечего терять, есть ненадёжная услуга.

– Ждёт двойню.

– Хорошо.

Поднявшись на третий этаж, он бросил прессу на консоль и лениво пролистал.

– Что здесь примечательного?

– В основном, нейтральные светские байки. Есть один неприятный актив.

– Говори, – приказал Пандробан, но тут сам всё увидел.

Иллюстрация к статье изображала карикатуру на популярный снимок Миры с красной дорожки Каннского кинофестиваля. Красная дорожка имела вид ленточного конвейера, посреди которого стояла Мира, а вместо фотообъективов на неё были нацелены промышленные манипуляторы. Заголовок гласил «Миработ покоряет Канны».

– Миработ? Что за чёс? – он с недоумённым отвращением повернулся к Аркадию.

– Какой-то креативщик сделал вброс про Миру, будто бы она суррогат.

– Чего?!

– Ну, робот. Канадского производства, – Аркадий помялся и выпалил. – Типа, современная секс-кукла. Неживая. Сочинили имя – Миработ.

– Какая же тупая школоты.

– Тему подхватили с большим энтузиазмом – как говорят интернетчики, пипл схавал с аппетитом, – и теперь активно развивают.

– Понял, проехали, – кивнул Пандробан, который, вместо того, чтобы взбеситься, как ожидал Аркадий, казался позабавленным. – Что камеры эти воздушные – больше не летали?

– Был один.

– Как, был? Где? Над домом?

– Над соседним.

– Им же радиус запретный очертили по суду! Они вообще страх потеряли?!

– Это новый какой-то, в судебном решении не указан. Мы его пробиваем по всем базам. Документы готовы, завтра-послезавтра сделаем на него судебный запрет.

– Хули его пробивать, ждать я ещё должен! Он за два дня про меня Санта-Барбару успеет снять, – повысил голос Пандробан. – Только заметите – сбивайте. Тут моя частная территория

и приватная жизнь. Они по-любому права не имеют снимать – я не знаю, где это написано, я не юрист, но я, мать твою, чувствую, что должен быть такой закон.

– Вонь будет, если сбить и свалится на кого-то... – осторожно возразил Аркадий. – Формально это не запрещено. Очень она их интересуется – идут на риск.

– Суки, – процедил Пандробан. – И что, засекли её?

– Нет. Её во дворе трудно застать, а если и выйдет, то шляпу покажет – это максимум.

– Ясно. Где она была?

– Сегодня вообще не выходила. Завтрак забрала час назад.

– Кому звонила?

– Только переписывалась в мессенджере. Всё здесь, – Аркадий извлёк из нагрудного кармана запечатанный конверт и протянул хозяину. – Все адресаты – сотрудники агентства, которое занимается фестивалем.

– Фестиваль этот... – вспомнил Пандробан, пробегая глазами переписку. – Когда он, кстати?

– Послезавтра.

– Во сколько легла?

– В два часа ночи погасила свет.

Пандробан упёр кулак в консоль, словно гирию опустил, чтобы погасить колебание внутренних весов. Но это не помогло. Он испытующе глянул на Аркадия.

– Ты абсолютно уверен, что она никуда не выходила ночью?

– Абсолютно.

– В окно она не могла вылезти? – глупо спросил Марат Игильманович.

– Повсюду камеры, – растерянно проговорил Аркадий.

Его смущала эта странная фобия хозяина насчёт побега его любовницы: он знал, что у Марата Игильмановича чуйка на опасности, и за долгие годы службы научился доверять ей. Постоянные сомнения касательно Миры заразили и самого Аркадия, который стал, пока беспочвенно и молча, подозревать в ней засланца конкурентов или, ещё хуже, правоохранительных структур.

– Поставь камеры внутри, – распорядился Пандробан, направляясь в глубину этажа.

– Я уже ставил раз, – напомнил управляющий. – Она их мгновенно обнаружила и вырвала с проводами.

Пандробан вернулся к лестнице и понизил голос.

– Поставь те маскировочные, что в потолок зашиваются, или куда там, в стены?

– Для этого нужно время, – сказал Аркадий, скребя лоб.

– Я тебе обеспечу. Заберу на день или два куда-то в цивилизацию. А ты за это время реши проблему.

– Принято, – кивнул управляющий и исчез.

Пандробан замер перед резной дверью, украшенной серебряной росписью – самой красивой в доме. С колотящимся сердцем и похожим чувством полной неизвестности много лет назад, молодым таможенным брокером, он стоял перед дверью следователя прокуратуры в ожидании вызова на свой первый допрос. Из следственного изолятора через четыре месяца после того дня вышел другой Марат Игильманович – то был человек, давший себе слово больше никогда не оказаться в ситуации, последствиями которой он не может управлять. И вот теперь, стоя у двери Мириной спальни, в собственном доме, он вдруг остро испытал давно забытое чувство отсутствия всякого контроля. Из-за двери не доносилось ни звука. Сердце Пандробана ёкнуло от безумной мысли: а вдруг там никого нет. Они дали ей сбежать и устроили клоунаду, чтобы выиграть время.

Он постучал. Подождал ответа секунду и толкнул дверь. Та не поддавалась. Он опять зата-
рабанил, и поскольку изнутри не раздалось даже шороха, стал пинать её, одновременно истя-

зая оглушительными ударами. Когда, уже вне себя от ярости, он мысленно поклялся сию же минуту снести её ко всем чертям, что-то щёлкнуло у него в суставах, и рука машинально рванула дверь на себя. Та, содрогаясь от ненависти и унижения, открылась.

Мира стояла спиной к двери у зашторенного окна. В своём домашнем платье с открытой спиной, чей тёмно-синий атлас струился по телу, словно ленточный водопад, уходя в безмолвные дебри земли. До самого ада, подумал Пандробан. Спина её, избежавшая целомудренного плена тканей, угодила под броню волос, которые Мира обыкновенно оставляла распущенными.

У Пандробана перехватило дух, и в следующий миг он почувствовал слабость и ломоту во всём теле, будто его сразил смертельный вирус. С минуту он истязал себя мысленными пощёчинами, молясь, чтобы Мира не обернулась и не освидетельствовала его замешательство. Она, впрочем, судя по её ледяной неподвижности, не собиралась не только оборачиваться, но и замечать его присутствие. И хотя апатичность была свойственна Мира всегда, Пандробану чудилось, что нынче она ещё более неприступна, чем обычно.

Увидела-таки феррари, догадался он и на мгновение пожалел о своём бахвальском поступке, совершённом именно чтобы подбросить ей улику измены. Или её взбесила публикация о Миработе. Эти мысли приободрили Пандробана, ведь и в том и в другом случае искоренение причин её расстройства было в его власти, а Мира оставалось только потребовать этого.

– Уж не солнце ли, что вылезло вопреки обещанному дождю, омрачило твой день? – гнусаво осведомился Марат Игильманович.

Мира довольно резко повернула голову. Смуглый матовый профиль её был сонно-безмятежным: если бы Пандробану позарез понадобились сомнения в том, что его борьба с дверью и самим собой прошли мимо Мириного внимания, то их пришлось бы притягивать за уши.

– Или кофе был недостаточно крепкий? – он покосился на пустую посуду у кровати.

– Кофе хороший, – сказала Мира.

Она отступила от окна, волоча за собой потушенный взгляд, обошла велюровое кресло, опустила в него и облеклась в свои мысли.

– Но ты озабочена. Плохой сон?

– Я не вижу снов.

– Никогда?

– Сны приходят за теми, в ком не слишком нуждается явь.

Пандробан ухмыльнулся. Его забавляло, когда она выражала свои воззрения, – даже самые несуразные, в её устах они звучали как занимательные открытия.

– Как продвигается подготовка к фестивалю? Не возникло ли каких-то проблем или трудностей? Не требуется ли моё вмешательство?

– Никаких трудностей.

– Что твои фокусники – согласились?

– Благодаря дипломатическому таланту Аркадия. После разговора с ним у них не осталось аргументов для отказа.

– Шикарно! – обрадовался Пандробан, машинально потирая руки. – Змеев доставили?

– Роккаку, – поправила Мира. – Да, вчера.

– А улитку?

– Спираль доставят завтра.

– Могу я спросить, почему такой странный символ? Я не бог весть какой эстет, но художественная прелесть этой байды вызывает даже у меня лёгкое несварение.

– Почему тебя это интересует?

– Хочу знать всё о своём сопернике, – с игривым вызовом сказал Пандробан и, уже пьяный от адреналина, рухнул в кресло против неё, подставляясь под залп её чар. Он подал ей повод проявить причину своей холодности, если бы она была связана с его утренней выходкой,

но Мира оставалась непроницаемой. – Не замечал раньше, чтобы что-то так сильно увлекало тебя...

– Всё благодаря твоей щедрости, – сказала Мира, и он не сумел нащупать в её тоне ни обиды, ни иронии. – И чуткости.

– Мира, я хочу увидеть список гостей.

Она испытующе посмотрела на него, и он сделал то, что его неприятели расценили бы как слабость – объяснил ей своё требование.

– Убедиться, что найду в нём твоих родителей.

Её губы не дрогнули даже в порыве что-то соврать. Продолжать расспрашивать её значило разоблачить блеф своей осведомлённости. Все его старания что-либо выяснить о её жизни до того рокового момента, когда его камеры зафиксировали её, совершенно голую, спящую на уступе склона в нескольких метрах от забора Гейши, ничего не дали. Пандробан подумывал даже объединиться с журналистами, которые вели параллельное расследование для сбора досье на Миру, но горе-детективы оказались не более успешны, чем он, поэтому им оставалось лишь сочинять легенды, одну сенсационнее другой, о происхождении и целях этой женщины. Самого же Марата Игильмановича всё сильнее беспокоили его осечки.

– Есть одна просьба, которую, я надеюсь, ты уважишь, – отвлечённо сказал Пандробан. – Я забронировал два билета в Париж на конец следующей недели.

Что-то вроде насмешки уловил он в её слегка оживившемся лице, которое отражало все его намерения, стоящие за этим предложением. Почему именно сейчас эта женщина, игнорировавшая все его подтексты, давала ему понять, что понимает больше, чем он хотел бы дать ей понять?

– Зачем? – спросила Мира.

– Нынешние выходные пройдут, как тебе по душе. А я имею право на следующие. Хочу уединиться в романтической обстановке. Мини-отпуск в лафовом городе.

– Хорошо, – сказала Мира, уводя и погашая взгляд.

Непредсказуемость её реакций, натуральная или кажущаяся безучастность к тем беспроигрышным уловкам, на которые отзывались даже самые искушенные из его женщин, ненавязчивое, но неуклонное лоббирование собственных неясных интересов, виртуозное лавирование среди ловушек, расставленных для её «инкогнито» профессиональными сыскарями, приводили Марата к выводу, что она либо умнее, чем он, либо абсолютно равнодушна к нему, и он не мог выбрать, какой вариант бесил его сильнее.

– Возвращаясь к списку гостей, – раздражённо сказал Пандробан. – Ты же не против, если я приглашу Родомских?

– Нет.

– Уверена? – вдруг рявкнул Марат.

Мира пожала плечом: оно отпружинило, как патрон от движения затвора.

– Ты ожидал, что я не пушу её на праздник лишь потому, что ты спишь с ней?

Его виски пронзила ультразвуковая игла.

– Мира... – требовательно проговорил он, млея от холодного гнева и страсти.

Она махнула ресницами, как бабочка крыльями, сдувая взгляд в сторону.

– Мира... – повторил он, тяжело дыша. – Скажи мне, в этом причина твоего настроения?

Она не шелохнулась.

– Мира!

Она удостоила его гордым ненавидящим взглядом, который ублажил его сердце. Он собрал руки в замок на коленях, посмотрел на неё молодцеватым взглядом, несколько раз глубоко вдохнул, заговорил ровно, повествовательно.

– Мира, я не святой. Ты это знаешь. Раиса, Карина, Доминика. Интересные... эээ... женщины всегда были частью моей жизни. Само собой, что это задевает тебя, – он сделал паузу

проверить, внимательно ли она слушает. Она старалась, как ему показалось, сохранять невозмутимость. – Если какой-то хорёк начинал вещать про привязанность только к одной женщине, я считал, что дело в импотенции. Но, как говорится, пути Господни неисповедимы. Наверное, всему своё время. Я думаю о взрослении, Мира. О новом этапе в жизни. И причина этим мыслям – ты, – он отклонился от спинки кресла и стал смотреть на неё в упор, призывая её взгляд. – Если мои связи с другими женщинами заставляют тебя страдать... Если в этом причина твоего равнодушия! – он проследил за витиеватой траекторией её очнувшегося взгляда, который, в конце концов, достиг его глаз. – Если бы ты дала мне знать, если бы хоть намекнула! Но хрена с два! Ты никогда не покажешь свою слабость! И это я в тебе уважаю и ненавижу...

Она покосилась на него уязвлённо и высокомерно, безошибочно угадывая наилучшую приправу для перцово-медового зелья, которым он сейчас сам себя потчевал.

– Я никого не хочу, Мира. Впервые в жизни я хочу сам кому-то принадлежать. Ты – олицетворённый смысл того, к чему я шёл. Ты больше этого! Ты воплощение тех моих желаний, которые я бы не смог даже сформулировать. Я бывал в самых экзотических местах, наслаждался лучшими женщинами, я рисковал капиталами, своим и чужими, я выпутывался из адских тенёт. Но все мои прежние достижения были похожи на наркотик: после короткой эйфории – бездна бессмыслицы. До моей встречи с тобой. И вот моя жизнь кажется мне убогой. Стремления – пустыми. Я тысячу раз задавал себе вопрос: чего я хочу? Ответ один: я хочу, чтобы ты была моей. Будь моей, Мира, и я буду твоим безраздельно. Если ты видишь, что этому мешает что-то, что в моих силах исправить, скажи мне об этом прямо.

Её лицо неуволимо смягчилось, глаза сделали круглее и потемнели.

– Не в моих правилах просить о чём-то мужчину, – сказала Мира. – Всё, что делает мужчина – его личный выбор. Но в силу справедливости право личного выбора есть и у меня.

Пандробан, расплённо глядя на неё, слегка шевелил челюстями – словно пережёвывал её слова.

– Одно из самых сильных разочарований в моей жизни связано с мужчиной, который доверял своим сомнениям больше, чем мне. Он был верен мне, внимателен и почтителен. Не было вершины, которую бы мы не одолели вместе. До той минуты, когда я узнала, что он установил за мной слежку. Изображая любовь, чуткость и преданность, он предпочёл потакать своим фобиям. Конечно, он сказал бы мне, что делал это из страха потерять меня, ради моей же безопасности, он нашёл бы тысячу фальшивых противовесов этому предательству, – если бы смог. Но я просто исчезла из его жизни.

– Он не делал попыток вернуть тебя? – спросил обуреваемый ревностью Пандробан.

– Поначалу – да. Но потом осознал, что нельзя вернуться к пустому месту. Он сумел увидеть моими глазами, и в этом ракурсе не нашёл в мире самого себя.

– Где он сейчас?

– Его давно нет в живых, – сказала Мира со светлой полуулыбкой.

– Как он умер?

– Говорили, что покончил с собой. Причин я не знаю. Не знаю даже, правда ли – самоубийство. Примерно через два месяца после нашего расставания.

Пандробан побледнел. Его штормило от мутной, зловонной и нарастающей тревоги.

– Ты точно не любишь его больше? – тихо спросил он. – Или только стараешься разлюбить?

Его грудь сдавил спазм от Мириного весёлого хохота, и терзавшая его дрянь выплеснулась из него с оглушительным выдохом. Мира провела рукой по его лицу, разглаживая взбаламученные воды внутри него.

– Тебе следовало выучить меня получше, – она коротко прищурилась.

Вот был тот миг, которого он чаял много дней – вот она в мгновение ока оказалась, наконец, здесь, в его доме, то ли в его, то ли в своей спальне, хотя он не чувствовал, что рядом

с ней оставалось ещё что-нибудь его, словно она присвоила всё вокруг в комплекте с его душой. Он вцепился в неё так, словно она была деревом на отвесной скале.

– Мне жаль твоего бывшего, – признался он, лёжа на её обнажённых коленях, вдыхая запах собственной спермы и дым собственной сигареты.

– Глупо жалеть людей. Они обретают то, к чему стремятся. Слепо или преднамеренно, – сказала она, лениво лаская его волосы.

Одевшись, они некоторое время сидели рядом на кровати. Мира, по своему обыкновению, – выпрямив спину и скрестив руки на коленях. Он – обнимая и поглаживая её плечи.

– Ты носила другое имя? – спросил Пандробан.

– Да, – просто сказала она.

– А в тот день, когда Аркадий заметил тебя на уступе и позвал меня, ты намеренно оказалась там? Или случайно?

– Я часто загорала поблизости.

– И всегда голой? – промычал Пандробан.

– Разумеется, – Мира с достоинством качнула головой. – Однажды я увидела тебя на террасе. Ты был с женщиной.

– С Кариной.

Мира брезгливо пожала плечом, которое он тут же страстно поцеловал.

– И решила попасться мне на глаза? – растроганно проговорил Марат Игильманович.

– Я просто загорала, не стыдясь твоих камер, – сказала Мира, своей уклончивостью доказывая его тщеславие.

Из спальни энергичным шагом вышел суровый Марат Игильманович. Аркадий предупредительно ждал его у лифта.

– По камерам пока отбой, – распорядился Пандробан и деловито затрусил по лестнице.

– Я ничего не устанавливаю, – уточнил управляющий утвердительным тоном.

– Я же сказал: пока отбой.

Глава 3. Отчаянные решения

– Я не стану обременять вас своим именем – те, кому оно однажды станет интересно, выяснят его самостоятельно, – молодой лектор выступил из-за стола: гладко выбритый, в припаленном коричневом костюме, голубой рубашке и галстук в тон костюму. У него было широкое выразительное лицо с крупными рыжими бровями и цепкий взгляд, подёрнутый лёгкой дымкой. – Думаю, многие из вас задавались вопросом: зачем ботаникам культурология, – он благосклонно растянул губы в ответ на оживление в зале. – Что, по-вашему, предполагает мой предмет? Думаете, мы будем твердить иностранные имена, цитировать мудрёные умозаключения и дотягивать за уши хлюпкие выводы унылых доцентов о влиянии культурного феномена на благополучие общества? И не надейтесь! Что есть культура? Культура – это результат фильтрации всех наработок и изысканий. Если философия мать всех наук, то культура – трейлер ко всем наукам и тизер познания. Всё, что человечество назначило истиной, всё, что в принципе достойно внимания в истории человечества, всё это здесь и сейчас, для вас. Будьте готовы задаваться нетривиальными вопросам и находить удручающие ответы. Знакомство с культурным наследием человечества столкнёт вас с самими собой, заставит усомниться во многих жизненных решениях, включая и выбор профессии. И в качестве пролога к нашему курсу я предлагаю вам выполнить небольшие тестовые задания: они у вас на столах.

В первом задании студентам предлагалось составить ассоциативные ряды к следующим словам: «созидание», «разрушение», «продать», «отнять», «определённость», «игра», «доверие», после чего ответить на вопрос: «Листья стареют и умирают. Каким листом окажетесь в старости вы и почему?»

Второе задание было очень интересным – предлагалось шесть известных картин, которыми нужно было распорядиться следующим образом: одну картину выделить для фойе театра, другую – передать в детский реабилитационный центр, третью – отдать церкви (или религиозной общине), четвёртую – повесить в приёмной своего офиса, пятую – подарить возлюбленному и, наконец, шестую оставить для своей спальни. Картины были такие: парящая плодоносная «Весна» Боттичелли, «Ночная история» Рубенса, на которой в свете свечи мерцают вопросом лица старухи и девочки, «Суд Соломона» Пуссена – эпическое полотно с матерями, совершающими выбор у трона напряжённо выжидающего царя, «Дом печали» Мункачи, оплакивающая приговорённого к смерти бетьяра, «Композиция Х» Кандинского – разноцветный ритмический ансамбль на чёрном фоне, и «Сын человеческий» Магритта, изображающая делового мужчину под пасмурным небом, лицо которого скрыто зеленеющим яблоком. В решении требовалось не только распределить картины, но и объяснить свой выбор.

Третье задание, заключавшееся в том, чтобы написать формулу Чёрного квадрата, поставило Илайю в тупик. Она таращилась на него большую часть пары и лишь с сигналом к сдаче работ шлёпнула последнее, что пришло на ум: $\infty \cdot 0$.

– Время, к сожалению, – сказал лектор, отвлекаясь от книги, которую читал, величаво покачивая ногой. Он отключил будильник и поднялся навстречу хлынувшему потоку студентов. – Я рад наблюдать, что предложенные задания увлекли многих из вас. И пока вы сдаёте, коротко разьясню смысл вопросов, на которые вы отвечали. Итак, первое задание – ассоциации: это тест на определение психотипа по моей авторской классификации, о которой я расскажу вам на следующей лекции. Заключающая его нотка о стареющих листьях позволит определить абстрактно-образный или формально-логический тип вашего мышления. Второе задание – этико-культурологическая дилемма, которая, с одной стороны, поможет вам немного конкретизировать собственные предпочтения в искусстве, а, с другой, продемонстрирует, как каждый из вас разрешает для себя конфликт «личный интерес – интерес малой социальной группы – общественный интерес». И, наконец, моё любимое – третье – задание: оно вдохнов-

лено коанами – алогичными, часто парадоксальными вопросами или сообщениями, практикуемыми дзен-буддистами для выхода за рамки мыслительных и познавательных шаблонов. Спешу успокоить тех, кто продолжает лихорадочно строчить, что правильных или неправильных ответов на сегодняшние вопросы не существует. Ваши ответы – лишь отражение ваших сущностей. Чем более они искренни – тем более информативны. В любом случае, плохие оценки никому не грозят.

– В том-то и дело: интересно ответить, как следует, – крикнул парень из верхнего ряда.

– Я буду рад вдвойне, если ради исчерпывающего ответа на эти вопросы кто-то пропустит перекур, – с достоинством сказал лектор.

– Вопросы интересные, но перекур! – фамильярно возразил студент, вскакивая и хватая со стола свою работу.

Илайя мчалась в университетский сквер, где они условились о встрече с Юлием сразу после лекции, но лавочка, где должен был ждать он, оказалась занята кем-то другим. Илайя притормозила и собралась тихонько повернула оттуда, но девушка, сидевшая на скамейке, поднялась ей навстречу, и перед Илайей вспыхнула знакомая рыжина. Илайя узнала Таню.

В элегантном кардигане, не по погоде жарком, досрочно надетом в угоду последнему веянию моды, она бойко зашагала к Илайе, вытянув перед собой руку, как бы готовая схватить её и вести за собою силой, если придётся.

– Привет, не возражаешь немного задержаться здесь со мной? Я хочу поговорить, – деловито предложила она.

– Это неожиданно ... – Илайя огляделась.

– Ты ждала Юлия, но его не будет.

Илайя мигнула с молчаливым сомнением.

– Я удалила твоё сообщение о встрече до того, как Юлий его увидел, – закатила глаза Таня. – Поэтому он продолжает думать, что ты занята до вечера и вы увидите завтра на фестивале, – видя, что Илайя ошарашена её осведомленностью об их планах, Таня добавила к тону немного укора. – Ты, конечно, захочешь тут же рассказать Юлию, что я читала вашу переписку. Но я настаиваю, чтобы вначале ты меня выслушала. Присядем? – Таня хозяйским жестом пригласила Илайю на лавочку.

Ёжась от её шероховатого взгляда, Илайя с волнительным любопытством приготовилась слушать эту странную девушку, которая уже во второй раз обрушивалась на её сокровенные ожидания.

– Я хочу объяснить тебе, что нас связывает с Юлием, – закинув ногу на ногу, Таня обняла колено ладонями.

Илайя замотала головой.

– Постой! Я не хочу пугать тебя! – воскликнула Таня. – Я догадываюсь, ты влюблена в него. Поверь, я отлично тебя понимаю. Но я также вижу, что ты женщина с большим достоинством, и вряд ли станешь довольствоваться мнимой взаимностью человека, который использует тебя в отместку самому себе, – она замахала руками, как бы прогоняя ошибочные смыслы, с которыми могли быть истолкованы её слова. – Я не утверждаю, будто Юлий к тебе совершенно равнодушен. Я допускаю, что ты нравишься ему – Юлий влюбчив. Но способна ли сиюминутная симпатия разрушить многолетнюю связь? Я знаю об этом человеке всё, что только можно знать. Его желания, цели, методы, чем он руководствуется, принимая решения, что снится ему по ночам и как это влияет на его аппетит. Я знаю путь, который приведёт его к счастью. А ты уверена, что найдёшь этот путь?

– Таня, в твоих словах нет смысла, – пробормотала Илайя. – Я не собираюсь оспаривать вашу с Юлием связь. Или, тем более, претендовать на какую-то роль в его жизни.

– Поясни мне свои слова, – потребовала Таня. – Значит ли это, что вы любовники, объединённые единственно жадой экстаза? И у вас нет никаких планов на будущее?

– У меня нет никаких планов... Я его люблю... – сказала Илайя.

Доверительная неприкаянность, с которой говорила Илайя, бесила Таню.

– Прямо-таки любишь! – злобно прищурилась она. – И, небось, мнишь, что это взаимно!

– У меня нет причин сомневаться во взаимности.

– А если бы были? Что бы ты сделала?

– Чего ты добиваешься от меня? С какой целью завела этот разговор?

– Я хочу, чтобы ты осознала, что его интерес к тебе – следствие его болезненного разочарования в нас. Я совершила ошибку, которую он до сих пор не может мне простить. Но, Господи, призываю тебя в свидетели перед этой запутавшейся девушкой, что мы с Юлием принадлежим друг другу. Я хотела дать Юлию время, чтобы он осознал: мы нужны друг другу. Но появился фактор, который я не учла – ты! У меня не так много времени, чтобы пустить всё на самотёк и позволить ему исчерпать страсть к тебе. Думаешь, легко было вот так явиться к тебе и просить, нет, требовать, чтобы ты оставила его в покое? Мне пришлось наступить на горло своему женскому достоинству. Но нет того, на что я не пошла бы ради нас с Юлием. Теперь тебе понятнее, какова моя цель?

Илайя несколько раз мигнула и пожала плечами.

– Если ты права – действуй. Мешать я уж точно не буду.

– То есть, бороться за него ты не намерена? – злонасмешливо уточнила Таня.

– Конечно, нет. Но я не исчезну лишь потому, что тебе этого хочется.

– Но если ты убедишься, что не нужна ему, ты оставишь его?

– Сложно представить, что я смогу в этом убедиться.

– Просто будь понаблюдательней.

– Я не стану переступать не то что через живой барьер, но даже через малейшее сомнение, – сказала Илайя, вставая.

Таня улыбнулась.

– Услышать это – вот зачем я приходила, – удовлетворённо изрекла она.

– До свиданья.

– Постой! – закричала Таня и, когда Илайя обернулась, кокетливо ухмыльнулась. – Стоит ли тебя просить, – она подчеркнула это слово. – Ради чистоты испытания не говорить Юлию о нашей встрече.

Ничего не прибавив, Илайя пошла прочь, удивляясь тому, какое сильное действие на неё оказала неожиданная встреча с Таней. Её появление вместо Юлия, тот факт, что она имела доступ к его личной переписке, агрессивная самоуверенность, с которой она желала распорядиться их с Юлием участью, – Илайя никак не могла совместить эти революционные вводные со своими устоями. Всё внутри скукожилось, полочки покривились, и, как ни старалась она расставить всё по местам, стоило только отвести руку, оно тут же сбивалось в кучу.

Добредя до дома, Илайя остановилась, глядя кругом и соображая, чего ей не хватает в знакомом пейзаже. Не хватало неба. Его стёрли, как неудавшуюся часть рисунка, и всё под ним казалось похожим на законсервированную шахту. Мигнула фарами машина, припаркованная через улицу, и тем неприятно поразила Илайю: короткая вспышка будто обнажила её внутренние дефекты, которые, как верила Илайя, должны были исправиться сами, но которые врачи – узнай о них – захотели бы лечить. За рулём той машины сидел мамин деловой партнёр и приятель Анатолий Красуцкий. Сообразив, что он мигнул в знак приветствия, и смутившись, что столь безобидный жест вызвал у неё тревогу, Илайя радостнее, чем чувствовала, замахала в ответ, перебежала дорогу и юркнула в калитку.

Ещё с порога ей почудился запах дыма и необычная сгустившаяся тишина, придававшая дому не свойственную ему камерность. Илайя пошла на запах и очутилась в кухне. За простым столом, где обыкновенно пили чай домработница и повариха, сидела Ольга с дымящейся

сигаретой, пустой рюмкой и початой бутылкой коньяка. Опушенная голова её и плечи вздрагивали – она плакала.

– Илайя! – Ольга слышала новое присутствие и повернула к дочери зарёванное лицо. – Ты куда?

– Никуда. Я только пришла с пар.

– Всё благополучно у тебя? – шмыгнув носом, улыбнулась Ольга.

Илайя уклончиво поджала губы, отчего стало похоже, что она улыбается.

– Я попала в аварию, – сказала Ольга, чувствуя, что нужно объяснить весь этот антураж и, спохватившись, затушила сигарету в уже прилично наполненной пепельнице.

– Но ты не пострадала? – Илайя критически оглядела мать.

Ольга покачала головой и посмотрела на дочь, как показалось той, виновато.

– Но это всё равно было ужасно. Он появился так вдруг. Сейчас мне кажется, что я могла увернуться, но в тот момент я смотрела, как он приближается, и не верила своим глазам. У меня было чувство, что он коснётся меня и просто сдвинется в сторону, ну, вроде надувной матрас. Кажется, я машинально нажала тормоз. И вдруг этот удар! Ужасно! Машина пострадала, но терпимо, – продолжала Ольга бодрее. – В какой-то момент я догадалась позвонить Анатолию. Не представляю, что он предпринял, чтобы всё разрешилось. Когда всё было кончено, он привёз меня домой, – горестная кривизна тронула губы Ольги. – И теперь я сижу и думаю о своей жизни. Насколько всё в ней ненадёжно. Ты меня знаешь: я привыкла идти по жизни без страха, и вдруг осознала, что абсолютно беспомощна, – заметив, что глаза матери вновь наполняются слезами, Илайя почувствовала, что и сама готова следовать примеру.

– Ты в шоке, – подбодрила она Ольгу. – Он пройдёт, и всё забудется.

– Не-ет, – строптиво протянула Ольга. – Как такое забудешь? Как я смогу теперь положиться на себя, если знаю, что в ответственный момент могу подвести? Нет, Илайя, – вдруг воскликнула она с яростью. – Я выхожу замуж.

Лицо Илайи озарилось огнём, который зажёгся в глазах матери.

– Мы с Анатолием поженимся, – выпалила Ольга, сурово и испуганно побледнев.

– Он... сделал тебе предложение?

– Много лет назад, – Ольга улыбнулась сквозь испаряющиеся слёзы. – Вскоре после развода с твоим отцом.

– Почему ты не согласилась тогда?

– Думала, что разочаровалась в браке окончательно.

– И ты думаешь, что его предложение всё ещё в силе?

– Сегодня он повторил его, – Ольга подняла бровь, не скрыв торжества.

Илайя смиренно мигнула.

– Хочешь выпить со мной?

– Почему бы и нет, – отозвалась Илайя, вызывая взрыв нервного смеха у Ольги.

– Вот уж не думала, что ты согласишься! Брякнула на кураже – а тут! Ну что же! Будешь коньяк или откроем шампанское?

– Пусть будет то же, что у тебя.

Ольге пришлось открыть несколько шкафчиков, прежде чем она нашла вторую рюмку.

– Папа уже в курсе? – спросила Илайя, пригубив коньяк.

– Нет. Я только сейчас это решила. Так что в курсе только ты, – Ольга глубоко вздохнула и посмотрела на островок отчаяния в виде полной пепельницы и бутылки коньяка на столе с некоторой ностальгией – словно то было не её теперешней декорацией, а музеем событий, случившихся с кем-то из её предков.

– И Анатолий не в курсе? – уточнила Илайя.

Ольга лукаво улыбнулась.

– Он ждёт тебя у дома, знаешь?

– Всё ещё стоит? – небрежно спросила Ольга, хотя слова Илайи её явно не удивили. Илайя тут же подумала, что из кухонного окна, если отодвинуть занавеску, отлично видно машину Анатолия. – Ну что же, тогда я вознагражу его терпение, если не нужна тебе сегодня очень срочно.

– Конечно.

– Чем займёшься? – Ольга стала перед зеркалом поправлять макияж. Её голос звучал бодро, но в нём ощущалась нервозность.

– Расправлюсь с домашним заданием и постараюсь выспаться.

Ольга ещё покрутилась перед зеркалом, и потом направилась из кухни со словами:

– Ничего здесь не трогай, я поручу Дарье всё убрать, – на пороге она вдруг обернулась и доверительно понизила голос. – У тебя хорошая интуиция. Как ты думаешь, всё хорошо сложится?

– Сейчас я слышу только свою надежду. И она говорит, что да.

– Моё лицо не слишком заплаканное?

– Немного.

– Именно такое женское лицо глубже всего западает в мужскую душу – ты знала об этом? – подмигнула Ольга, исчезая.

Оставшись одна, Илайя долго боролась с порывом позвонить Юлию, назначить ему встречу и скорее уладить терзавшее её недоразумение. Ей не хотелось принимать навязанную Таней игру, но она признавала, что хотя этот порыв прикрывался благородным стремлением к полной откровенности с Юлием, в действительности за ним стояла ребяческая жажда утешить ревность, и она приняла вызов: во что бы то ни стало преодолеть свою слабость.

Когда стемнело, Илайя влезла под одеяло, сдвинула занавеску и посмотрела в окно. На тополе ворошились листья, берея новую невидимую тягость её души. Проверив её мыслями о свадьбе матери, Юлии и Тане, Илайя убедилась, что она восходит не к ним. Глубинная и как-то быстро проросшая в сердце, она воплощалась то внезапным равнодушием к событиям сегодняшнего дня, то странным предчувствием, то неизъяснимым страхом, то образом моря – спокойного и посеребренного луной – таким отчётливым, словно оно действительно было за окном.

Илайя легла на спину и усилием воли подумала о Юлие, но сердце деликатно отвергло эту мысль; и, вырываясь из мглистой тревоги, в её засыпающем сознании проступил образ Асседии, окрыляя её интуицию и выманивая у неё, прежде чем она уснёт, обязательство скорой встречи.

Глава 4. Фестиваль «Избранник ветров»

Накануне фестиваля Юлий, чтобы избежать разговора с отцом, заночевал в лаборатории своего друга-геофизика, и заскочил домой в последний момент – принять душ и переодеться. В кухне его поджидал Михаил.

– От неё? – ворчливо спросил он.

– Я ночевал в университете, если ты об этом.

– Зачем?

– На то были свои причины. Я не буду обсуждать с тобой Илайю и наши отношения. Но если уж ты упоминаешь её, то прошу называть по имени.

– А я прошу, чтобы ты прислушался к дельному совету. Илайя твоя не от мира сего. И ты с нею таким же становишься.

Юлий раздражённо кивнул.

– Я Таню выдернул из нашей глуши и привёз к тебе, чтобы вы все свои размолвки решили и расписались, наконец. Я этими же днями переоформлю на вас квартиру, и пусть остаётся. Она трудолюбивая и бойкая, дорогу себе пробьёт.

– Одно слово – забудь, – разозлённый отцовской бесцеремонностью, сказал Юлий.

– Из-за той? – растравленно спросил Михаил, но заметил нехорошую решительность в движениях Юлия и изменил тон. – Угомонись, – приказал он примирительно. – Я масла в огонь лить не буду. Пусть сам перегорит, тогда и увидим, что останется. Жаль только время терять, – он махнул рукой. – Но ты учти, что ту твою я насквозь вижу. У неё глаза смотрят в пустоту. Она за тебя рукой держится, а сама в облаках витает, и чего она там ищет – ты не поймёшь. Ветер дунет – за ним понесётся. И ты за нею не утонишься. А мужчине нужно, чтобы он был центром координат.

– Благодарю за вердикт, ваша честь, – холодно сказал Юлий, дав себе слово не ввязываться в спор.

Шаги в коридоре прижгли разговор, как спичка – распушённый кончик нитки. В кухню впахнула Таня. На ней было белое плиссированное платье в крупных маках, собранное гармошкой у шеи и обнажавшее плечи. Оно чудесно сочеталось с её строгим лицом, добавляя ему мягкости, и крупным адонисом, который она вколола в волосы.

– Какое счастье, все в сборе! – сияя сознанием своего очарования, воскликнула Таня.

– Выходим, – сказал Юлий. – Мы уже опаздываем.

Летний театр испытывал свои рубежи. Несколько лет назад на этом месте ветшала пустошь заброшенного ипподрома, и вот, вскормленная средствами прогрессивного мецената, она возродилась в просторный амфитеатр с круглой ареной и четырьмя зрительскими ярусами, разбитыми на сектора. Вместо традиционных трибун на них был постелен газон, а посадочными местами служили то раскладные стулья, то ряды скамеек, то кресла-мешки, а всего чаще – и то, и другое, и третье одновременно. Соединение в устройстве Летнего театра античной планировки и демократичного экстерьера, и, особенно, простота и тенденциозность его программного наполнения превратили эту уютную камео в культурно-досужий оазис для населения. Здесь проводили выходные, совмещая пикники и творческие встречи, слушая лекции по гештальт-терапии, маркетингу и урбанистике, поэзию, прозу и музыкальные импровизации известных и не слишком авторов, занимая детей рисованием, тематическими спектаклями, спортивными играми и мастер-классами, а иной раз – просто покачиваясь в гамаках с электронными книгами. По вечерам сюда приходили на роковые или джазовые концерты или в импровизированную школу танцев, поучаствовать в викторинах и просто повалять дурака.

И хотя гостеприимство и лёгкий характер Летнего театра сделали его достоянием самой разной публики, ещё никогда палитра гостей не была такой обильной, как в день фести-

валя ветра. Здесь была и культурная элита, и чиновники, и предприниматели, и трогательные неформалы, и розовощёкие ЗОЖники, и гражданские активисты, и богемного вида художники, и многодетные семьи, пестрящие своей обывательской прелестью.

Нижний ярус, где сосредоточилось большинство гостей, – исторический партер – занимали стрит бары с кофе и мороженым, фуршетные столы с закусками, пирожными и пирамидами шампанского. Между ними сновали белолицые мимы, неповоротливые куклы и бойкие аниматоры. На втором ярусе были организованы стихийные квизы: участники стояли вокруг ведущего, который озвучивал вопросы в микрофон, и в отведённое время должны были написать ответ и сдать для подсчёта баллов. Остальная территория отводилась под зрительские места.

На сцене, занимающей один из конструктивных секторов партера, под импровизированным полукуполом дожевывали пирожные музыканты, а в небе над театром, как пчёлы над медоносом, вились дроны. Выше них, вровень с тополями, парили змеи: здесь были и парафойлы – клетчатые турбины с лохматыми хвостами, и воздушные фигуры зверей и птиц, и роторные змеи в форме планет. По центру арены, привязанные к п-образной стойке, колосились серебристые леера роккаку. К ним и направилась Таня, чуть только они с Юлием и Михаилом немного сориентировались. Роккаку представляли собой пёстрые шестиугольные кайты около полутора метров в длину.

– Видите, у них по две стропы, – указала Таня. – Одним змеем управляют двое, – она многозначительно посмотрела на Юлия. – Есть три основных способа ведения боя: поднять змей выше других, разогнать и постараться перерезать нитку противника – она называется леером; если соседний змей окажется выше, то можно бить по его лееру своим парусом. А ещё приём «блокировка ветра» – нужно вывести змея так, чтобы он перекрыл ветер противнику.

– Ишь ты, – восхитился Михаил.

– Да, я немного подготовилась, – кивнула Таня. – Блокировка ветра считается мастерским приёмом, но попробовать мы обязаны.

– Мы? – насторожился Юлий.

– О, а вон Илайя! – Таня показала на девушку в джинсах и чёрной ветровке, что стояла наверху у балюстрады, и рванула к ней. – Привет! Давно ждёшь? Мы минут пять, как пришли, – с этими словами она предусмотрительно посторонила, пропуская к Илайе подоспевшего Юлия.

– Заметила что-то интересное? – спросил он.

– Как-то всё это... – Илайя посмотрела на парафойлы, качающиеся на воздушных волнах.

– Фантаσμαгорично, – заключил Юлий.

– Мне по душе, – сказала Таня, задористо скалясь.

Пару секунд спустя, покрывая возбуждённый гомон, из динамика церемонно-зловеще зазвучал голос:

– Дамы и господа! Мы начинаем!

И тут оглушительно грохнули барабаны. И дроны зависли в вышине. А на земле броско замерли мимы.

Ещё удар. Мощнее прежнего. И дроны все разом осыпались с неба и затаились на земле, как мыши, почуявшие опасность.

Форшлаг с акцентом! Красный луч прожектора рассек арену! Ещё форшлаг! Красный луч скрестился с зелёным! Форшлаг! В такт сердцу.

Акцент форшлагом и два удара дробью, и снова акцент, и опять дробь, и опять акцент, и оборванная дробь. И ещё раз тот же рисунок. И ещё, и ещё, отскакивая от мембраны, сыпались удары, и вдруг под этот запинаящийся бой с краёв арены к центру, где скучковались дроны, поползли, похожие на ящеров, танцоры. Их тела переливались серебристо-оливковым

гримом. Они пластично и свирепо переставляли свои конечности, заполняя всю арену, словно твари, выползающие из-под земли, и подбирались к вибрирующим квадрокоптерам.

Спазм, и в эту ритмическую зыбь вонзилась скрипичная рапира, свидетельствуя, что здесь вокруг них закручивается не что иное, как Пляска смерти. И по мере того, как она, уско-ряясь и накаляясь, заелозила по квинтовым ранам, ящеры окружили дронов и стали припод-ниматься, наползая на них и склубочиваясь.

И тут – ззззанс! Яркая вспышка света. И, как от взрыва, выбросило вверх дроны, и следом за ними кувыркком выпрыгнули танцоры. Заклокотали флейты, сдабривая фронты и подготов-ляя нисходящее соло виолончели, стенающей пленницы, ведомой под руки марширующими оловянными солдатами.

Илайя почувствовала, как тревога, виртуозно создаваемая музыкантами и поддерживае-мая энергичным танцем, что переходил то в схватку, то в демонстрацию пластических мелиз-мов, то в гипнотические игры прожекторов и световых следов, оставляемых виражами дро-нов, проникает в неё. Ей сделалось дурно, в глазах всё поплыло и не стало ничего твёрдого, за что можно было бы ухватиться взгляду. Она явственно ощутила, как её сердце разбухает от влажного страха. Что-то знакомое в его тональности чудилось ей – он уже владел ею раньше: страх крошечной пустоты, поглощающей привычные аксиомы, страх изгнания из мира, обе-щанного знаниями и опытом. А окружающие предметы, потерявшие резкость, казались погре-бёнными под многовековым слоем льда. Она слышала поднимающийся гобойно-скрипичный вал, но не могла разглядеть, как на гребне его в небо взмыла новая стая дронов с чучелами птеродактилей, отчего создавалось впечатление, что это взлетели танцоры, тогда как те, сгруп-пировавшись, вращались на земле, едва отличимые от квадрокоптеров.

И когда в бушующем море звуков вздыбились скрипичные грифы и скрестились шпаги гобоев, вокруг Илайи стали проступать фигуры: пузыри, цилиндры, оборванные кривые; и в разные стороны потянулись цепи молекул, а внутри молекул светилось фиолетовое пламя, точно кислород горел под действием неведомого окислителя.

Илайя моргнула, и её взгляд сфокусировался на огнях, строящихся в воздухе под завер-шающие Пляску оркестровые зигзаги.

– Что ты видишь? – выпалила она, уцепившись за Юлия, прежде чем сообразила, что огни – это анимационный футаж на экранчиках квадрокоптеров.

Танцоры и дроны с чучелами птеродактилей смешались, и, продолжая вращение, выстро-ились на арене в сложную и постоянно метаморфирующую фигуру, которая вскоре стала ритмично сокращаться, как мышца. И когда скрипичная агония достигла своего пика, они почти прижались друг к другу и, наконец, волнообразно вздрогнув, бездыханно рассыпались по арене.

И новым взрывом оглушило Летний театр – то был шквал аплодисментов впечатлённой публики.

– Мощно, – изрёк Юлий. – Кто это такие, вы о них слышали?

– Этно-рок группа «Феникс», балет «Квадрокоптер», – возбуждённо отозвалась Таня, штудировав буклет. – Впервые слышу как об одних, так и о других.

– Ты в порядке? – Юлий наклонился к Илайе.

– Мне не по себе, – призналась та.

– Тебя знобит, – Юлий тронул её лоб. – Жара нет, но тебя всю колотит. Ты не замёрзла? – он хотел снять с себя куртку, но Илайя категорически отказалась.

– Добро пожаловать на бал Избранника ветров! – зазвучал голос ведущего, как только овации чуть стихли. – Сегодня мы играем музыку, которую никто не слышал, и показы-ваем программу, которую никто никогда не видел. Мы чествуем ветер и обещаем вам улёт-ное настроение. Наши бойцы уже извелись от нетерпения, – ведущий указал на привязанных

к стойке роккаку. – И мы не заставим долго ждать ни вас, ни их! Ну а пока угощайтесь, развлекайтесь, наслаждайтесь! И не забывайте о шампанском – его тут, как видите, целые горы!

Ведущий ушёл со сцены, а музыканты заиграли убаюкивающую босса-нову.

– Чем займёмся? – спросила Илайя, чтобы стряхнуть с себя настороженное внимание Юлия, Тани и Михаила.

– Юлий бы, конечно, не отказался сверкнуть эрудицией, взять тройку-другую вопросов, —отозвалась Таня. – Но я предлагаю перекусить, пока не началось состязание. Слышали, что он сказал? Уже скоро!

Они спустились к ближайшему фуршетному столу, откуда Таня тут же взяла бокал шампанского и шоколадный маффин и, присев на барьерный выступ, приступила к созерцанию публики. На столе были овощные и сырные канапе, тарталетки с салатами, буше с муссами и икрой, мясные и рыбные кубики на шпажках, слоёные веррины, профитроли с начинкой из морепродуктов, креветки в кляре, виноградные улитки, всевозможные пирожные в таком изобилии, что Михаил затруднился с выбором. Илайя пробовала угощения одно за другим, надеясь отделаться от давешнего наваждения. Юлий проглотил пару профитролей, запил стаканом колы и, тоже шагнув к барьеру, стал изучать обстановку.

– Весь местный бомонд как на ладони, – ухмыльнулась Таня.

– А где Илайя? – спросил Юлий.

– Вон жуёт, – Таня качнула головой. – Гляди – около вазонов ваш мэр с женой и сыном. Этому пацану пятнадцать, на днях он выиграл мотогонку, попал в прессу и был разоблачён – родители, оказывается, были не в курсе его экстремальных увлечений. А рядом с ним – знаешь, кто? Популярный политический обозреватель. Недавно развёлся с женой, с которой они прожили двадцать лет – все были в шоке, ведь у них пятеро детей. А та дама в лоскутном комбинезоне – Лала Бо, супермодный дизайнер одежды, недавно знатно оконфузилась: её платье треснуло на Геле Виртуозной – победительнице шоу талантов и народной любимице – как раз в тот момент, когда та вышла на сцену за премией поп-исполнительницы года. Что стало причиной: то ли нарушенная диета Геллы, то ли профессиональный провтык модистки – до сих пор интрига. А вот, собственно, и сама Гелла – под руку с новым тренером нашей сборной, аргентинцем. На публике он вечно трётся возле неё – пытается создать впечатление, что у них отношения, будто кто-то ещё не знает, что по правде его любовник – Глеб Кротиков, депутат, герой коррупционного скандала, связанного с приватизацией металлургического завода.

– Откуда ты всё это знаешь? – поразился Юлий.

– Соцсети.

Илайя посмотрела на Юлия и Таню в её милом платье, и они показались ей такими родными, а их беспечная болтовня – такой многообещающей, что она заторопилась к ним, ища спасения от дурного предчувствия.

– А вот и твоя Илайя, – демонстративно подвигаясь и уступая ей место рядом с Юлием, сказала Таня.

– Ольга здесь, – сказал Юлий.

– И её я знаю, – сказала Таня, проследив за его взглядом. – Светская блоггерша. У неё много занятных темок, правда, уже требующих более молодого автора.

– А рядом с ней – её жених, – добавила Илайя.

– Да ладно! Ого, они смотрят на нас, мы слишком громко это сказали?

Ольга и Анатолий, кивая встречным знакомым, неторопливо приблизились.

– Добрый вечер, – Анатолий обратился ко всем с одинаковой улыбкой, но, остановившись на Тане, вскинул брови, вытянул шею и блаженно потянул носом. – Вы обворожительны.

– Чего не скажешь о тебе, – недовольно добавила Ольга, обращаясь к Илайе.

– Это моя мать, – пояснила Илайя Тане, которую удивила неделикатность Ольги.

– Ольга Головей – твоя мать?

– Ольга Головей ещё и мать, – услышала Илайя за спиной, обернулась и узнала сенсациониста Витаса Блябова. – Тебе стоит чаще напоминать об этом своим подписчикам – это добавит тебе баллов.

– Сунуть лицо в тантамареску вечных ценностей – только профан может ждать от Ольги такой банальщины, – возразил голос, принадлежавший женщине воинственно-интеллигентного вида, очень похожей на библиотекаряшу.

Вокруг них стихийно собралась группа людей, среди которых Илайя узнала многих завсегдатаев маминых приёмов.

– Наблюдая Ольгу в эпицентре этой семейной идиллии, я невольно задаюсь вопросом: чего ради она заглянула на огонёк Летника – культурного досуга или делового шпионажа, – подвернулся Шкодный Жорж, авангардно-консервативный писатель, с которым Ольга на днях повздорила в комментариях к фейсбучному посту о разнице между рустикальным и экологическим стилями в одежде. Он многозначительно поглядел на Ольгу, явно гордясь концентрацией намёков в своей реплике и как бы ожидая, на какой из них она выберет отреагировать: на характеристику общества Анатолия эпитетом «семейный» или на обвинение в неоригинальности.

– С таким локомотивом, как вы, Георгий, слухи грозят опередить события, – с гордым смущением ответила Ольга и любовно покосилась на Анатолия.

– Одной мне показалось, что Жорж диагностирует у вас антиконкурентную лихорадку? – выдувая облако пара, подкралась неотразимая Лиза Бронс и, встретившись взглядом с Илайей, подмигнула ей.

– Если на мысль о лихорадке тебя натолкнул цвет моего кимоно, то знай, что это лишь жест доверия талантливому дизайнеру, – с достоинством ответила Ольга.

– Очевидно, что он имел в виду королеву бала, – вклинился широколицый бородач Макс Славин, выскочка-комментатор, недавно заявивший о себе в большом спорте и ещё не вполне отесавший свои перлы. – Миру Пандробанову. Приношу извинения дамам – видали, как они покривили носы: мамзель Манн.

– Должна сказать, что мой интерес к ней определённо подогрелся, – призналась Лиза. – Просвещённые люди ничего особенного не ждали и опасались даже шансона, а тут чувствуется вкус и концепция.

– Что вы сказали о Мире Манн? – неизвестный с фотоаппаратом фамиллярно тронул Макса за руку.

– Жду не дожусь, как и вы, – отталкивая наглеца, брезгливо отчеканил тот. – Видали? Их там целый отряд: дежурят на всех входах.

– Кто дежурит? – не понял Шкодный Жорж.

– Папарацци, – сказал Витас Блябов. – Объективы засунули под мышки, и ходят-курят, косят под гражданских.

– Именно, – поддакнул Макс Славин. – Внутри уже всё прочесали – не нашли. Но я зуб даю, что её где-то тут прячут. В толпе даже, очень может быть.

– В толпе бы её заметили, – возразил Анатолий.

– Веско! – гоготнул Макс.

– Можно подумать – очередная грудастая краля, – брякнула фолловерша Ольги библиотечного вида.

– Меня уверяли, что рядом с нею Нефертити – кроткая простушка, – парировала Лиза Бронс.

– Ну, кому как не вам, журналистам, знать, как сильно слухи склонны преувеличивать факты, – оскалился Шкодный Жорж. – Правда, госпожа Головей?

Ольга проигнорировала вопрос, зато одарила загадочным взглядом Анатолия и сделала движение, говорящее, что желает уйти, и когда он подхватил это движение, с царственным видом кивнула в знак прощания:

– Приятного вечера.

С уходом Ольги рассосались и остальные. Одновременно объявили перерыв музыканты, уступая место бархатному шуршанию человеческой болтовни.

– Кто бы мог подумать, что ты дочь светской львицы, – шепнула Илайе Таня. – Чистокровная светская киса. Впрочем, притворяющаяся мышкой.

Илайя застыла в растерянности из-за того, что колкость в духе тех, что сыпались градом в мире её матери, но всегда обходили её стороной, была теперь нацелена непосредственно на неё, словно она перестала быть неуязвимой.

– Нам надо подобраться ближе к сцене и выследить организаторов, – сказал ей на ухо Юлий.

– А пойдёте к змеям! – взмолилась Таня. – Может, разрешат запустить на пробу?

Тут Михаил решительно двинулся к опустевшей арене, вынуждая спутников последовать за ним. Через барьер он, правда, не полез и остался у стрит бара, угостившись, заодно, мороженым. Запускать змеев для тренировки оказалось нельзя, но пощупать леера и подержаться за стропы Тане удалось.

– Вы думаете участвовать? – спросила Илайя.

– Только не я, – сказал Юлий.

Таня повернулась к Илайе и насмешливо подмигнула.

– И ведь можно подумать, что так и будет. Если уговорю его состязаться – убедишься, что мы созданы друг для друга?

И оставив Илайю с открытым ртом, Таня улепетнула с арены.

Вследствие неумовимых миграций публики скоро стал заметен новый её таксон. Творческая плевра заместила огрубевшими слоями депутатов, предпринимателей и политических назначенцев. Всё больше их заскорузлые костюмы теснили арену, да помпезные наряды их спутниц, роскошь которых была призвана простить недостатки их фигур, столь схожих меж собой, одинаково помеченных рябью невыдержанности, сколь схожими были их лица в масках красоты. Встречались среди этих женщин и истинные, эталонные красавицы, чьё сходство сокращалось до взглядов, подёрнутых дымкой скуки.

У алкогольного бара замелькал пиджак Пандробана. Он перемещался от одной кучки соратников к другой, сея рукопожатия и, одолев всю передовую, взбежал на сцену.

– Друзья, гости, сограждане! – старательно проговорил он в микрофон. – Заранее извиняюсь, потому как я не оратор, но рад приветствовать всех вас без исключения, хотя большинство вижу в первый и в последний раз в жизни. Вы знаете, вчерашний я не был бы так счастлив пустить целую кучу денег на ветер, – он погрозил кулаком кому-то, позволившему себе глумливую реплику. – Но сегодняшний я уже не тот, что был вчера. И повод сегодняшней тусовки прост: она так хотела, – он развёл руками. – Вы знаете это чувство, когда вам хочется сделать то, чего хочет она? Если не знаете, то вряд ли вы счастливый человек, – Пандробан прокашлялся, осаждая себя. – Мои партнёры спрашивали: почему фестиваль ветра. Друзья, да чёрт его знает! Пусть Мира Манн сама вам скажет. Здесь всё – от и до – её затея. А ещё меня спрашивали: где Мира? Я говорю: не знаю. Они не верят, – Пандробан ткнул пальцем в толпу. – Ты же слышишь меня, Мира Манн? – Пандробан поднял взгляд над головами. – Я немного изучил тебя и знаю: ты где-то тут, наблюдаешь и слушаешь. Я знаю, ты планировала всё по-своему, но я позволил себе влезть в твой сюрприз, чтобы устроить ещё один специально для тебя. А теперь камеры на меня, я хочу сделать объявление, – Пандробан извлёк из нагрудного кармана крошечную чёрную шкатулку.

Когда он вновь поднял глаза, их вдруг застелил ужас. Заметив это, люди стали оборачиваться и увидели в небе воронку смерча, подвигающуюся к Летнему театру. Одновременно задуло со всех сторон. Раздались испуганные возгласы. Пандробан оборонительно наклонил корпус, словно собирался сразиться со стихией. Но не простоял так и двух секунд – его буквально вытолкали за кулисы офицеры личной охраны.

Воронка, тем временем, придвинулась к арене, дотянулась до земли и стала выписывать восьмёрки перед сценой. И в ту же секунду раскатисто зазвучал тромбон, погашая зачинающуюся панику – стало понятно, что это обещанное иллюзионистское представление.

Заиграли нечто иступлённое. Главными были ударные: они неслись, подстёгиваемые скрипичными кнутами, сбивались на басовые вибрации, сколачивали мосты через тромбонные бездны. С первыми же аккордами смерч рухнул на землю и, разбившись в пыль, обратился черноволосой танцовщицей в виде красного ангела. Раздались аплодисменты и поощрительные возгласы.

Красный ангел скрестилась с бешеным ритмом в шалом чувственном танце. Её платье колыхалось хоругвью свободы, а лицо выражало блаженство отверженной, но тут на арену опустились четыре облака. Они закружились вокруг насторожившегося красного ангела и в неуловимый момент преобразились в двенадцать белых ангелов. Новые танцовщицы были тоньше и воздушнее красного ангела. Они окружили её и, заигрывая с нею и ласково увещевая, стали набрасывать на неё белые ткани и сыпать белую пудру. Но красная строптивница сбрасывала навязанные одежды, отряхивалась и норовила вырваться из круга. Тогда они стали щипать её, дёргать полы её платья и бить по щекам. Красный ангел угрожающе взмахнула руками-крыльями, и тогда бывшие ангелы сплотились вокруг неё, подхватили её и, свирепо взревев, вонзили в её смуглую кожу белоснежные зубы. Барабаны вдруг смолкли, и остался только напряжённый струнный фон. Растерзанное тело красного ангела в разорванном платье лежало на арене, а белые ангелы растерянно отступили и принялись дружно оплакивать несчастную.

И тут из колонок прогремел гром, и над сценой сверкнула молния, и на арену полил дождь. Белые ангелы упали на колени и обратили руки к небу руки, а струи воды смывали с их тел и одежд пудру, обнажая смуглую кожу и красные платья. В конце концов, они, стесавшись от стыда, расползлись по углам сцены. А вода, скопившаяся на арене, странным образом стянулась к центру и стала подниматься, закручиваясь воронкой. Выросши до человеческого роста, водоворот вспыхнул разноцветным огнём, фыркнул фонтаном искр, и из пламени, преобразуя его в свои ткани, возникла Мира Манн.

– Вон и она, – потрясённо пробормотал Юлий.

– Да... – отозвалась Илайя. – Я встречала её раньше.

– Где?

– То была странная встреча. И она была другой... Вышла из шторма ночью. Точно там и родилась. Из тока волн.

Мира вытянула одну руку к музыкантам, другую – к танцовщицам.

– Балет «Квадрокоптер» и группа «Феникс» – зодчие нашего сегодняшнего праздника! – у неё был густой матовый голос; с этими словами Мира поклонилась рукоплещущим ей артистам. – Ветер – самая тонкая из поверхностных материй. Исходная стихия процессов создания, разрушения и контроля. Воплощение скорости, несущей перемены. Фестиваль ветра испокон веку был сакральным событием у разных народов. Право провести его – привилегия, за которую боролись многие города, порою ценой жизни своих лучших уроженцев. Сегодня эта привилегия принадлежит нам. Там, откуда я родом, битва роккаку – старинная традиция и любимая забава сорвиголов. Ведь считается, что со змеями играют дети стихий. Чтобы победить в сражении, нужно, чтобы ваш змей остался в небе последним. Победитель сегодняшней битвы – избранник ветров – обретёт золотую гиперболическую спираль. Вы знаете, что спираль оценивается в десять тысяч долларов, но советую не торопиться менять её на деньги, ибо в ней

скрыто бесценное сокровище – тайна познания стихий. Время сражения – ранние сумерки – выбрано неслучайно: так ни яркое солнце, ни ночная тьма не помешают игрокам хорошо видеть в небе. Битва пройдёт в девять туров. В первых восьми примут участие по восемь змеев. Затем победители каждого тура сойдутся в финальном сражении. Пока заходит солнце, мы проведём регистрацию участников. Дерзайте, и да будет ветер вам в помощь!

Мира отдала микрофон ведущему и устроилась за столиком на краю арены, где юноши-распорядители уже организовывали выстроившуюся очередь. И всё резко зашевелилось, во все стороны забурили потоки людей.

– Нам нужно вниз, – повысил голос Юлий, чувствуя, что их относит вверх.

– Пойдёмте, скорее! – вторила Таня. – Мы должны участвовать!

– Я не могу! Бери отца! – раздражённо отозвался он, протискиваясь через толпу.

– Торопитесь, у нас считанные минуты до начала сумерек! – разнёсся над Летним театром звонкий голос ведущего.

– Юлий! – продравшись к нему, Таня свирепо схватила его за плечо. – Я никогда не прощу тебе, если ты не пойдёшь сейчас со мной!

Юлий обернулся на Илайю и увидел, что её безнадёжно оттеснили вглубь второго яруса, так что даже кричать было бессмысленно. Он отчаянно замахал ей, но она не сводила глаз с Миры Манн.

– Для комплекта последней восьмёрки у нас остаётся три змея, – объявил ведущий. По арене уже сновали возбуждённые участники с яркими браслетами на запястьях, которые им надевала Мира. На браслетах были указаны порядковые номера. – Всего два змея! Две последние пары – ну же!

– Чёрт бы тебя побрал! – Таня стукнула Юлия кулаками по спине, она едва не плакала от досады.

– Один последний змей! – взвизгнул ведущий.

Перед Юлием образовалась прореха в толпе, чем он тут же воспользовался и сбежал вниз, но при выходе на арену наткнулся на оцепление из юношей в гимназической униформе.

– Извините, выход на арену только для участников сражения, – вежливо сказал один из них.

Юлий запнулся, но за его спиной уже была Таня.

– Так мы участники! Мы на регистрацию! – воскликнула она, подталкивая Юлия в живой коридор, образованный такими же юношами, и они оказались у регистрационного стола. Юлий с жадностью уставился на Миру.

– Добро пожаловать! – глухо сказала она, обращая на него зашторенный изнутри взгляд. – И да будет ветер вам в помощь!

Остальные игроки уже собрались у стоек с роккаку, пробуя леера, озабоченно глядя в небо. Организаторы провели короткий инструктаж, затем бросили жребий, чтобы распределить сражающихся по группам. И бой открылся.

Первая восьмёрка парящих змеев рассредоточилась в небе над ареной. Несколько из них пошли в наступление, другие нервно вздрагивали, выдавая неловкие попытки своих штурманов овладеть управлением. Один змей пустился наутёк, зацепился леской за другого, забился, как стрекоза, угодившая в паутину, и бездыханно опустился вниз, утянув за собой и второго. Оставшаяся шестёрка тоже довольно скоро оказалась на земле. Право участвовать в финальном сражении получил змей, который на секунду отстал в своём падении от других.

Перед второй восьмёркой стояла задача, для начала, запустить змеев в небо. Оказалась она не так легка, и два змея выбыли ещё на этапе взлёта, так и не сумев набрать высоту. Довольно скоро и остальные пали в безыскусном бою.

Когда в небо взмыла третья восьмёрка, и игроки, и публика стали потихоньку входить в курс игры. Полотна роккаку, развеваемые ровным, рутинным ветром, плавно сталкивались

друг с другом. Михаил и Илайя сошлись на террасе второго яруса, где были стоячие места. Раскрасневшийся Михаил прихлёбывал пиво и казался миролюбивым.

К тому моменту, когда солнечный глянец на кронах уже обратился прозрачной золой, очередь дошла до предпоследней восьмёрки, в которой сражались Таня и Юлий. Илайя следила, как они берутся за стропы, выпускают змея, как уверенно балансируют, отодвигаясь от схваток и держась поодаль. В конце концов, они дали змеям соперников угробить друг друга, лавируя между сражающимися, пока не остались одни.

– Ат молодчина! – обрадовался Михаил и неуклюже зааплодировал. – Браво!

И хотя соперников уже не было, Таня не торопилась отпускать змея. Наоборот, использовала пустое небо, чтобы испытать те манёвры, о которых читала: разогнала роккаку, попыталась повертеть им в разных плоскостях, поэкспериментировала с высотой.

Наконец, у них отобрали кайт для последней восьмёрки полуфинала, и Юлий с Таней, воспользовавшись короткой паузой, поднялись к Илайе и Михаилу.

– Это реально, теперь ты видишь, это реально! – твердила Юлию Таня. – На финальном сражении нам нужно отработать ту же тактику: не вступать в схватку как можно дольше – тогда часть противников отсеется сама собой, а потом попытаться перекрыть ветер сбоку – это сложный манёвр, но он самый безопасный для нас. Если же нас атакуют, то надо постараться снизить змея и бить в ответ.

– Нам просто повезло. Ты видела лидеров третьей восьмёрки? Как ловко они подкосили остальных! Это явно не дилетанты. И в шестой тоже мастера. У нас нет шансов против них.

– Если наш соперник займёт выжидательную позицию, как планируем мы, – продолжала Таня. – Тогда надо будет хорошенько разогнаться и срезать его леер, – она задвигала руками, показывая движение, как она его себе представляла.

– Слушай её! – пробасил Михаил, горделиво улыбаясь.

Юлий снисходительно хмыкнул, но ничего не сказал.

– Я смотрю, ты вошёл во вкус, – заметила ему Илайя.

– Увлекательная затея, – не возражал Юлий, внимательно следя за последним полуфинальным туром, и вдруг воскликнул. – Гляди, что он делает – пилит леер! То, о чём ты говорила.

– Именно! – подхватила Таня и окрылённо повернулась к Юлию. – Если мы победим! Если мы победим – ты согласишься, наконец, мне, хоть на йоточку?

И снова Илайя заметила напряжённо-поощрительный взгляд Юлия, направленный на Таню.

– Чем примечательна вблизи Мира Манн? – спросила она.

– Как выключенная люстра оперного театра. Роскошная и безжизненная, – отрапортовал Юлий.

А последний бой перед финалом уже ознаменовался победителем, и сумерки входили в ту фазу, когда сиреневая мгла, обволакивая, обесцвечивает предметы. Юлию и Тане пора была бежать.

Азарт господствовал над публикой. Опьянённые им, люди галдели, топотали, по-болельщицки скандировали, а когда на арену вышли финалисты, раздались бурные аплодисменты и даже свист. Игроки разыграли змеев по жребию и разошлись по арене. Юлий и Таня взялись за стропы оранжевого кайта и воинственно переглянулись.

– Какая пара – два голубка под одной крышей, – заключил Михаил, не глядя на приунывшую Илайю.

Для одного из змеев соревнование закончилось во время взлёта. Взяв чрезмерный разгон, он унёсся за пределы театра, зацепился за дерево и увяз в кроне. После пары неудачных попыток освободить своего питомца, участники сокрушённо бросили стропы.

– Проигравший выбывает, – потирая руки, изрёк Михаил.

Чувствуя нарастающую неловкость и странную гнетущую негу, Илайя отступила на два шага.

Стайка пёстрых роккаку над Летним театром напоминала рыбок в огромном аквариуме. Вот две из них сблизились и затрепетали в страстном объятии, которое скоро вымотало их и потянуло вниз, куда-то примерно на уровень круга сладострастников.

– Минус два! – радостно занервничал Михаил.

А Илайя сделала ещё два шага назад и едва удержалась на ногах: верхушки деревьев задрожали, словно от мощного землетрясения. Она поняла, что снова погружается в психоделический транс. Появился зуд в венах, предвещающий выплеск силы. Она ощущала себя Посейдоном, угодившим в бассейн, и лицемерие происходящего подстрекало её сдуть это бредовое действо к чёртовой матери. Потом ей померещился чужак с несуществующего кладбища: он сидел на куполе над сценой, курил свою травинку и, взглядывая на неё, грустно посмеивался.

Илайя посмотрела на Миру, наблюдающую за противостоянием реющей пятёрки. На потушенную хрустальную люстру, как охарактеризовал её Юлий. Но Илайе она вовсе не показалась такой – напротив, была непроницаемым пламенем, сакраментально для Илайи отражающим её глубинные импульсы.

Ещё два змея, подсеченные третьим, спланировали на землю.

– Ура, мои дорогие! – закричал Михаил, чуть не приплясывая.

Оставалось три змея.

Илайя сделала ещё шаг назад, наткнулась на кого-то, проигнорировавшего её извинения, и торопливо поднялась к выходу. Но верхняя терраса была оцеплена, как и арена, юношами в синих жилетах. Двое из них деликатно загораживали фойе.

– Разрешите! – потребовала Илайя, сжимая в кулаках рвущуюся из неё силу.

– Вы хотите уйти? Когда вот-вот определится? Неужели вам не интересно? – изумился один из ребят.

Илайя с досадой обернулась на арену. Два змея нацелились на кайта Юлия и Тани, но те, обманно качнув роккаку и спровоцировав разгон обоих соперников, увели змея в другую сторону, и их противники вынуждены были сцепиться между собой. И пока они атаковали друг друга, змей Юлия и Тани, угадав направление ветра, обошёл их справа, и, когда один из них поверженно канул, накренился как самолёт, совершающий разворот.

– Что мы видим?! Эти ловкачи пытаются перекрыть ветер противнику! – донёсся из микрофона голос ведущего. – И... И! Он вырывается из этой западни, но они преследуют его! И! Он удерживается! Ноооо!... Они обходят его сбоку! И-и-и!!! Он заблокирован! Он задыхается! И-и-и!!! Он низвергается на грешную землю, как Люцифер, сброшенный с небес! Похоже, развязка состоялась! Но что это! Они теряют ветер! Не может быть! Нет, нет! Он сейчас упадёт!

– Пустите меня, – пробормотала Илайя, дрожа всем телом.

Угол её зрения сократился, и на той прослойке пространства, где кислород прежде горел мирным фиолетовым огнём, она увидела пламя, раздуваемое ветром.

– Вам дурно? – к ней подступили, пытаясь взять под руки.

Но Илайя отскочила и повернулась лицом к арене. Ей оставалось разжать кулак и направить ветер в нужном направлении.

Словно задетого воздушной стрелой, змея Юлия и Тани подбросило обратно в победную высь.

– Ииии! Да! Да! Да! Как по волшебству! Вот он, наш победитель! Вьётся триумфальным знаменем, отбивая пять вырвавшегося к нему ветра. Браво!

– Она наша! – завизжала Таня. – Невероятно! Юлий!

– Да, – Юлий нашёл глазами Михаила и, не увидев Илайи, стал искать её по рядам, пока не приметил наверху её движущуюся фигуру.

Илайя проскользнула к боковому выходу, который, ввиду всеобщего ликования, был оставлен без присмотра, и вырвалась из Летнего театра.

– Десять тысяч долларов, – на губах показала Таня.

– Да, – сказал Юлий, протягивая стропы подоспевшему распорядителю.

Таня, захмелевшая от восторга, бросилась на шею Юлию.

– Хотел бы я сейчас быть на месте этого парня, – хохотнул ведущий, жестами призывая публику к аплодисментам.

– Я всегда верила, что вместе мы способны на всё!

– Да, – раздражённо бросил Юлий и стал пятиться с арены, как вдруг ледяной ток прошёл по его венам. Он обернулся. За его спиной стояла Мира Манн и держала его за руку.

– Иманон, – сказала она, как ему показалось, с любопытством.

– Позже я найду вас, – сказал Юлий, освобождаясь, и бегом бросился за Илайей.

Если бы очень зоркий глаз неотрывно следил за Мирой Манн, то и он бы не уловил, каким образом и в какое мгновение она исчезла из Летнего театра. Он заметил бы лишь, что она шепнула пару слов ведущему, тут же объявившему церемонию награждения, и метнулась к партеру, а по закулисной суете охранников Пандробана, которые хватились Миры, догадался бы, что она не воспользовалась служебным ходом. И даже если бы он выглянул в подкрадывающуюся к Летнику полутьму – и тогда не обнаружил бы её, потому что к тому моменту она уже неотступно следовала за Юлием.

ЧАСТЬ 3. ВЫБОР

Глава 1. Лукавая исповедь

Колокольня чернела в сумраке, стынущем у подножья неутеплённой сентябрьской ночи, точно портал вглубь планеты. Илайя смерила её недоверчивым взглядом, пропуская через себя мутный поток скомканных мыслей, утекающий в голодную тьму, что крепчала и разрасталась, доедая память о солнце и безмятежности.

В скорости появился Юлий. Перед тем он успел заскочить в Асседию и, не найдя её там, догадался проверить здесь. Он был очень раздосадован.

– Как тебя понять? Когда мы приблизились к разгадке!.. Мы были с нею лицом к лицу! Она сказала мне: Иманон. Зачем ты сбежала? Что произошло там с тобой?

Илайя скосила взгляд на входную арку колокольни, откуда на неё поплыли искажённые воспоминанием пузатые цепочки молекул.

– Я не могу выразить, что происходит со мной и как это ощущается.

– Я говорю тебе: Мира Манн – не случайная фигура.

– Может быть, – сказала Илайя. – Но ты, Юлий, случайная фигура.

В первую секунду он опешил, затем выразительно кивнул, как бы говоря: ну, приехали, что ещё я сегодня услышу.

– Это всё ревность, – сказал он не без злобы.

– Не отрицаю, – качнула головой Илайя. – И это хуже всего. Я не могу присвоить то, на что претендует другая.

– Но Таня мне не нужна.

– Когда-то была нужна, – упрямо сказала Илайя. – Ты связан с нею в прошлом, а связи не рвутся.

– Но это бред какой-то! То есть, ты отказываешься от меня?

Илайя различила вдалеке тяжёлый шум разгоняющихся волн, предвещающий зарождение шторма.

– Я не смогу дать тебе то, что сможет она, – обречённо сказала она. – Моя жизнь не будет посвящена тебе. А тех, кто нас любит, надо ценить. И, пожалуйста, уходи сейчас отсюда.

Плаксивая луковая сладость, усиленная тем острым чувством реальности, которое высвобождало так плохо ещё освоенные ею внутренние ресурсы, захлестнула Илайю. Она чувствовала повсюду нарастающую вибрацию, и понимала: то растёт ветер, ею же вызванный. Ветер, в котором она сейчас сможет укрыться и прокричаться.

– Уходи! – с досадой крикнула Илайя.

– Не надо повторять мне! – рявкнул он в ответ. – Может, ещё сдуешь меня отсюда?

Илайя решительно обошла Юлия, словно случайную преграду, и вошла в колокольню. Но её стены только усилили холодную дрожь и чувство непоправимой ошибки. Тут же Илайе захотелось вернуть Юлия. Она ступила к выходу, и сердце её ёкнуло от шальной мысли, что снаружи не осталось ничего, кроме фрагментов прошлого, дожираемых лангольерами. Но, заметив совсем ещё недалеко его фигуру, она облегчённо выдохнула и выскочила за ним с твёрдым намерением немедленно всё уладить, как вдруг застыла, точно гусыня, пронзённая стрелой. Вовсе не Юлий был той фигурой, что виделась ей из колокольни.

Против арки, окружённая обломками кирпичей, искорёженными жестяными банками и битым стеклом, стояла та, что нынче вечером триумфовала на сцене Летнего театра, в том самом платье, что будто материализовалось из пламени. То была собственной персоной Мира

Манн. Она подставила ветру, точно скульптору для полировки, своё точёное лицо и потянула носом.

– Сколько сомнения в этом ветре. Сколько в нём жажды уверенности. Но – увы. Источник сух.

Илайя безмолвно шевельнула губами.

– Запах жёлтой магмы в воздухе – признак вторичного ветра. И это значит: аве, Иманон.

– Что означают твои слова?

– Ты хочешь знать о силе, которая исходит от тебя, и я расскажу тебе о ней. И ты поймёшь, отчего она так мучает тебя.

– Но кто ты? И откуда знаешь об этом?

– И об этом я расскажу, – она вытянула руку ладонью вверх, будто отдавая что-то Илайе или требуя чего-то у неё. Лицо её было непроницаемо, глаза смотрели изучающе.

Илайя внутренне шагнула назад, но ноги её передвинулись вперёд, и рука её потянулась к Мире. Мгновение они пристально смотрели друг на друга, а после ветер разбил их рукопожатие, и обе они вошли в колокольню.

– Неказистое местечко ты выбрала для нашего знакомства, здесь и присесть-то негде, – сказала Мира светски-укоризненно, немедленно преображаясь из дикого дитя ночи в гранд-даму. – Мой вариант, кажется, был поудачнее, – с тонким жужжанием подол её платья вдруг засветился оранжевым светом, и Мира без всякой брезгливости оглядела внутренность колокольни, и этим беспечно-оценивающим взглядом стряхнула зловещий налёт с её стен. – Но я повинуюсь желанию Иманон, – и Мира слегка, как бы с ироническим почтением, склонила голову. – Светодиодная лента, – пояснила она, заметив вопрос на лице Илайи. – Вшита в платье. Тяжеловато, но, видишь, оказалось кстати.

– Кого ты называешь Иманон? – спросила Илайя.

– Хранителя ветра. Тебя.

– Кстати, здесь есть, где присесть, – Илайя кивнула на верхнюю площадку и направилась к лестнице, и, поднимаясь, молча удивлялась, как так вдруг притупился страх, как охотно глухая тоска уступила тёрпкому предвкушению. Мира Манн поднималась за ней, как сердечная гостя в гостеприимную кухню. Наверху Илайя помедлила – ей было неловко, что Мире придётся пачкать роскошное платье в пыли и паутине, но та безоглядно уселась на доски и выжидающе глянула на Илайю, пока та устраивалась рядом.

– Ты преследовала меня? – спросила Илайя.

– Твоего друга, – сказала Мира, и Илайе померещилось, будто на секунду из-под светской маски выглянула, точно шлейка белья из-под платья, её мистическая природа. – Я ошибочно посчитала, что импульс силы исходит от него.

– Ты слышала наш разговор?

– Я увидела тебя, – Мира покачала головой. – И этот ветер. И его связь именно с твоей волей стала очевидной.

– А фестиваль – ты организовала его...

– Ради того, чтобы найти тебя, – кивнула Мира.

– Но какова была вероятность, что я окажусь там? Если бы я пропустила его?

– Но ты не пропустила, – снисходительно возразила Мира. – И вероятность была высокая. Я знала радиус поиска, и оставалось лишь привлечь твоё внимание. Меткое название и, конечно, спираль – ведь именно она сработала? Где она у тебя? – Мира не упустила машинальный жест Илайи, которая украдкой нащупала семиотическое сплетение линий. – На ладони?

– Ты не сказала, зачем искала меня.

– Я искала Иманон, – сказала Мира, своим тоном как бы развивая тон Илайи, но добавив в него мягкое уточнение. – Потому что мы обе с ним, мы обе с тобою, – жертвы непостижимой шутки рока, и ты, Иманон – та, что проживает мою судьбу.

– Что ты пытаешься сказать?

– Я говорю, что я должна была стать Иманон.

Илайя выразительно моргнула, и Мира смиренным вдохом начала свою историю.

– Я родилась двадцать один год назад, третьего февраля, в городе Гарфа – в двух сотнях километров к северо-западу отсюда. Это день и твоего рождения. Моментом моего рождения должен был стать миг между пятой и шестой секундами двадцать восьмой минуты после полуночи. Ровно в этот миг в Фуграде, достигнув девятиности девяти лет, умер некто Лев Костантини. Это имя значилось в его паспорте. Это же имя написали на его могиле внуки его умерших детей. Но настоящим его именем было Иманон. Этот человек родился в селении под Фуградом сто двадцать лет назад третьего февраля, в миг, когда умер Нетто Кан, настоящее имя которого, как ты догадалась, Иманон. Цепочку таких синхронных смертей и рождений я могу продолжать до нескольких тысячелетий в прошлое. Она простирается значительно дальше, но достоверная хроника Иманон прерывается на Ульрихе Артембергском. О том, как передавалась сила ветра ещё раньше, существуют только гипотезы. Согласно одной из них, вторичный ветер существовал ещё до зарождения жизни на планете: миллионы лет хранился в камнях и скалах, а с появлением живых существ началась его передача между ними, пока он, следуя эволюции, не достиг человека. Можно лишь догадываться о закономерностях движения силы ветра в те времена. В наше время сила подчинена девятиностидевятилетнему циклу. Но, кроме временного, есть ещё и пространственный фактор. Существует группа людей, посвящённых в тайну хранителя ветра. Они называют себя меркаторами и принимают миссию наставничества Иманон. За сотни лет своих изысканий, оберегаемых от публичности и аккуратно передаваемых преемникам, меркаторы заметили, что сила движется по дуге, пересекающей экватор под углом в восемнадцать градусов. Шаг её отличается по длине, но неизменно следует пропорции дуги. Воссоздав по последовательным координатам мест рождения Иманон полную траекторию, они увидели локсодрому – кривую, которая берёт начало от северного полюса и по часовой стрелке обвивает земной шар: лассо Пуповины. Достигнув южного полюса, она продолжается в обратном направлении под тем же углом к экватору. Накануне появления нового Иманон вблизи места его рождения наблюдается метеоритная активность. Это позволяет меркаторам, отслеживающим движение силы по линии Пуповины, практически безошибочно определять место рождения нового Иманон и его предполагаемых родителей. Когда ребёнок рождается, меркаторы вступают в контакт с его семьёй, удостоверяют знак спирали на его теле и участвуют в его воспитании. Сила зреет в ребёнке по мере его взросления, и к тому моменту, когда готова проявиться, Иманон владеет информацией о своих возможностях, своём назначении и своих обязанностях, – информацией, накопленной поколениями меркаторов за века их существования. Так воспитывалась я. Мой отец был меркатором – точнее, стал им, когда меркаторы нашли его и сообщили, что его новорожденная дочь – Иманон. Свою мать я почти не помню – она ушла от отца вскоре после моего рождения, якобы потому что была много моложе отца и хотела других детей, а отец твёрдо решил посвятить жизнь моему воспитанию – воспитанию, как она полагал, Иманон. К пятнадцати годам я изучила все известные миру науки, в том числе, редкую науку управления ветром. Но сила не проявлялась. В течение года, непрерывно практикуя раджа-йогу, я пыталась пробудить силу, но её признаков по-прежнему не было. Ещё через некоторое время состоялся совет меркаторов, который постановил, что, по всей видимости, произошла ошибка, и я не являюсь Иманон. Меркаторы оставили меня, но мой отец не принял их решения. Днём и ночью он сидел за вычислениями и приходил к одному и тому же результату: ошибки в расчётах нет, и я должна быть Иманон. До последнего вздоха он надеялся, что сила проявится во мне. Мне было жаль его, я знала, что он пожертвовал всем, и даже любовью к матери, ради того, чтобы служить хранителю ветра. А сама я примирилась с тем, что не мне суждено было стать Иманон. Точнее, так было поначалу. Я пыталась посвятить себя разным занятиям, но ничто не увлекало меня. Вскоре я совершенно утратила вкус к жизни, и чтобы

отвлечься от мерзкого чувства собственной бессмысленности, стала искать объяснение своей неудаче. И однажды, ничего не сообщая отцу, я пришла к моей матери. Я ожидала найти её счастливой замужней женщиной, воспитывающей многих детей, как она хотела. Но встретила одинокую старуху, что жила в убогой хижине на краю заброшенного селения. Увидев меня, она разрыдалась и открыла мне тайну, которую много лет скрывала ото всех на свете: у неё были тяжёлые роды. Настолько тяжёлые, что накануне разрешения она потеряла сознание. Чтобы спасти нас обоих, врачи сделали ей операцию, и вытянули меня из её живота на несколько мгновений раньше, чем умер Иманон. Мать так и не простила себя за то, что ей не хватило сил дать мне родиться в тот миг, что был назначен мне судьбой, и, как я теперь понимаю, именно это стало настоящей причиной и её ухода от отца (ибо она не могла ни признаться отцу, ни продолжать обманывать его об обстоятельствах моего рождения), и её печального существования. Не знаю, правильно я поступила или нет, но привыкши ничего не скрывать от отца, – я рассказала обо всём ему. Эта весть поразила его, но и немного приободрила. Если так, сказал отец, то твоя сила перешла к другому человеку. Он вновь сел за расчёты, и довольно скоро определил три возможных места рождения Иманон. Если Иманон родился в одном из первых двух, сказал отец, то мне останется лишь рассказать обо всём меркаторам, а тебе – зажить обычной жизнью или, если ты захочешь этого, стать меркатором. Он объяснил, что первые две из предполагаемых точек рождения Иманон находятся на лассо Пуповины. Если сила передалась без нарушения исторической траектории, замкнутой вокруг планеты, то сбой в её движении, вызванный вмешательством в процесс моего рождения, не станет фатальным. Но отец не мог исключить, что этот сбой повлечёт сдвиг в траектории движения силы и отклонение от лассо Пуповины. Основываясь на теории обратного стремления, он вычислил ещё одну возможную точку рождения Иманон, которая размыкает лассо Пуповины и уводит траекторию силы за пределы планеты. Несколько сотен или даже тысяч лет пройдёт, прежде чем это случится, но коль скоро лассо Пуповины распустилось, человечество неизбежно потеряет вторичный ветер, как некогда потеряло вторичный огонь, вторичную воду, вторичный металл, вторичную гравитацию и мало ли что ещё, о чём можно теперь только догадываться. Чтобы не утомлять тебя подробностями наших с отцом поисков Иманон, скажу лишь, что в первом предполагаемом городе среди официально и неофициально рождённых третьего февраля никто не родился во время, приближённое к половине первого ночи. Во второй предполагаемой точке мы нашли человека, который родился в тот самый миг, но он не был Иманон. Вернувшись в морозную Гарфу из жаркой страны, где мы надеялись встретить Иманон, отец подхватил грипп и отнёсся к нему слишком легкомысленно. Вирус одолел его за несколько дней. Прежде чем впасть в предсмертное беспамятство, отец назвал мне твой город – третью вычисленную им точку. Он завещал мне найти Иманон любыми средствами, и если, на беду, Иманон был рождён в этом городе, умолять его вернуть силу, которая назначена мне. Призвав меня к этой клятве, он оставил меня. Я оплакала отца, поборол навязчивое желание позвать в помощь меркаторов, забрала с собой всё, что могло бы заставить меня когда-нибудь вернуться в Гарфу, и отправилась в Дебриссу. Несколько недель мне потребовалось, чтобы освоиться здесь, найти мецената и воплотить свой план. И вот, наконец, я у цели. Чтобы предаться твоей воле.

Илайя с неловкостью жертвы уличного розыгрыша, которой объявляют, что её снимает скрытая камера, уставилась на притихшую Миру.

– Ты хочешь, чтобы я передала тебе силу ветра. Разве это можно сделать?

– Можно, – кивнула Мира. – Чтобы это сделать, во время действия силы нужно представить её себе в виде любого объекта, имеющего стремление: пусть это будет стрела или ручей или пшеничный колосок – что угодно. И затем нужно направить этот объект вот сюда, – Мира шевельнула кончиком среднего пальца. – Если мой отец прав, и моя судьба – действительно судьба Иманон, то во мне заложены ресурсы, необходимые для синтеза силы, и я смогу принять вторичный ветер.

– Почему ты называешь его вторичным ветром?

– Вторичный – означает, подвластный человеческой воле. Первичный ветер следует собственным закономерностям, и чем меньше вмешательство человека в ветер – тем естественнее и, следовательно, гармоничнее человек взаимодействует с природой вещей. Но пока продолжают рождаться Иманон, человечество сохраняет потенциальную возможность контролировать почти все воздушные процессы на планете.

– То есть, раньше человек мог управлять и другими стихиями?

– Свойства материй и силы, возникающие при их взаимодействии, миллионы лет назад существовали во вторичной форме.

– Но почему они теперь утрачены?

– Согласно теории обратного стремления вторичные и последующие формы явлений возвращаются в первичную форму, если их существование начинает угрожать природе вещей или привычной для нас форме жизни, – сказала Мира, облегчая философскую тяжесть своих слов неопределённо вздёрнутой бровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.